

УДК 930.2(07)
ББК 63я7
С34

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Белорусского государственного университета*

Рецензенты:

кафедра источниковедения исторического факультета БГУ
(зав. кафедрой кандидат исторических наук, доцент *С. Н. Ходин*);
профессор кафедры философских наук
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
доктор философских наук, профессор *В. Ф. Берков*;
профессор кафедры истории древних цивилизаций
и средневековья БГПУ имени Максима Танка,
доктор исторических наук, профессор *Н. И. Милицкий*

Сидорцов, В. Н.

С34 Методология истории : курс лекций / В. Н. Сидорцов. – Минск :
БГУ, 2010. – 207 с.
ISBN 978-985-518-391-5.

В предлагаемом курсе лекций отражен многолетний опыт и раздумья автора над тем, как не только проинформировать, но и обучить современных специалистов премудростям научного познания истории в условиях постмодерна.

Адресуется студентам, магистрантам, аспирантам исторических специальностей.

**УДК 930.2(07)
ББК 63я7**

ISBN 978-985-518-391-5

© Сидорцов В. Н., 2010
© БГУ, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый эксклюзивный курс лекций по дисциплине «Методология истории» – плод 30-летнего опыта изложения учебного предмета для разных категорий слушателей, проведения практических (семинарских) самостоятельных занятий и приема экзаменов. Опыт, который базировался на применении различных форм и разнообразных методов и приемов работы, вплоть до разрешения на экзаменах пользоваться всеми принесенными в экзаменационную аудиторию доступными материалами. Не допускалось только пользование «шпаргалками», поскольку это, во-первых, аморально, во-вторых, не дает возможности в полной мере оценить, насколько обучаемые понимают и могут применять на практике известные концепции и методы исследования истории.

Со временем пришло убеждение в том, что необходимость повышения теоретико-методологического уровня исторического познания (исследования и обучения) является не только потребностью эволюционного развития историографии (исторической науки), но и особенно ее неустойчивым состоянием, время от времени сменяющим периоды стабильности. Такое состояние характерно для современного положения белорусской национальной историографии. Заметное на всех уровнях функционирования науки снижение ее теоретико-методологического статуса обострило внимание именно к этой проблеме. Ее решение видится как в снятии остроты сложившегося положения, так и в создании в будущем условий для сбалансированного развития двух составляющих исследовательский процесс – теоретической и эмпирической стороны.

Курс лекций рассчитан на 34 часа (24 лекционных и 10 практических). В лекционной части он разбит на два раздела: концептуальный («Концепция»), в котором рассматриваются вопросы, связанные с природой и особенностями познания истории, его функциями, принципами и структурой, и посвященный методам («Методы»), традиционным и нетрадиционным. При этом упор делается на второй раздел, имея в виду, прежде всего, традиционные методы, количественные и лингвистические, а также междисциплинарность, отрабатывая эти темы на практических занятиях. Углубленный анализ других тем предполагается на последующих ступенях образования (в магистратуре и аспирантуре) и самообразования.

Целью издания автор ставит оказание максимальной помощи слушателям курсов лекций в уяснении ими понятийно-категориального аппарата методологии истории, ее места в историческом познании как звена, связывающего практику исследования и обучения с теорией истории. Заметим, что методология в этом смысле, с одной стороны, освещает практику, нацеливая ее на конкретные рекомендации, с другой – оживляет теорию, наделяя ее действен-

ной силой. Осознанное закрепление ранее полученных навыков и приобретение новых, невольная потребность в постоянном их обновлении при выполнении любых исследовательских работ будет означать для автора признание его труда.

Хорошо известно отношение историков-исследователей к изданиям подобного рода – нередко как к второстепенным работам. Многие соискатели ученых степеней не считают нужным включать их в перечень использованной литературы. Определенные основания для такой реакции имеются. Но это – не вся правда. Есть и другие примеры, когда игнорирование новейших учебных пособий для вузов приводит к нежелательным казусам даже на защитах докторских диссертаций, соискатели которых не посчитали своим долгом заглянуть в них, а тем более сослаться на них. Учебные пособия, пусть и не все, могут и должны занять свое место в перечнях литературы научных работ.

Обращаясь ко всем потенциальным читателям этого издания, автор выражает надежду на то, что они с повышенным вниманием отнесутся к поднятым в нем проблемам в целях как «перевооружения» собственного механизма научно-исторического творчества, так и углубления теоретико-методологических основ своих конкретных исторических исследований и преподавания истории, стимулируя тем самым развитие самой методологии истории.

Обычно в подобных изданиях редко встречаются ссылки на первоисточники. Возможно, авторы либо пытаются скрыть их однообразие, поскольку пособия написаны на известных источниках, либо, наоборот, не желают рекламировать впервые вводимые в оборот источники из-за того, что пользователи могут «соблазняться» ими, не «утруждая» себя ссылками на учебные издания. В данном случае автор полностью открыт перед аудиторией, предоставляя им не просто лекции, а системное исследование, и рассчитывая на добропорядочность каких бы то ни было читателей.

Лекции излагаются под сплошной нумерацией. Имена известных авторитетов, названия рубрик, отдельные понятия выделены жирным шрифтом. Наиболее важные мысли, рекомендации взяты жирным курсивом (иногда с разрядкой), а пояснения и указания – простым курсивом. Прилагаемый к лекциям «Практикум» содержит методические указания по усвоению материала. Наиболее сложные темы, не вошедшие в практику и рассмотренные в лекционной части, предполагается детально изучить в магистратуре, а целевого характера – в аспирантуре. Такое оформление и сам стиль изложения, на взгляд автора, освобождают его от необходимости использования иных методических приемов.

Автор благодарит сотрудников кафедры источниковедения исторического факультета БГУ, кандидатов исторических наук доцента О. М. Шутову и старшего преподавателя В. Н. Кухаренко, доктора филологических наук профессора И. Ф. Ухванову-Шмыгову, кандидата психологических наук доцента Е. К. Агеенкову, а также сотрудников Управления редакционно-издательской работы БГУ за помощь, оказанную при подготовке рукописи к печати.

Историки... вероятно, забыли то, что можно называть прогрессом в их исследованиях, [оно] приходит не просто из открытия новых материалов, но, по крайней мере, в той же степени исходит из нового прочтения материалов, уже известных [1, с. 245].

Э. Стюарт

ВВЕДЕНИЕ

(Вводная лекция)

МЕТОДОЛОГИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ

- ✦ Значение понятийного аппарата.
- ✦ Методологическое звено в цепи «теория – практика».
- ✦ Методология – научная дисциплина.
- ✦ Методология – учебная дисциплина.

Значение понятийного аппарата

Будущие коллеги! Обращаюсь к Вам с вопросом, на который рассчитываю получить обдуманый Вами ответ. Уже несколько лет я практикую, возможно, необычный порядок приема экзаменов по данной дисциплине, когда **открыто** позволяю студентам пользоваться на экзаменах всеми доступными им материалами по методологии истории и не только по этой дисциплине. **Почему** я так поступаю? Прочтя предисловие, Вы можете догадаться, почему так. Но все же подумайте над вопросом. В противном случае становится непонятно, почему экзаменационные оценки по нашей дисциплине на 1–3 балла ниже, чем по другим дисциплинам. Почему каждые четыре из 10 студентов выпускных курсов дневной формы обучения и каждые шесть – заочной формы обучения получают самые низкие оценки.

В перспективе нередко получается так, что историк вначале дает описание своего объекта изучения, а затем «придумает» методы, посредством которых он это сделал. Происходит, как в том старом анекдоте, когда нерадивый ученик написал диктант, не утруждая себя расстановкой знаков препинания. А в конце текста «нарисовал» эти знаки, затем скомандовал им: «Марш по местам!».

Преследуется цель добиться от Вас понимания, подчеркиваю **пони-мания**, а не просто воспроизведения в памяти «подслушанных» каким-то образом сложных, хотя и простых на первый взгляд, **понятий** этой дис-

циплины, услышать Ваши рассуждения по поводу поставленных вопросов, подтверждения ответов путем приведения собственных «живых» примеров.

Аналогично тому, как в изучении математики, где мы оперируем числами, приводя их в действие, или как в постижении физики, сопоставляя ее понятия.

В мою бытность молодым преподавателем вуза, только зачисленным в штат сотрудников БГУ, произошел показательный случай. Тогда при поступлении в институт медалисты должны были сдавать поначалу экзамен лишь по одной из профилирующих дисциплин. От остальных они освобождались, если получали оценку «5» (*тогда придерживались 5-балльной системы оценок знания*). Близкий мне молодой человек при поступлении на физико-математический факультет БГУ получил по математике оценку «4» и вынужден был сдавать экзамены на общих основаниях. Мне стало интересно, почему же он не получил искомой оценки, если, по его словам, предложенную задачу решил и ответ сошелся. «Не рациональное решение», – заметил экзаменатор, – и «точка», как говорится. Что за задача, поинтересовался я, когда получил соответствующую информацию, к удивлению друга сразу же назвал правильный ответ. Вот эта задача и ее рациональное решение.

Задача. Тело покоится на плоскости под углом 30 градусов. Не учитывая никаких внешних воздействий на тело (в идеальном случае), предлагается ответить, с какой силой следует удерживать это тело, чтобы оно «не скатилось» к основанию плоскости.

Рассуждая о том, что, если бы тело висело (90 градусов), а не покоилось на плоскости (30 градусов), тогда понадобилась бы сила, равная весу тела P. А в данном случае она равняется P/3.

Если бы подобным образом рассуждали студенты по поводу исторических фактов, а преподаватели побуждали их к этому!

Дело нелегкое. Тем более, что в средней школе этому не учат, хотя и говорят постоянно, что следует обучать учащихся самостоятельно мыслить... Подобное заявление не может быть плодотворным, ибо добиться этого практически невозможно, поскольку приводится, как правило, два-три документа, лишь подтверждающие официальную концепцию, высказанную в основном тексте параграфа, а предлагаемый хрестоматийный материал – того же одного порядка. Фактически мы учим молодежь подтверждать уже готовую точку зрения, а не отстаивать ее.

Древнекитайский философ Конфуций называл три пути достижения истины: Первый, самый благородный – путь размышления. Второй, самый легкий – подражания. Третий, самый горький – опытный (на собственном опыте) [2, с. 13].

Первый путь достижения истины, означенный Конфуцием, перекликается с мыслью Х. Стюарта, предпосланной в качестве эпиграфа к данной лекции. А рассуждения невозможны без опоры на понятия, которые выступают в качестве маяков, создающих основу (матрицу) исторических описаний, тех картинок, последовательная смена которых символизирует историографический процесс.

Разделяя понятия по тому или иному признаку, мы можем выделить следующие группы:

1. Функционально-зависимые понятия (функции социальной памяти, эвристическая или научно-познавательная, воспитательная, идейно-политическая).

2. Понятия, относящиеся к структуре познания или к порядку познавательных действий (*источник, факт, уровни, категории, представление, описание*).

3. Принципы, определяющие основные (универсальные) способы решения научных проблем (*объективность, историзм, системность, ценностный подход в истории*).

4. Методы, регулирующие деятельность историка и обеспечивающие реализацию принципов ([обще]логические, общенаучные, социальные науки, специально-исторические, в том числе традиционные: *историко-генетический, сравнительный, типологический, системный, диахронический, ретроспекция и др.*; и нетрадиционные: *математико-статистические, социально-психологические, герменевтики и лингвистики, семиотики и искусствоведческого анализа и др.*).

Кроме вышеуказанных понятий, непосредственно относящихся к процессу познания исторической действительности (постижению истории как гносеологической проблеме), методология истории имеет дело с собственно историческими понятиями (постижением истории как онтологической проблемы) [3], показывая их роль в процессе познания.

Говоря в целом, перед методологией стоит важная задача по совершенствованию понятийного аппарата. От степени его разработанности и дифференцированности зависит уровень развития науки. В процессе уточнения понятий одни из них отмирали и появлялись новые, другие меняли свой смысл. В современной историографии нет, например, понятия «божественное предопределение», на котором базировалась вся средневековая наука. Анахронизмом звучит понятие «развитой социализм», которое было весьма популярно в недалеком прошлом.

В 1978 г. во время моего посещения ГДР долго беседовали с одним из сотрудников Лейпцигского университета по вопросу понятия «развитой социализм». В конце концов, пришли к выводу, что в нормальных условиях это понятие не постижимо. Его можно «осознать» лишь углубившись в шахту, из которой даже днем хорошо видны звезды.

Вместе с тем закрепились понятия «идеальный тип», «менталитет», цивилизация и другие. Расширили свое содержание понятия «полис», «диктатура», «революция». Для примера рассмотрим хотя бы понятие «революция».

Состояние революции создает наиболее благоприятную обстановку для проявления социальной и индивидуальной активности обычных людей во всех сферах жизни общества. Возможно, начало такой оценки положил Г. В. Плеханов, политический деятель, философ, теоретик марксизма, поддержавший Февральскую революцию 1917 г., но не признавший Октябрьскую революцию. Передовые для своего времени идеи о роли личности в истории он распространил и на непосредственных производителей материальных благ, на народные массы. Однако, касаясь случайности (субъективного фактора) в истории, Г. В. Плеханов детерминировал эту роль объективными условиями. «Влиятельные личности, благодаря особенностям своего ума и характера, – писал он, – могут изменять индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами» [4, с. 21].

Ныне мы наблюдаем довольно свободное толкование роли личности в истории. Убийство австрийского престолонаследника Франца Фердинанда 18-летним сербским националистом студентом Гаврилой Принципом – не просто «повод» для начала Первой мировой войны.

Погружаясь в революцию, общество приходит в броуновское движение. Тысячи людей (главным образом из беднейших слоев населения) стремятся проявить и показать себя, прежде всего, в политической области. В недалеком прошлом мы знали только тех, кто сыграл наиболее масштабную роль в жизни социума в целом либо в его важнейших сферах, причем лишь с деловой стороны, а не как простых (обыкновенных) людей со своими индивидуальными чертами, объяснявшими порой их «странные поступки».

Происходит столкновение личностей, представляющих самые различные слои населения. Тем самым раздвигаются рамки понятия «социальная революция»: в нем усиливается антропологическая составляющая. Подтверждается то положение, что революция, например Октябрьская 1917 г., «разбудила и расковала» огромные силы народа. Понятие социальной революции наполнилось новым содержанием.

История не только использует научный аппарат других дисциплин, приспособляя его к собственным нуждам, но и как любая иная наука вырабатывает собственные научные понятия. Таковыми, в частности, являются следующие понятия: *историческое время* (не абстрактное время, а наполненное событиями); *концепция длительной временной протяженности* (ДВП); *тотальная история* (события в их горизонтальном представлении, в отличие от *всемирной истории* – представления по вертикали); *историческая структура* и другие.

Рассуждайте!!! Надеюсь услышать Ваши полезные рассуждения и не только как в девизе «*Один за всех...!*», а от большинства студентов.

В таком подходе виден путь, который должен привести Вас к выработке (осмыслению, закреплению), пусть и не полного, но научно оправданного опыта исторического исследования и обучения истории.

По выражению известного педагога К. Д. Ушинского, каждое поколение создает свой собственный опыт [5].

Такой подход обусловлен, по крайней мере, двумя обстоятельствами:

1. Неудовлетворенностью школьным обучением истории. Несомненно, в рамках проводимой ныне школьной реформы предпринимаются большие усилия по совершенствованию преподавания истории, насыщению ее национальным содержанием, созданию современных учебных пособий, внедрению передовых технологий и методик. Не отрицая необходимости базировать его, прежде всего, на достижениях советской школы, следует, однако, констатировать недопустимую медлительность в осознании и действиях по адаптации преподавания к запросам современной жизни и ее перспективам. Это и понятно, реформа осуществляется людьми с их грузом прошлого, которое необходимо переосмыслить.

Разве можно развить у учащихся историческое мышление на основе двух-трех фактов, о чем говорилось выше, да еще далеко не альтернативных?! Конечно, нет. Тем не менее историк просто обязан учить своих «подопечных» апеллировать к достаточному количеству фактов, располагать и оценивать их, действовать подобно тому, как математик обращается с цифрами.

Сошлемся на А. П. Чехова, заметившего, что «национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения» [2, с. 682].

2. «Ремесленнический» подход к обучению истории в вузе (в лучшем случае по принципу «делай, как я»). На основе многолетнего общения с пятикурсниками исторического факультета БГУ могу с уверенностью заметить, что у большинства студентов историческое мышление не намного развилось в стенах вуза по сравнению с выпускниками средней школы. И это так, поскольку историческое мышление, по мнению специалистов, складывается в возрасте, соответствующему 8-му классу средней школы – 1-му курсу вуза [6, с. 202]. На вступительных экзаменах от них требуется знание фактов, так как тестовые программы создаются с использованием только жесткой методики. На переводных экзаменах фактологический подход фактически сохраняется, правда, уже в виде воспроизведения широко известных положений и выводов, подкрепленных фактами.

Работая членом ГЭК, не могу не констатировать главный недостаток защиты дипломных работ – забвение научных принципов исторического познания (исследования и обучения), изучаемых в методологии истории:

- не всегда тема отвечает намеченному кругу вопросов и фактически содержанию работы, т. е. налицо отход от принципа *объективности*;
- при определении цели и задач работы нет исходной установки о необходимости фиксации того, каким видится объект (предмет) исследования (его модель) к концу обозначенного времени по сравнению с тем, каким он представлялся вначале, что не согласуется с принципом *историзма*;

- не просматривается принцип *системности*, требующий выявления всех элементов внутренней структуры объекта (предмета) исследования (встречается как недобор, так и перебор предлагаемых элементов), его связи с рядом соседствующих объектов, или в рамках более объемной системы, куда входит исследуемый объект. (Опасными представляются самомнения некоторых дипломников, что ими сделано все возможное и наилучшим образом, хотя не трудно заметить, что их работы зачастую носят компилятивный характер и написаны на уровне «вчерашней» историографии);

- принцип *ценности в истории* так или иначе проводится в цепи рассматриваемого исторического времени, но только не с точки зрения потребностей сегодняшнего дня, т. е. студенты не хотят видеть в своей теме обратной связи с современностью (с молчаливого согласия большинства руководителей дипломных работ бытует идея «искусство для искусства»).

Если Вы вняли всему вышесказанному, попробуйте предельно кратко, выделяя самое существенное, ответить на такой «банальный» вопрос, что такое «история», которую Вы изучали пять лет и претендуете на получение соответствующей квалификации по этой специальности? История – это наука... (о чем?). Вы ошибаетесь, когда Ваши предполагаемые ответы на поставленный вопрос можно отнести и к другим научным дисциплинам. Прошлое изучает не только «история», но, в принципе, любая иная дисциплина. Что же делает «историю», отличительной от других наук?

Рассмотренный научный аппарат, несомненно, поможет Вам найти в ответе на поставленный вопрос, «показаться» как Ване Солнцеву в известной повести Валентина Катаева «Сын полка».

Формирование у себя такого динамического стереотипа имеет не только тактический смысл (с честью выдержать экзамен по методологии истории), но и стратегическое значение. Поясним на примере:

Проходила защита вызывающей не малый интерес кандидатской диссертации «Русская политическая эмиграция в Германии в 1920–1939 гг. (организационная структура и идеология)». На мой вопрос дать определение понятию «идеология», последовал ответ, без всяких оговорок оправдывающий, по мнению соискателя, концепцию его диссертации. Это – ничто иное, как политическая доктрина и адекватные действия политических центров. Пришлось порекомендовать автору заглянуть в современные словари и уяснить себе, что идеология – это система идей и взглядов (политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических), а также эмоционально-психологических средств, направляющие соответствующую деятельность социальных групп, в том числе политических центров.

Делайте выводы сами.

Методологическое звено в цепи «теория – практика»

История, как и любая другая наука, не может не иметь своего собственного механизма научного познания, исследования и обучения, в нашем случае, исторической действительности. Таким механизмом следует считать методологию истории – в известном смысле определенное научное направление, общее для всех отдельных отраслей научного исторического знания. В системе исторической науки методология занимает «место» между теорией истории и практикой исторического анализа, связывая эти две стороны большой и сложной науки. С одной стороны, они не допускают упрощения науки, в которой легко нечто «сотворить», сводя ее к «хобби», или к решению, в лучшем случае, «чисто» воспитательных задач. С другой стороны, исключают возможность усложнения науки, превращая ее в «умозрительное занятие».

Аналогично тому, как теория без практики мертва, а практика без теории слепа, методология истории выполняет двуединую задачу. Посредством своего механизма она постоянно наделяет теорию жизненной энергией, черпая ее в «бушующем море» исторического творчества. Вместе с тем освещает практическую деятельность историков, наделяя их исследования смыслом, позволяя на практике реализовать такой научный принцип, отличающий историю и указывающий на ее самостоятельность, как принцип ценности в истории. Эти две стороны исторической науки находятся в диалектическом единстве, не поглощая одна другую и не отделяя одну от другой.

Механизм исторического познания, управляемый теорией и обусловленный практикой, можно представить в виде системы с двумя уровнями компонентов. Первый уровень – *теоретический*, раскрывает природу исторического познания, его место и функции в науке, принципы и структурные элементы. Второй уровень – *эмпирический*, включает как традиционные, так и инновационные (в широком смысле слова) методы, многоцветье их комбинаций в каждом конкретном историческом исследовании [7].

Насущная задача повышения профессионализма специалистов в области истории, начиная с их студенческой «скамьи», требует не только глубокого уяснения (понимания) теоретических положений, но и практической отработки навыков творческого применения известных подходов, методов и приемов, *отвечающих требованиям современности, логике развития науки, поставленным задачам и источникам исследуемой проблемы.*

Методология истории, как неоднократно подчеркивалось выше, касается научного исторического познания вообще, включая как историческое

исследование, так и обучение истории, т. е. методологию истории как научную дисциплину и методологию истории как учебную дисциплину, естественно, при сохранении научного подхода и во втором случае. Профессионализм обязывает нас четко дифференцировать эти две стороны внутренне единого процесса, непосредственно касающегося как исследователей, так и преподавателей как профессорско-преподавательского состава вузов, так и учителей средней школы.

Преподавать историю так же, как ее исследуют, правда, с учетом специфики в каждом конкретном случае! Поясним этот тезис (правило) в данном случае только на одном примере. С чего мы начинаем исследование проблемы? Вы уже, думается, усвоили. Конечно, с историографии. А с чего мы должны начинать урок по запланированной теме? С опроса. Да! Но не с опроса, строго говоря, предыдущей темы, а с раскрытия, по совокупности, тех вопросов, знание которых необходимо для усвоения новой темы урока. *Как в исследовании – с историографии*, ибо все в истории, как и в окружающей нас действительности, взаимосвязано и взаимобусловлено.

В любом случае надеемся, что издание этого курса лекций в совокупности с индивидуальными консультациями – выход для Вас на современный уровень подготовки специалистов.

Методология – научная дисциплина

Методология истории в качестве научной дисциплины, как можно заключить из вышесказанного, представляется *самостоятельным научным направлением, базирующемся на эпистемологии (философии познания) и событийной (обычной) истории, раскрывающее механизм познания (исследования и обучения) истории*. Конкретизируя этот механизм, следует иметь в виду ***принципы, категории, методы, структурные элементы, или поэтапные действия, исходя из особенностей субъектно-объектных отношений применительно к истории (природы исторического познания, социальных функций истории)***. В научном реестре ВАК РФ она соответствует специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Характер исторического познания обусловлен тем обстоятельством, что мы – исследователи имеем дело с разумными существами, подобными себе. Имеет место, строго говоря, не соотношение «субъект – объект», как в иных науках, а соотношение «субъект – субъект», чреватое ошибочным наделением предшествующих поколений теми же качествами, которыми обладаем сами, но недоразвитыми, либо отсутствующими в определенной части. Вернуть прошлое в целях верификации невозможно, так как оно ушло без-

возвратно. Мы его можем либо *реконструировать*, либо представить в виде *ретроспективы* (ретроспекции). Это можно сделать по следам, которое оставляет прошлое, соблюдая при этом определенные условности или требования (*об этом пойдет речь в следующей лекции*). Не случайно, известный российский историк **В. О. Ключевский** еще во второй половине XIX в. отмечал, что прошлое «нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий» [2, с. 529].

Этими особенностями, собственно, и отличается историческое познание от естественнонаучного познания, в котором решающую роль играет эксперимент. Ближе к историческому познанию стоит художественное познание. Иногда даже историю называют «искусством» в отличие от науки. Но не следует слепо верить такому заключению. Художественное познание – это все же субъективное представление исторической действительности, знание, основанное не на коллективном, а на индивидуальном восприятии действительности, хотя второе порою может быть ближе к реальности, чем первое.

Взять, к примеру, воспоминания нашего писателя **Василия Быкова** «Доўгая да рога дадому» [8].

Отражение прошлого в историографии происходит на основе присущих исторической науке познавательных средств. В их числе названные выше принципы и методы исследования, категории и понятия как опорные точки описания прошлого, а также допущения, определяемые опытным путем и изложенные в инструкциях Высшей аттестационной комиссии, например ВАК РБ [9]. Примером в данном случае могут быть авторефераты докторских и кандидатских диссертаций, содержащие обязательные рубрики, отражающие историографию проблемы, ее источниковую базу, концептуальные установки и методы достижения поставленной цели, актуальность и новизну, положения, выносимые на защиту, выводы и обобщения, научную, социальную и практическую значимость.

Методология – учебная дисциплина

Методологию истории как учебную дисциплину целесообразно рассматривать в двух аспектах: 1) обучения исследованию истории, что является задачей вуза; 2) преподавания истории в средней школе. В первом случае предполагаются лекции, дающие соответствующие знания двух уровней (теоретического и прикладного), а также отработка навыков применения методов исследования при выполнении дипломных работ.

Обучение методологии исследования строится в соответствии со структурой данного издания. Предлагаемый курс лекций, как отмечалось выше,

рассчитан на 34 часа. Однако на заочном отделении этот объем часов сокращается до 1/3. Поэтому здесь предусмотрена структура занятий, основанная на использовании системного подхода в сочетании с многомерной дидактической технологией (МДТ), о чем речь пойдет в последующих лекциях. В случае затруднений обучаемые могут воспользоваться запланированными индивидуальными консультациями.

Во втором случае лейтмотивом остается уже известный Вам призыв: «Обучаем так, как исследуем». В структуре урока «опрос – объяснение нового материала – закрепление» следует видеть своеобразную историографическую часть (опрашиваем под углом зрения выхода на новый материал) – изучение темы с использованием адекватных методов – обобщение и выводы, скорректированные на школьный возраст и подготовленность учащихся.

При обращении к методике преподавания истории в средней школе обычно возникают два вопроса: 1) о переводе научного знания в образовательное знание; 2) о дистанционном обучении.

Пути перевода научного в образовательное знание обнаруживаются при сопоставлении этих знаний. Критериями сравнения могут быть следующие: по составу носителей знаний, объему исторической информации, логичности изложения нового материала, доказательности выводов, динамичности подачи информации и др. Из такого сопоставления вырисовывается картина перевода. В образовательном знании в отличие от научного знания – два и более носителя, его объем ограничен рамками действующей программы и учебным планом, частичная доказательность, в равной мере внутренняя и внешняя логичность, различная динамичность и т. д. Лучшему усвоению этого процесса может помочь построение таблицы, строки которой используются для разграничения видов знания, а столбцы – для представления вышеозначенных критериев распознавания знаний (табл. 1) [10, с. 45–47].

Таблица 1

Сопоставление учебного и научного знаний

Вид знания	Носители	Объем	Доказательность	Логичность	Динамичность
Образовательное					
Научное					

В наше время становится модным дистанционное обучение (ДО). Правда, его смысл порою недопустимо сужается, когда ему приписывается простое использование электронной почты для передачи студентам заданий, получения от них выполненных работ и отправки им информации с оценкой этих работ. Таким образом пытаются раскрыть преимущества ДО перед традиционным обучением. На самом деле они более существенны. Опираясь на базы данных, справочный аппарат и такое средство общения, как форум, ДО обеспечивает обучение всех желающих, независимо от их возраста, образования, профессии, места нахождения, а также совместное выполнение учебных заданий, учебно-исследовательских и научно-исследовательских проектов заинтересованными в них лицами [11, с. 126].

Смысл ДО заключается в *интерактивном общении* (свободном обмене мнениями посредством компьютера) участников форума, которое вовлекает в диалог всех участников, позволяет получить новые и более прочные знания, способствует развитию исторического мышления. Мы в этом убедимся на предполагаемых лабораторных работах с использованием платформы ДО e-University.

* * *

Какой же вывод напрашивается из сказанного в этой лекции? Какое же определение мы должны дать нашей дисциплине, исходя из особенностей исторической реальности и специфики ее познания?

Методология истории – научная дисциплина о системном познании прошлого, о функциях и принципах, подходах и методах исторического исследования и обучения истории, обусловленных как логикой развития науки, так и потребностями современности.

Библиографические ссылки

1. *Stuart Hughes H. Contemporary Historiography: Progress, Paradigms, and the Regression Toward Positivism / Progress and Its Discontents. Berkeley, Los Angeles, London, 1982. P. 245.*
2. Цит. по: *Мудрость тысячелетий от А до Я: великие мысли и афоризмы великих людей / сост. В. Н. Зубков. М. : Астрель [и др.], 2007. 861 с.*
3. *Постижение истории: Онтол. и гносеол. подходы: учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации вузов / В. Н. Сидорцов [и др.]; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Минск : БГУ, 2002. 289 с.*

4. *Плеханов Г. В.* К вопросу о роли личности в истории. М. : Госполитиздат, 1944.
5. *Ушинский К. Д.* Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии: в 4 кн. М. : Дрова, 2005. 3 кн.
6. Беларускі гістарычны часопіс : Навук., навук.-метад. іл. часоп. / Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі, Беларус. дзярж. ун-т, Бел. т-ва «Веды». Мінск, 1993. № 3.
7. Методологические проблемы истории : учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов исторических и философских специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / В. Н. Сидорцов [и др.] ; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Минск : ТетраСистемс, 2006. 348 с.
8. *Сидорцов В. Н., Латышева В. А.* Народ во Второй мировой и Великой Отечественной войне: синергетический взгляд на историю. СПб : Образование – Культура, 2005. 142 с.
9. Инструкция по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации: утв. Управлением Высш. аттест. ком. Республика Беларусь 15.08.07: текст по состоянию на 3.09.2007 г. [Электронный ресурс]. 2007. Режим доступа: www.vak.org.by. Дата доступа: 16.09.2009.
10. XXI век: актуальные проблемы исторической науки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак., 15—16 апр. 2004 г. / БГУ; В. Н. Сидорцов [и др.]; под ред. В. Н. Сидорцова. Минск, 2004. 342 с.
11. *Сидорцов В. Н.* Методология истории: количественные методы и информационные технологии: учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2003. 143 с.

Часть I. КОНЦЕПЦИЯ

Лекции 1–2. МЕТОДОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Лекция 1 _

Метод важнее открытия, ибо правильный метод исследования приведет к новым, еще более ценным открытиям [1, с. 161].

A. D. Landay

- ✦ Методология истории в системе наук о познании.
- ✦ Методологизация как научная рефлексия.
- ✦ Новый взгляд на историю.
- ✦ Особенности современной методологии истории. Синергетическое видение истории.

Методология истории в системе наук о познании

Развивая два последних вопроса из плана вводной лекции (*методология истории как научная и учебная дисциплины*), определим место методологии в системе наук. Иными словами, выясним ее отличительные особенности в сравнении с философией, естественными науками и смежными с самой исторической методологией.

Лучше всего, на наш взгляд, предпринять диалог с Вами по вопросу содержания наук, с которыми мы хотим сравнить методологию истории, а затем дать исчерпывающий ответ на вопрос о ее месте в этой системе.

■ **Философия** изучает имеющие прямой выход на методологию истории вопросы: 1) онтологического характера – общественное бытие, движение истории как действительности, закономерность и случайность в истории, исторический прогресс; 2) гносеологического типа природа исторического познания, понимание и объяснение, рациональное и иррациональное, детерминизм и свобода и др.

■ **Историософия** концентрирует внимание на человеке как социальном существе, его судьбе, на вопросах о смысле, цели и «конце» истории.

■ **Эпистемология (теория познания, гносеология)** изучает закономерности и возможности познания, отношение знания к объективной реальности, ступеньки и формы процесса познания, условия и критерии его достоверности.

■ **Методология науки** представляет собой учение о принципах построения, формах и способах научного познания.

Ценная для методологии истории характеристика научных методов дана в учебном пособии **В. Ф. Беркова** «*Методология науки*» [2]. В нем наше внимание концентрируется на трех группах поднимаемых автором вопросов: 1) социальный статус науки, в частности ее развитие в социокультурной обусловленности; 2) применяемые в науке методы, их распределение и понимание; 3) научный текст, его структура и освоение. Подкупает удачное, на наш взгляд, сочетание в пособии устоявшихся научных понятий с веяниями современности. Представляется, что наш курс является авторской конкретизацией этой общей методологии науки применительно к историографии в условиях междисциплинарности.

Теория истории занимается теоретическими построениями, используемыми в историографии в различные исторические эпохи: XVIII в. в этом отношении характеризуется рационализмом, романтизмом; XIX в. – историзмом позитивизмом; XX в. – плюрализмом, компаративизмом, постмодернизмом.

Обращает внимание вышедшее в 2002 г. учебное пособие **М. Ф. Румянцевой** по теории истории, пожалуй, первое в нашем образовательном пространстве. Оно примечательно хотя бы потому, что, как мы отмечали в предыдущей лекции, методология истории лежит между теорией истории и практикой исторического познания. В данном случае важно понять, каким образом методология истории «оживляет» теорию, стимулирует ее на освещение конкретных исторических задач, делает теорию полезной для историков-практиков [3].

В монографии **А. Н. Нечухрина**, посвященной российской позитивистской историографии в качестве предтечи модернистской парадигмы XX в., связь теории с практикой исследования истории представлена как образец отношения к историческому познанию [4].

Лейтмотивом этого исследования является тезис о том, что развитие теоретико-методологической базы постсоветской историографии следует видеть не только в «наведении мостов» с западной наукой, но и в углубленном изучении опыта, накопленного отечественной наукой в период ее относительно свободного развития, в восстановлении определившихся традиций. Автором выяснены наиболее существенные стороны развития рос-

сийской историографии того времени (гносеологический оптимизм и рационализм, вера в возможность средствами науки преобразовать мир в пользу человека, стремление относиться к истории как к естественной науке, признание существования законов развития общества и др.) Отчетливо показан кризис ее позитивистского направления. Примечательным является отражение процесса, когда под влиянием методологических учений и общеевропейских перемен произошла смена научных парадигм. Несомненно, проведенный ученым анализ ситуации 100-летней давности может быть полезен для уяснения состояния и определения перспектив развития современной исторической науки в условиях постмодернизма.

Красной нитью через широкомасштабное исследование **Н. В. Смеховича** *«История и метод»* проходит мысль о том, что «плодотворность и результативность труда историка напрямую зависит от теоретико-методологической базы» [5]. Ссылаясь на многочисленные извлечения из работ исследователей истории в разные эпохи, начиная с античности, автор проанализировал категории и принципы, которые обусловили понимание и объяснение событий и фактов, содержательное наполнение выдвинутых концепций, формирование и развитие научных школ. В работах современных методологов, по мнению ученого, имеет место противоречие, когда методологические основы их диссертаций не соответствуют поставленным целям и задачам.

Историография исследует вопросы: 1) изучения отдельных тем, рассматриваемых в рамках определенных разделов (кафедр) истории; 2) связанные с организацией исторической науки, ее научными школами в различные исторические периоды, в тех или иных странах и регионах.

Из новых работ примечательна в этом отношении монография **О. М. Шустовой** *«Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI века»* [6]. Уникальная в своем роде работа талантливой ученой открывает широкие возможности для осмысления и переосмысления нашей белорусской историографии. В монографии с использованием многочисленных публикаций на английском, французском, белорусском и русском языках, идей и наработок многих зарубежных ученых, историков и философов, раскрываются и анализируются актуальные и важные на сегодняшний день, вставшие перед исторической наукой новые проблемы ее развития. Среди них антропологический и лингвистический повороты, различные проявления постмодерна, современные проблемы исторической эпистемологии в разных странах мира, в т. ч. Беларуси. Выявляются тенденции в эволюции западной исторической мысли, в частности вопрос об идентичности, которая рассматривается как «формирующая» для анализируемых явлений, где акцент перенесен с изучения «объективных» институтов общества на «субъективное» в истории человеческий

опыт. Красной нитью проводится мысль об историографии как носителе идентичности самой истории [7, с. 168–172].

Источниковедение имеет своей целью выявление и определение источников, их классификацию, установление адекватных им методов. В этом отношении примечательным является учебное пособие по истории и теории источниковедения, созданное коллективом авторов под руководством **С. Н. Ходина** и опубликованное в 2008 г. [8]. Это первый подобного рода учебник, вышедший на постсоветском пространстве и удостоенный грифа Министерства образования Республики Беларусь. Его содержание соответствует типовой программе по истории и теории источниковедения для высших учебных заведений республики.

В пособии концентрируется внимание на проблемах становления и развития источниковедения как специальной исторической дисциплины. Большое место в нем отводится вопросам определения, классификации и систематизации исторических источников, их поиска, внешней и внутренней критики и интерпретации. Положительной стороной пособия является представленная в нем информация о традиционных и инновационных методах обработки исторических источников. При этом методологические аспекты основаны как на достижениях представителей западной исторической мысли, так и на работах отечественных методологов. В отличие от последних авторы пособия отталкиваются не от совокупности всех имеющихся научных методов, чтобы «разговорить» источник, а от источников, выявленный характер которых требует применения к ним адекватных методов.

Таким образом, отечественные учебные пособия по методологии и источниковедению истории дополняют один другого, сохраняя свою самостоятельность. Знания, полученные студентами по источниковедению на младших курсах, развиваются и отрабатываются на старших, особенно выпускных, курсах и в магистратуре.

Событийная история, так мы назовем то, чем большинство из нас обычно занимается, направлена на изучение конкретных исторических тем, требующих опоры на разнообразие источников и совокупность методов, соответствующих источниковой базе, поставленным задачам и методологическим возможностям, на собственную методику исследования.

Далее, в этой дифференциации наук поднимемся на следующий, более высокий уровень, имея в виду целые отрасли познания, в т. ч. естественнонаучное, художественное, а также уровень обучения (преподавания) истории, который Н. И. Минацкий справедливо связывает с образовательным знанием.

Естественнонаучное познание предполагает использование приборной ситуации. И хотя в историческом познании этого невозможно (*разве только за исключением путешествия известного исследователя Хейердала на*

построенном им плоту «Ра») методы, используемые в естествознании (например, подходы в синергетике), могут быть полезными для историографии.

Художественное познание отражает действительность в воображении художника, но может служить историческим или историографическим источником. В этом отношении примечательны, как мы уже отмечали, воспоминания *Василия Быкова «Доўгая дарога дадому»*.

Методика обучения (преподавания) истории, в отличие от распространенного мнения, что эта методика основана исключительно на психолого-педагогическом учении, направлена на преобразование научно-исследовательской практики в образовательную сферу (*обучать так, как исследовать, но с учетом специфики этой области деятельности*).

Останавливаясь на механизмах функционирования наук, в том числе гуманитарных, Президент Республики Беларусь *А. Г. Лукашенко* назвал три важнейших направления их деятельности:

- подготовка специалистов, в том числе высшей квалификации;
- перенесение на нашу почву современного научного знания;
- научная экспертиза проектов [9].

Они особенно касаются гуманитарных наук, которые живут с постоянной оглядкой на прошлое. Такой подход наносит ущерб не только научной, но и образовательной деятельности. Преподаватель, как отметил министр образования Республики Беларусь *А. М. Радьков*, обязан вносить элемент новизны в учебный процесс, «ретранслируя» последние достижения, адаптируя их к студенческой среде. Новые открытия не могут быть сделаны на давно устаревшей методологической основе. Только использование новейших концепций и подходов при анализе местного материала может дать прорыв, так необходимый нашей науке [10].

Касаясь белорусской исторической науки в свете высказываний руководства республики, нельзя не отметить известного обновления нашего представления отечественной истории. Разработаны новые темы, особенности в области духовно-религиозной жизни общества. Защищены многие диссертации, благодаря чему значительно пополнилась армия специалистов в области исторического знания. Тем не менее сохранился модернистский подход, характерный для историографии 1-й половины XX в. А узость исторического мышления нашей молодежи затрудняет ей выход на современный теоретико-методологический уровень.

Естественно, наше внимание приковано к методологии истории, на внедрении ее в практику исследования истории. В деле совершенствования и распространения современного механизма исторического познания положительную роль сыграло наше (группы преподавателей исторического факультета БГУ) сотрудничество с французами специалистами (проведение совместных круглых столов в октябре 2007 г. в Париже, а в мае 2008 г. в

Минске). Мы не только приобщались к разработке проблемы идентичности одной из современных проблем мировой историографии, но и убеждались в необходимости наложения научно-исследовательской процедуры на учебно-воспитательный процесс [7, с. 3–8].

Широкую известность приобретают работы **Н. И. Миницкого**. В его монографии *«Методы конструирования научного и образовательного исторического знания»* впервые в отечественной методологии науки разработана концепция построения исторического научного знания [11]. Автор представил в ней наиболее отвечающую исследовательской практике системную связь предметной и процессуальной сторон исторического знания. Этот аспект исследования является в большой степени оригинальным и масштабным. А в качестве частных открытий автору удалось выделить категориальное начало современных методологических построений в истории и других гуманитарных науках концепт «структура и процессы» и разработать общие методологические основы исторического знания. Н. И. Миницким предложены концептуальные модели истории древнего мира как научного направления и учебного предмета, а также новые методы психолингвистической обработки исторических текстов, раскрыто взаимодействие вербально-логической и знаково-символической форм представления знаний.

Достоинство авторской технологии исследования заключается не только в использовании методов, адекватных потребностям источника и поставленным задачам, но и в проверке, верифицируемости, самого метода. А веским подтверждением обоснованности и достоверности авторской концепции является ее реализация в образовательной практике. Это, прежде всего, опыт работы самого автора, нашедший отражение в пособии для учителей *«Преподавание истории древнего мира»* с его инструментальными средствами перевода теоретических положений в практику познавательных действий [12, с. 8–96].

Определенным вкладом в национальную науку явилась кандидатская диссертация **В. Л. Лозицкого** *«Научно-методические основы применения электронных средств обучения истории Беларуси на третьей ступени общего среднего образования»*. На ее основе автором была опубликована монография [13]. Диссертация выполнена на стыке трех научных дисциплин (педагогика, информатики и истории) и означает в известной мере внедрение теоретико-методологических основ историографии в практику обучения истории на уровне не только среднего, но и высшего исторического образования. Развернувшаяся в республике информатизация образования выдвинула эту проблему в число первоочередных. С учетом специфики исторического познания автором определены условия применения электронных средств обучения (ЭСО), целесообразность структурирования обучения и содержательного наполнения разработанных моделей, дидактика форми-

рования у обучаемых умений реконструировать и интерпретировать исторические явления, критериально ориентированный подход к созданию технологической матрицы и комплекса тестовых заданий. В практических рекомендациях соискателя следовало бы записать и такую значимость исследования, как социализацию личности в условиях массовой информатизации общества.

Работу В. Л. Лозицкого можно считать первым системным научно-методическим исследованием процесса информатизации обучения истории. А на примере разработанной им специальной программы по истории Беларуси убедительно показана эффективность использования ЭСО в учебном процессе.

Таким образом, *методология истории*, будучи тесно связанной с вышеназванными дисциплинами, в отличие от них нацелена на раскрытие механизма познания человека, его сообщества в историческом времени.

Особенность исторического познания (исследования и обучения истории) обусловлена его природой. Если в естественнонаучном познании мы имеем дело с дихотомией «субъект – объект», то в истории по существу «субъект – субъект» (исторический источник – все, к чему прикасалась рука человека). И поскольку невозможно вернуть прошлое, исследователь может характеризовать свой объект внимания самым различным образом. Все зависит от личности исследователя, его времени и теоретико-методологической подготовленности.

В этом отношении историческое познание сходно с художественным. Но если в первом познании субъект опирается на мнение своих предшественников и многообразие источников, субъективных самих по себе, то во втором на личное представление, которое, однако, может оказаться более близким к действительности, как у Василя Быкова.

Историческое познание на философском уровне заключается в *концептуальном видении* исследователем своего объекта исторической действительности, на прикладном *в реконструктивном и ретроспективном* (рассмотрение объекта в обратном направлении от его современного состояния к первоначальному) характере познания. Это, с одной стороны, исключает заимствование интеллектуальной модели явлений и процессов из естествознания, а с другой – исключает отождествление или противопоставление истории и искусства.

Сравнивая методологию истории с вышеприведенными дисциплинами и отраслями научного познания не трудно увидеть ее ближайшее родство с источниковедением и историографией. Не случайно, они и образуют отдельную специальность № 07.00.09 историография, источниковедение и методы исследования. Разрабатываемые в ее рамках научные проблемы, собственно, предназначены для развития «событийной» (обычной) истории,

во многом благодаря которой и совершенствуется методология истории. Поэтому данную специальность ни в коем случае не следует отрывать от специальностей № 07.00.02 отечественная история или № 07.00.03 всеобщая история, или № 07.00.15 история международных отношений.

Методологизация как научная рефлексия

Каждой из научных дисциплин присуща *рефлексивная деятельность* (полная сомнений, характеризующаяся поиском рационального решения, апеллирующая к известной исследовательской практике, предполагающая контроль собственных действий). Рефлексия характерна для любых действий человека. Научная рефлексия обычно представляется как методологизация мышления, т. е. направленность мышления на поиск рациональных способов адекватного отражения действительности.

Историческое мышление у человека зарождается в школьном возрасте. Первоначально его формы носят мифологический характер, способствуя осмыслению реальности. Мифы не покидают личность на всем протяжении ее жизни. Они рождаются и со временем исчезают. Известны, например, мифы о добровольном объединении крестьянских хозяйств в колхозы, насаждаемые впоследствии советской пропагандой, или о развитом социализме. Существуют и более устойчивые мифы, как-то сохраняющие и ныне прежние представления об исторической науке. Например, о том, что «факт упрямая вещь», или «факты говорят за себя», кое-где бытующие в научной среде. Рождаются мифы и в наше время.

Мифология как наука, изучающая мифы главным образом древних людей, прямо связана с методологией. Не только в смысле поиска методов для анализа мифов, раскрытия их происхождения и смысла, а и в части освобождения мышления от заблуждений, возникающих порою под влиянием извне. Сказывается недопонимание всей значимости методов научного анализа. Опасность мифологизации в наши дни реальна, и рост численности научных кадров с учеными степенями, к сожалению, не уменьшает этой опасности. Злободневной, на наш взгляд, стала проблема научной рефлексии.

В исторической науке методологизация мышления предполагает определенные допущения, оформляемые в виде требований ВАК к диссертационным работам, служащие ориентиром во всей научной деятельности историков. Внимание к вопросам методологизации обычно обостряется в переломные периоды развития исторической науки, именуемые кризисом науки (не в смысле провала или отхода назад, а в смысле перегруппировки сил, поиска новых подходов в условиях исчерпания прежних).

Новый взгляд на историю

Проблема методологизации исторического мышления практически возникла впервые в условиях кризиса исторической науке, наступившем вслед за ее «золотым веком» (2-я пол. XIX в.). История представлялась «наставницей жизни», т. е. наукой, дающей полное и конечное знание. Ее относили к естественным наукам, методы которых непосредственно распространялись на историческое исследование, что и вызвало кризис. Была потеряна вера в историческую науку, и она стала представляться, в лучшем случае, как искусство. Под сомнение поставлена сама объективность в историографии.

Попутно заметим, что у древних (эпохи Цицерона) «*Historia – magistra vitae*» не было мифом, а выражало прагматическое отношение к действительности. История и мифы различались по функциональному значению. Древние мифы были средством формирования мировоззрения, следовательно, имели опосредованное отношение к общественной практике. История же несла знания о самих себе и окружающих народах, а также примеры прошлой и настоящей общественной практики – для подражания. Доказательством является вся история античности, к которой относится данное высказывание.

Из кризиса историю вывела французская школа «Анналов», отдельные положения которой предвосхитил известный российский историк В. О. Ключевский. Анналисты первой волны (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель) показали, что история не перестала быть наукой, дающей объективные знания, но наукой, отличной от естествознания, социальной наукой, требующей известных допущений, диктуемых практикой ее исследований.

В школе «Анналов» была разработана концепция *длительной временной протяженности* (ДВП). На ее основе создана новая история с ее ранее неизвестными понятиями, в том числе понятиями «историческое время» (не абстрактное, а наполненное событиями, быстрое и медленно текущее время), «тотальная история» в отличие от «всемирной истории» (представление истории по горизонтали, а не по вертикали), «структура», «повседневность». Тем самым была синтезирована объемная картина исторического мира. **Ф. Броделем** создана, например, история Европы за 400 лет [14].

Если предшествующая история обращала внимание на короткие промежутки исторического времени, на выдающиеся проявления человеческой активности (войны, государственность, перевороты, выдающиеся достижения культуры), то новая история на первый план выдвинула проблему циклического измерения истории, его длительность. Таким образом определилось два речитатива в историографии: традиционный и рассекающий прошлое на большие промежутки времени. Значительно расширилось поле

исторического исследования, историческое значение приобрела повседневная жизнь людей.

Развивая идею исторического времени, представитель четвертой волны **Ф. Артог** [Dr., professor, High School of Social researches (Paris)] вводит понятие «временного режима историчности». Применительно к античности, автор характеризует этот режим в смысле «истории как наставницы жизни» (*в данном случае характерно высказывание лорда Боллингброка, афишированного в кинофильме «Стакан воды»: история предупреждает о том, чего нельзя делать*), к эпохе модернизации как устремление в будущее, к современности как погружение в настоящее [15, с. 13–23]. Но встает вопрос, каким долгим будет такое «погружение»?

Особенности современной методологии. Синергетическое видение истории

Спустя 100 лет мы столкнулись с новым кризисом мировой исторической науки, не говоря уже о советской историографии. Это проявилось хотя бы в том, что социальные науки, «питаясь историей», не сумели определенно предвидеть крушение СССР и последовавшие за ним сдвиги в мировом развитии. Возникла проблема поиска новых путей, новых источников, новых методов, инновационных решений, но уже в иных условиях по сравнению с теми, что были в конце XIX – начале XX в., в условиях происходящей интеграции наук.

Этот поиск может произойти лишь на основе понимания новой ситуации, путем обновления всего механизма познания истории. В условиях постмодерна появляются различные концепции и подходы, позволяющие синтезировать всевозможные истории, возникшие 30–40 лет назад, еще не всеми осмысленные, но лишившие историю ее цельности.

В историко-теоретическом отношении интеграция ставит целый ряд вопросов, требующих своего раскрытия. Среди них можно выделить три блока: 1) связанный с постановкой проблемы; 2) определяющий пути ее решения; 3) выясняющий ее определенную пользу. Если первый блок имеет своей целью создание противовеса былому идеологическому единству и повышение научного статуса истории, то второй показать историографический уровень интеграции, достигнутый по настоящее время, и ее горизонты. Третий блок касается научно-практических рекомендаций по использованию синтезирующего начала в исторических исследованиях [16].

Интеграция наук привела к такому феномену, как междисциплинарность или полидисциплинарность (с акцентом на одновременную связь ряда дисциплин). *Междисциплинарный подход* предполагает взаимопроникнове-

ние концепций и методов многих наук, усиливающее возможности каждой отдельной науки и повышающее ее статус в системе наук. Историография, фокусом которой является человек и его сообщество, наиболее податлива к такому взаимодействию, обеспечивающее ей максимальное приближение к исторической реальности в современных условиях.

Междисциплинарный подход уже показал свою эффективность, принес большие плоды в виде новых направлений, возникших в середине прошлого столетия, в т. ч.:

- *историческая информатика, история повседневности*, в развитии которых решающую роль сыграл исторический источник (в первом случае массовый, во втором связанный с обращением к человеку, его «картине мира»);

- *психоистория, устная история*, которые своим возникновением обязаны привнесенным методам анализа;

- *женская история, гендерная история* означали ориентацию на решение возникших социальных проблем между полами;

- *демографическая история, экологическая история* отражают появление новых сфер исследования, сюда же можно отнести и *интеллектуальную историю*, или историю идей, и др.

Каждое из направлений носит самостоятельный характер. Их основными чертами являются: а) определенные источники; б) адаптированные к ним методы; в) приспособленный категориальный аппарат; г) «свой круг» носителей в лице тех исследователей, для которых данное направление деятельности является профессиональным занятием.

Социокультурные измерения истории усложнились. Раньше (первая половина XX в.) они касались выделения истории из области единой с естествознанием, о чем может, например, свидетельствовать название методов со словом-приставкой «историко-»: *историко-генетический* метод, *историко-сравнительный*, *историко-типологический* и т. д. Во время «распчования» исторической науки (середина XX в.), что явилось следствием ее антропологического поворота, когда в историю человечества был внесен собственно человек с его менталитетом, мироощущением и чувствами, эти измерения значительно расширились. Историография была придана необходимая полнота и цельность. Заметно окреп ее гуманистический характер. Все это означало повышение научного статуса истории.

Тесно связанный с антропологией лингвистический поворот в историографии подсказывает возможный выход из кризиса, лежащий на пути социализации (раскрытия социального смысла) основного исторического источника нарративного. Получает распространение дискурс-анализ, предполагающий выявление языковых практик той или иной эпохи в целях

более глубокого проникновения в историческое прошлое. А это невозможно без использования целого современного арсенала методов и приемов лингвистического анализа. *Лингвистический поворот* это вся совокупность процессов, связанных с признанием языкового характера мышления и переносом подходов и методов литературной критики на историю и гуманитарное знание в целом. Мы являемся свидетелями предвестия самого мощного когнитивного поворота в историческом познании, одним из современных видов которого становится дискурс-анализ.

Назрела необходимость не только на основе интеграции наук совершенствовать и развивать теоретико-методологические основы исторической науки, но и всемерно оснащать ими конкретные исторические исследования. Отечественная историческая наука накопила достаточное количество фактического материала, чтобы подняться на новый уровень: от «восхождения от конкретного к абстрактному» к «восхождению от абстрактного к конкретному», т. е. к теории. И на этом, более высоком уровне, она добилась не малых успехов. Приведем наиболее показательные примеры.

Констатируя «новшества», привнесенные в мировую историографию постмодерном, **О. М. Шутова** в вышеотмеченной монографии концентрирует их в направлении философско-исторического понимания, вовлекает их в русло интеллектуальной истории (истории идей). Ее размышления не завершены, как незавершен сам этап постмодерна. Будем надеяться на продолжение этого глубоко научного, хотя и не бесспорного в ряде мест, изыскания. По крайней мере, работу О. М. Шутовой можно считать «знаковой» в нашей национальной исторической науке.

Заметную работу в республике по внедрению гендерного подхода в методологический арсенал историка проделана **И. Р. Чикаловой**. Ее усилиями как организатора и редактора осуществлено три выпуска сборников *«Женщины в истории: возможность быть увиденными»*. Как автор вводных статей к сборникам, И. Р. Чикалова, касаясь национальной историографии, выделила в ней общие тенденции и этапы концептуализации категорий «женщины/мужчины», «феминность/маскулинность», «сексуальность» и «гендерная идентичность». В целом был сделан важный шаг в перемещении ракурса научных исследований на повседневные практики и механизмы складывания властных взаимоотношений, ядром которых стала гендерная принадлежность. Эти идеи обобщены ею, например, в статье «Женская и гендерная история: состояние и перспективы развития» [17, с. 80–101].

Особое внимание обращает пока единственная в своем роде книга **В. Л. Носевича**, вышедшая под интригующим названием *«Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе»* [18]. Несомненно, в ситуации лингвистического поворота в историографии она открывает новый вид литературы в отечественной истории. В монографии переплетается

историческое научное исследование, отвечающее требованиям мировой историографии, с литературным описанием, включающим личные переживания, которые неизбежно возникают при прикосновении к собственным предкам.

Работа выполнена на уровне современных достижений методологии исторического исследования. Это проявляется в стремлении автора к междисциплинарности, через микрообъект выйти на макроисторию, синтезировать наработки исторической науки в области истории повседневности, гендерной и психоистории. С применением как традиционных, так и инновационных методов автор убедительно показал значение небольшой популяции (маленького человека) в историческом процессе. Появление книги – яркий факт реализации социального предназначения исторической науки, особенно ее воспитательной функции, предполагающей синтез науки и художественного творчества*.

Эта славная традиция нашла продолжение в некоторых диссертациях, защищенных в последнее время. Так, с попыткой выйти на уровень «восхождения от абстрактного к конкретному», т. е. к теории, была представлена на соискание ученой степени кандидата исторических наук диссертация **В. Н. Сергеева** «*Теория коммуникации Н. Лумана как метод исторического анализа*» [19]. Судя по ее содержанию, она в большей мере отвечает иному названию: «*Теория коммуникации Н. Лумана и ее применение в историческом исследовании*». В диссертации реализовано требование инновационного подхода в научной, а в нашем случае научно-исторической, сфере деятельности, в которой первостепенное значение приобретает углубление теоретико-методологических основ социального анализа. Теория **Н. Лумана** концентрирует внимание на таком поле взаимодействия с его синергетическими эффектами, как «исследователь – источник». Она может служить важным контраргументом таких явлений, как явное непризнание исторической синергетики, слепое преклонение перед источником, сплошное отождествление события и факта и др.

Не ограничиваясь теоретизированием, автор пытался разработать модель, задающую способ изучения прошлого (по ключевым категориям исторического анализа) и определяющую границы и степень участия исследователя в реконструкции прошлого.

* К тематике исследований, открытой В. Л. Носевичем, можно отнести и монографию **Токць С. Беларусь вёска ў эпоху зьменаў. Другая палова XIX – першая траціна XX ст.** / С. Токць. – Менск: Тэхналёгія, 2007. 308 с. Автор рассматривает социально-культурные процессы, которые определяют направление и характер перемен, происшедших в жизни западнобелорусской деревни. В монографии дана авторская модель капиталистической модернизации традиционного аграрного общества, а в приложении к изданию приводится микроистория одного из поселений региона.

При этом им была предпринята попытка применения собственной «модели» для раскрытия характера внутрипартийной борьбы в парторганизации Беларуси в 20-е гг. XX в. Пожалуй, это первое в своем роде теоретико-историческое исследование в отечественной историографии.

Однако В. Н. Сергеев фактически не смог представить модель в операционном виде, а дал ее описание, т. е. поступил не как методолог, а как историк. Хотя сама идея из теории вывести познавательную модель продуктивна, актуальна и весьма перспективна. Вместе с тем нельзя не отметить и некоторую опасность для исторической эпистемологии, таившуюся в этом труде. В соответствии с конструктивизмом взаимодействие человека и мира представляется в виде единой, цельной системы, и попытка резко сузить границы этой системы является деструкцией не только в исторической методологии, но и в эпистемологии в целом. Так, выделяемые В. Н. Сергеевым мифологемы «заиграли» бы в случае включения коллективного подсознательного в качестве социальной подсистемы в предложенную автором модель. Накладывая же эту модель на ситуацию внутрипартийных дискуссий 20-х гг. XX в. в БССР, следовало бы иметь в виду не абстрактного, а живого человека, которого мучили и убивали.

Характеризуя особенности современной методологии истории (их трудно выделить из вышесказанного) нельзя пройти мимо такого явления как «историческая синергетика», контуры которой видны, несмотря на всевозможную критику (вплоть до критиканства) со стороны ее многих противников.

Библиографические ссылки

1. Слово о науке. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты / сост. Е. С. Лихтенштейн. М. : Знание, 1978. 272 с.
2. Берков В. Ф. Методология науки. Минск : РИВШ, 2009.
3. Румянцева М. Ф. Теория истории: учеб. пособие для вузов по направлению «История». М. : Аспект Пресс, 2002. 316 с.
4. Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2003. 348 с.
5. Смехович Н. В. История и метод. Минск : РИВШ, 2004. 287 с.
6. Шутова О. М. Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI века. Минск : БГУ, 2008. 277 с.
7. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 5. Мінск : БДУ, 2009.
8. Ходин С. Н., Грицкевич В. П., Каун С. Б. История и теория источниковедения: учеб. пособие. Минск : БГУ, 2008. 253 с.
9. Лукашенко А. Г. Выступление Президента Республики Беларусь на Первом съезде ученых: «Стратегия будущего» // СБ – Беларусь сегодня. 2007. 3 ноябр.
10. Радьков, А. М. Инновации в учебный процесс // Рэспубліка. 2007. 2 ліст.

11. *Миницкий Н. И.* Методы конструирования научного и образовательного исторического знания / Н. И. Миницкий. Минск : БГПУ, 2006.
12. *Миницкий Н. И., Ханкевич О. И.* Преподавание истории древнего мира: учеб.-метод. пособие. Минск : Журн. «Адукацыя і выхаванне», 2000. 215 с.
13. *Лоцицкий В. Л.* Научно-методические основы создания и применения электронных средств обучения по дисциплинам социально-гуманитарного цикла (на примере истории). Минск : РИВШ, 2009. 209 с.
14. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. М. : Весь мир, 2006.
15. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3. Мінск: БДУ, 2007.
16. Подробнее см.: *Сидорцов В. Н.* Междисциплинарность в исторических исследованиях: Выбр. навук. працы Беларус. дзярж. ун-та: у 7 т. / под ред. В. Н. Сидорцова. Минск : БДУ, 2001. Т. 2: Гісторыя. Філалогія. Журналістыка. С. 49–53; *Его же: Сидорцов В. Н.* Методология истории : Количественные методы и информационные технологии: учеб.-метод. пособие для студентов вузов ист. специальностей. Минск : БГУ, 2003. С. 36–39; Методологические проблемы истории: учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / В. Н. Сидорцов [и др.]; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Минск : ТетраСистемс, 2006. 352 с.
17. Общество и гендер: материалы Летней школы в г. Рязани. 1–12 июля 2003. / сост. Н. А. Блохина. Рязань : Поверенный, 2003. 368 с.
18. *Носевич В. Л.* Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск : Тэхналогія, 2004. 350 с.
19. *Сергеев В. Н.* Теория коммуникации Н. Лумана как метод исторического анализа: автореф. дис. ...канд. истор. наук: 07.00.09; НАРБ, гос. науч. учр. «Институт истории». Минск, 2008. 22 с.

Лекция 2

СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ ИСТОРИИ

Общество XX в. представляет собой сильно неравновесную систему, и поэтому прежние установки классической науки, будучи неадекватными при изучении неустойчивого социума, становятся весьма опасными, так как сильно неравновесные системы могут активно реагировать на любые возмущения. <...> Случайность в такой ситуации начинает играть столь же существенную роль, что и историческая необходимость [1].
А. У. Бородкин

- ✚ Эффекты синергетического подхода.
- ✚ Опыт синергетического представления истории Беларуси XX в.

Эффекты синергетического подхода

Постановка данной проблемы связана с вопросом о взаимоотношении двух подходов к истории: формационного и цивилизационно-культурологического. Из философии истории известно, что в основе первого подхода лежит представление исторического процесса как последовательной смене форм бытия общества, как переходе от низшей к высшей стадии в развития общественной формации, базирующейся на том или ином способе производства. Цивилизационно-культурологический (нелинейный) подход к истории (*цивилизационная концепция исторического прогресса*) означает объяснение вариативного характера исторического развития, многообразие и уникальность человеческой истории, преодоление европоцентристских стандартов и приоритетов, постулирование принципиальной возможности иного мироустройства. Причем под цивилизацией того или иного типа (традиционного/восточного или техногенного/западного) понимается устойчивое культурно-историческое сообщество людей, отличающееся общностью духовно-нравственных ценностей и культурных традиций, сходством материально-производственного и социально-политического развития, особенностями образа жизни и типа личности, наличием в большинстве случаев общих этнических признаков и соответствующих географических рамок.

Раздаются голоса, направленные против противопоставления формационного и цивилизационного подходов в историографии, на их сочетание по принципу дополнительности, сопряжения («и-и»), учитывая положи-

тельные моменты в каждом из подходов. В этой связи наше внимание обращается к синергетике. Исходя из этой модели, общество рассматривается как внутренне сбалансированная система, обменивающаяся энергией с внешним миром, система, в которой элемент случайности выступает как двуликий Янус, разрушающий старое и созидющий новое.

Правда, раздаются и голоса «из прошлого» о том, что нам не следует перенимать временно модные на Западе исторические концепции и методы. В этой связи нельзя пройти мимо таких заявлений «Беларускага гістарычнага часопіса», как следующее: «Мы ўсе больш разумеем, што розныя “псіха-гісторыі”, “сінергетыкі” і ім падобныя “метадалогіі”, якія яшчэ некалькі гадоў таму ўзносіліся на шчыт нашымі гісторыкамі-наватарамі, якія імкнуліся ўзяць самае “навамоднае” з сучаснай замежнай навукі, аказаліся неабгрунтаванымі, а таму і нежыццяздольнымі. Самі па сабе яны цікавыя, але бяда ў тым, што іх спрабуюць выдаць за сінтэзуючыя, універсальныя» [2, с. 12].

Подобное мог сказать тот, кто:

- 1) не вник в суть таких «метадалогий»;
- 2) не замечает общего вызова (не только авторов приведенной цитаты), брошенного постмодерном всем прежним интерпретациям истории;
- 3) не желает понимать объективной необходимости поиска синтезирующего начала в исторической науке, «растворившейся в историях»;
- 4) не видит, что интерес к этим «метадалогиям» может быть вызван не тем, чтобы «накладывать» их на нашу науку, а тем, чтобы найти в них рациональное зерно и применить его в отечественных исследованиях, обогатить свою методологию международным опытом;
- 5) не знает того, что: а) мотивы человеческих действий могут исходить не только из сознания, но и подсознания, и это не трудно доказать (*см. учение З. Фрейда*); б) левое, наиболее развиваемое, полушарие нашего головного мозга воспринимает линейную информацию, а правое – нелинейную, что выдвигает задачу гармонического развития логических и «образных» способностей мозга (*см. учения американских психологов лауреата Нобелевской премии Р. У. Сперри и Г. Гарднера, в частности его теорию множественности интеллектов*).

Только благодаря широкому кругозору и усвоению современных знаний, почерпнутых в истории и в различных отраслях науки, может стать предметной следующая за процитированными строками фраза: «Нам неабходна шукаць і выпрацоўваць свае, безумоўна, з улікам не толькі айчыннага, але і замежнага вопыту». Получается «свое», но не свою методологию, если речь вести о научной методологии. И не иначе, как принимая во внимание объективно происходящую в мире интеграцию наук, ко многому обязывающую гуманитариев и прежде всего историков, рассчитывая на способность человеческого мозга анализировать поступающую информацию как на рациональной, так и на иррациональной основе.

В соответствии с синергетической моделью неустойчивость в обществе, колебания и хаос, рассматривается не только как разрушающая, но и как

созидательная сила развития социума, и возвышается роль личности в истории. Вот такая повседневность, в которой живет, думает и действует обычный человек, без относительно того места, которое он занимает в социальной иерархии, является для нас, современных историков, весьма привлекательной.

Известный марксист **Г. В. Плеханов**, признавший Февральскую революцию, но не Октябрьскую, рассматривал человека как непосредственного вершителя истории, причем внимание его было обращено не только на «великих мира сего», но и на непосредственных производителей материальных благ. Однако не в том смысле, что каждый индивид может оказывать влияние на ход истории. Предполагалось, что деятельность индивида происходит в рамках, определяемых общественно-экономическим развитием. Тем самым Г. В. Плеханов отрицал роль случайности (субъективного фактора) в истории, детерминируя исторический процесс объективными условиями. Человек для него герой не в том смысле, что якобы может изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является осознанным выражением этого необходимого и бессознательного хода. Влиять на социальную психику значит воздействовать на исторические события, что не каждому дано.

Синергетика свободна в истолковании роли человека в истории. Синергетическое мировидение содержит модель саморазвития человека в самоорганизующемся мире. Это позволяет человеку в отношении к миру избегать двух крайностей: а) не являться марионеткой в руках надличностных сил; б) не являться вездесущим творцом мира. Синергетика рассматривает человека как творца своего собственного бытия, но по законам, универсальным для мирового порядка. Индивид, с одной стороны, подчинен структуре социума, а с другой – именно он поддерживает существование структуры [3, с. 164–167].

Погружаясь в войну или революцию, общество приходит в броуновское движение, усиливается социальный метаболизм (межсистемный и внутрисистемный обмен энергией), обостряются социальные конфликты. Тысячи людей (главным образом из беднейших слоев населения, наиболее потерпевших от функционирования «взрывающейся» системы) стремятся проявить и показать себя, прежде всего, в политической деятельности. Вместе с тем в подобном состоянии коллективного возбуждения как будто совершенно отключенной оказывается способность отдельно взятой личности к логическому мышлению. Человек в подобных обстоятельствах становится зависим от некоего параметра порядка, часто отражаемого в стихийно возникшем лозунге.

Примером может служить обстановка в России к осени 1917 г., когда выдвинутый большевиками лозунг «Земли, хлеба, мира!» (не важно, насколько он мог быть осуществим) стал силой, которая содействовала успеху большевиков. Именно такая обстановка хаоса способствует выходу на арену истории отдельных личностей, способных изменить судьбы миллионов.

В ситуации, когда система находится в состоянии хаоса происходит столкновение личностей, представляющих различные слои населения.

Хотя исполком Минского совета и обратился 26 октября ко всем революционным организациям края с предложением начать формирование временных органов власти на местах, фактически проводил большевистскую изоляционную линию, опираясь на ВРК Западного фронта. Игнорировалось требование ряда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о создании демократического правительства. Произошло столкновение с Комитетом спасения революции, представлявшим партии эсеров, меньшевиков, бундовцев. Имела место концентрация сил большевиков (создан Облисполком Западной области и фронта), а не сближение с социалистическими партиями.

Большую роль в этом играла личность **К. И. Ландера**, занимавшего посты председателя Минского совета, ВРК Западного фронта, СНК Западной области и фронта. Чего стоило его заявление о необходимости социалистического правительства лишь при условии, если в нем представители социалистических партий будут в меньшинстве! И это в то время, когда их поддерживало большинство населения. Это был курс на «захват» власти со стороны большевиков. Противоречия возросли в связи с роспуском I Всебелорусского съезда в Минске и Учредительного собрания в Петрограде. Действительно, подтверждается и уточняется вывод о том, что революция «разбудила и расковала» огромные силы народа, хотя никто не знал, как «обустроить» огромную страну.

Сторонники синергетики утверждают: 1) что при прохождении системы через точки бифуркации малые флуктуации могут вызывать крупные последствия (*пример с К. И. Ландером*); 2) социальные и исторические механизмы делают рассматриваемую роль возможной, а без нее (данной личности) они же могут породить новую историю; 3) с этой ролью связан выбор альтернатив. Названные механизмы в каждом отдельном случае требуют глубокого изучения, что делает нашу проблему весьма актуальной [9].

Выше отмечалась попытка использования синергетической модели в качестве средства наложения теории коммуникации **Н. Лумана** на ситуацию внутрипартийной дискуссии 20-х гг. XX в. Более показателен в этом отношении другой случай, когда исследователь, не ставя целью прибегать к синергетической парадигме, возможно и не разбираясь в ней, но, будучи последовательным исполнителем, на деле реализует ряд ее эффектов.

Подобным примером может служить кандидатская диссертация посла Палестины в Республике Беларусь **Абу Зейда Мунтасера** «*Формирование Палестинской национальной администрации и ее политика в области внутренней безопасности, образования и здравоохранения*». Автор рассматривает процесс формирования палестинской государственности «как своеобразную подсистему с особыми взаимосвязями и взаимозависимостью составляющих ее элементов» в системе Палестины. Развитие системы в целом «было чревато непредсказуемыми последствиями». Автором называется несколько ее этапов, в которых можно выделить, подходя синергетически, периоды становления порядка и хаоса с его точками бифуркации [4].

Этот пример свидетельствует о жизненности синергетического подхода, как бы мы ни относились к нему.

В целом XX в. поставил перед историками ряд вопросов, которые требуют существенного обновления их теоретико-методологической базы. Один из наиболее важных вопросов такого рода связан с необходимостью создания соответствующей основы для изучения неустойчивых исторических процессов новейшего времени, развития нестабильных политических ситуаций, возникновения «порядка из хаоса». Как отмечает **Л. И. Бородкин**, неустойчивый характер социально-политических процессов XX в. в России и мировой системе в целом, непредсказуемость радикальных перемен, захватывающих страны и крупные регионы мира, возрастающая степень альтернативности их развития побудили историков, политологов, социологов, демографов, экономистов обратиться к междисциплинарному подходу.

Такой повод стал формироваться в 1970-х гг. и был назван, по мнению Л. И. Бородкина, «наукой о сложном», или синергетикой учением о самоорганизации, нелинейной динамике, теории хаоса [5]. На наш взгляд, именно синергетика в смысле понимания ее как целой парадигмы позволяет решать ряд методологических проблем, вставших перед современной научной общественностью. Для исторической науки синергетика решает еще и проблему синтеза целого ряда ее направлений, многоликости современной истории.

Осваивая синергетическую парадигму (**синергетика**, гр. *synergeticos* совместный, согласованно действующий; применительно к социальным системам – самоорганизация посредством прохождения системой циклических режимов зарождение/сохранение порядка), мы выделили три ее основные черты:

- **открытость** (система живет благодаря вырабатываемой внутренней энергии – увеличение численности населения, рост производства, освоение нового пространства и т. д. – и потребления внешней энергии – обмен с границей);

- **нелинейность** (имеют место циклы функционирования системы, в рамках которых режим хаоса, т. е. зарождения порядка, сменяется режимом сохранения порядка и наоборот в результате *флуктуаций*, т. е. колебаний в зрелом возрасте системы; хаос выступает как созидательное и разрушающее начало);

- **самоорганизация** (ее механизмом служат точки *бифуркации*, т. е. разветвления, порождающие новую линию эволюции, в этих точках система избавляется от отживших структур и формирует новые, и точки *аттрактора*, притягивающие/отталкивающие траектории движения новообразований).

Историческую синергетику, таким образом, можно определить как образец открытой, нелинейной, самоорганизующей социальной системы со своим научным аппаратом (хаос, флуктуации, точки бифуркации и аттрактора и др.), служащий еще одним из средств познания и оценки социума того или иного времени.

В целях конкретной дифференциации режимов зарождения нового порядка (состояния хаоса) и сохранения нового порядка (состояния неустойчивости) целесообразно ознакомиться с табл. 2.

Таблица 2

Волны цикла в исторической синергетике

Зарождение нового порядка (созидательная роль случайности, развитие точек бифуркации, объединение малых систем)	Сохранение порядка (в развитом состоянии флуктуации, неустойчивой системы, появление хаоса)
Полная открытость системы	Стремление к самоизоляции
Активизация рыночных отношений	Государственное и централизованное регулирование экономики
Усиление социального метаболизма (промежуточного обмена)	Тенденция к социальной однородности
Стремительная динамика социальных изменений	Исключение кардинальных перемен
Доминирование либеральных ценностей	Централизм и авторитаризм
Индивидуальный и автономный моральный статус личности	Доминирование консервативной идеологии и традиционных ценностей в культуре и нравственности

Приведенная табл. 2 является надежным ориентиром в определении циклов функционирования изучаемых социальных систем. Напомним, что принципы исторического познания включают и такое универсальное правило, как системность. Это положение обязывает исследователя (ученого, учителя, студента) рассматривать изучаемый объект (предмет) исторической действительности именно с указанной позиции или с использованием тех или иных системных элементов синергетических эффектов.

Синергетика, как отмечалось выше, *интересна нам, историкам, своей обращенностью к личности, причем обычной, как таковой, независимо от занимаемого положения в обществе и государстве*. Если Г. В. Плеханов рассуждал о роли личности в истории выдающейся и вместе с тем детерминированной объективными условиями, то представители синергетической парадигмы *наделяют такой ролью любую нормальную личность* в масштабе той или иной области занятий, страны и мира.

Убийство 15 июня 1914 г. наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда неизвестным студентом Гаврилой Принципом – не просто повод к развязыванию мировой войны. А революция пробуждает самые различные по характеру личности к самым что ни на есть заметным действиям.

Освоение синергетической парадигмы вызвало потребность в ее применении к решению конкретной научно-исторической задачи. Близость 60-ле-

тия Великой победы над фашистской Германией наталкивала на удовлетворение этой потребности путем анализа свидетельств войны. При этом оказалось соблазнительным осветить уже имеющийся огромный материал с позиции столкновения двух мощных, хотя и различных социальных систем фашистской Германии и Советского Союза, используя известный понятийный аппарат синергетики.

Опыт синергетического представления истории Беларуси XX в.

В ходе разработки проблемы приходило осознание того, что синергетика в ее применении к истории не просто некий новый метод, который следует усвоить и использовать при интерпретации исторических фактов, пусть и достаточно известных. В канун 60-летия Великой победы внимание невольно сосредоточилось на событиях, которые еще вообще не обсуждались в рассматриваемой парадигме, исторических фактах Второй мировой и Великой Отечественной войны. Синергетический подход в истории предполагает создание модели для решения исследовательской задачи в области историографии, требующей своего, необычного, мышления.

Накопленный опыт, без какой-либо претензии на создание некоего образца решения проблемы в заданной парадигме, получил отражение в монографии *«Народ во Второй мировой и Великой Отечественной войне: синергетический взгляд на историю»* [6]. Поскольку война была кровавым столкновением различных мировых систем, она рассматривается в синергетической системе Мир, а Беларусь в единой подсистеме СССР. Выделен цикл с его двумя режимами:

Сохранения порядка – система Мир в преддверии схватки ее основных антиподов (1939–1941 гг.).

Хаоса – пресечение попытки установления мирового господства военным путем (1941–1945 гг.), когда в смертельной схватке столкнулись подсистема «фашистская Германия и ее сателлиты» и подсистема «СССР и страны антигитлеровской коалиции».

В сопоставлении этих подсистем разграничиваются два их внутренних режима:

- Для СССР, в т. ч. БССР, состояние беспорядка – *перестройка на военный лад*, когда проявила себя гражданская инициатива, давшая возможность государственным структурам оправиться и утвердить в стране чрезвычайное положение;

- Для Германии состояние «немецкого распорядка» – *«фашистский триумф»*, фигурально представленный на рисунке на А. В. Ставицкого «Противостояние», где «демон» заполнил большую часть пространства в сравнении с «ангелом».

- Для СССР – *военная унификация структур социума и достижение Победы*, что обеспечивалось политическим режимом военной диктатуры, централизацией управления хозяйством и жестким контролем частной инициативы, усилением тенденции к социальной однородности и введением карточной системы снабжения населения, доминированием консервативной идеологии и обращением к «патриотической традиции русского народа» и церкви;

- Для Германии – *появление флуктуаций и погружение в состояние хаоса*.

Предложенная подборка документального материала, в т. ч. фото (некоторые из них опубликованы впервые), подтверждает представленную схему. Центральными в подборке можно считать следующие документы: со стороны СССР «Из письма рабочих Урала и Сибири И. В. Сталину от 15 сентября 1941 г.» [6, с. 52]; со стороны Германии «Отрывок из служебного циркуляра СД “Сообщения из рейха” от 15 апреля 1943 г. об образе русского человека у немецкого населения» [6, с. 77]. В первом из документов констатируется установление в стране Октября «фашистской системы», что и явилось причиной неудач Красной Армии в борьбе с Гитлером, и выражается уверенностью в неизбежности нашей победы под руководством Сталина, Ворошилова, Буденного. Во втором документе обнажается «геббельсовская» ложь в отношении русского человека. На примере остарбайтеров отмечаются присущие ему черты религиозности, технической сообразительности, более высокой по сравнению с немцами образованности, чувство семьи и высокая нравственность, незнание телесных наказаний и др. Подобные откровения свидетельствуют о смене режимов хаоса и порядка у противоборствующих сил в пользу системы СССР и неизбежности ее победы.

Накопленный опыт стимулировал к постановке и решению более сложной задачи – созданию альтернативной истории Беларуси XX в., положив в ее основу антропологический подход и синергетические эффекты. Была адаптирована к поставленным задачам схема, ранее предложенная В. А. Латышевой [7, с. 109, 116]. При этом на вооружение взята следующая технология разработки темы:

- 1) человек (личность, ее роль в истории) как основополагающая категория в историческом познании;

- 2) логистическое представление динамики численности и состава населения Беларуси и кадров Коммунистической партии Беларуси, на основе чего определяются периоды режимов стабильного (подъемов спадов) и хаотического состояний в развитии Беларуси, т. е. осуществляется новая (уточненная) периодизация отечественной истории в конце XIX – начале XXI в.;

- 3) историческая повседневность, главным образом представленная в мышлении человека как такового.

Основой такой истории должна была стать разработанная на кафедре источниковедения гипотетическая схема (график) рассматриваемого исторического процесса (рис. 1).

График динамики численности населения Беларуси и кадров Коммунистической партии

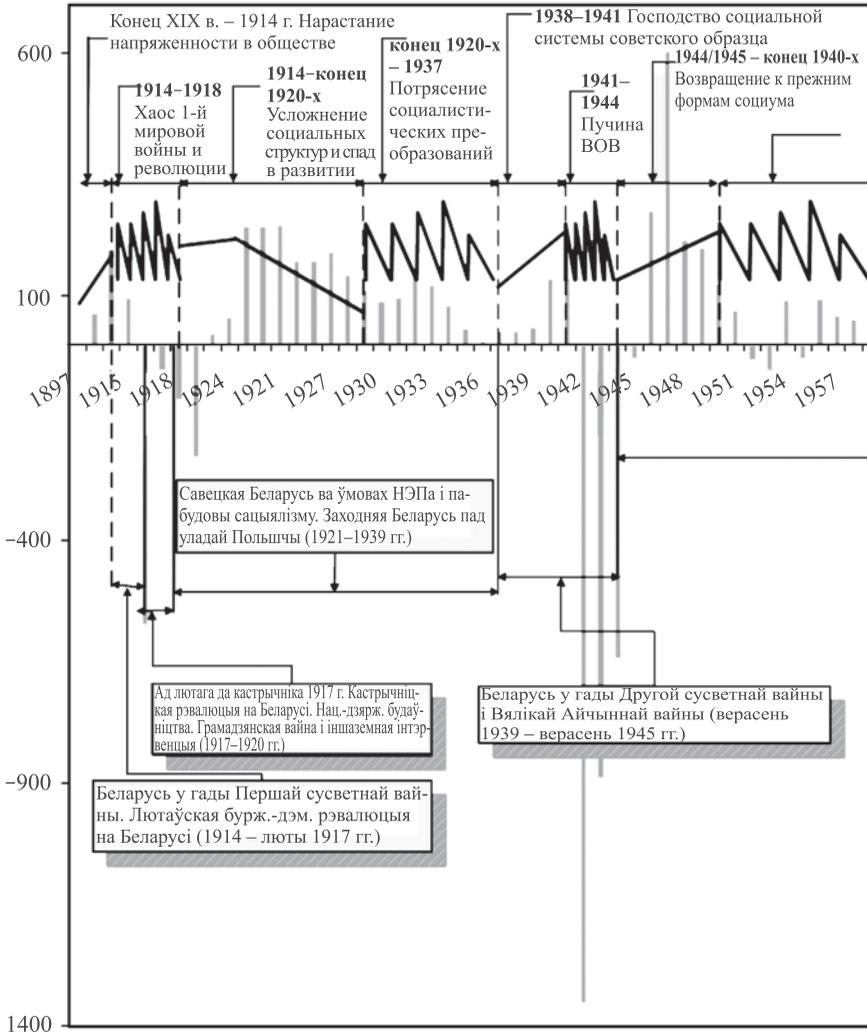
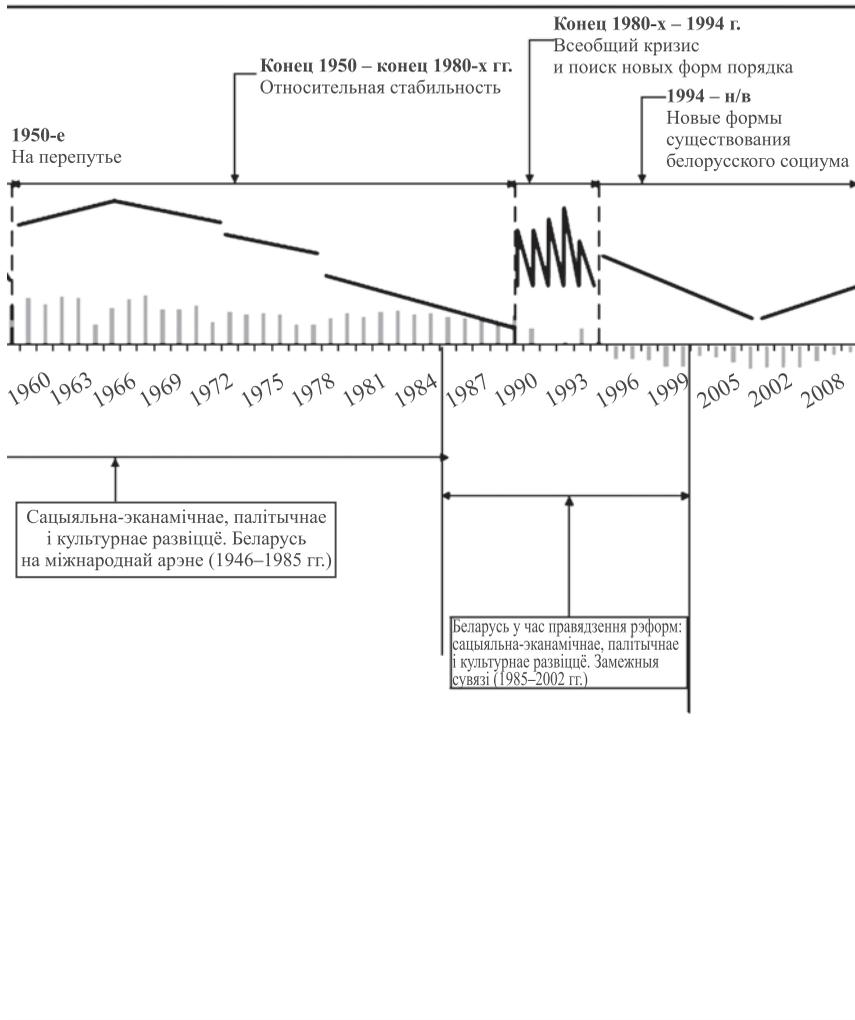

Рис. 1. График динамики численности населения Беларуси

* Обозначения: ломаная линия – период хаоса, сплошная линия – стабильное снижение
внизу – соответствующие (для сравнения) учебному пособию «Гісторыя Беларусі»: у 2 ч.:

**в период 1897–2008 гг. (в современных границах)
Беларуси в период 1917–1991 гг.***

в период 1897–2008 гг. и кадров КПБ в 1917–1991 гг.

либо рост. Вверху названия периодов, выделяемых на основе логистического распределения; вучэб. дапам. / пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. Мінск: Універсітэцкае, 2003.

На основе графика была разработана новая периодизация истории Беларуси, представленная в табл. 3.

Таблица 3

**Периодизация истории Беларуси с позиции синергетики
(конец XIX в. – 2008 г.)**

Конец XIX в. – 1914 гг.	<i>Наращение напряженности</i> в обществе (изменения в самосознании масс, усиление социальной мобильности, рост социальной активности, появление различных течений и организаций, вопрос о перспективах развития и путях реформирования социально-политического устройства, экономический подъем)
1914 – 1918 гг.	<i>Хаос</i> Первой мировой войны и революций (борьба альтернатив по проблеме дальнейшего развития социума и мира в целом)
1919 г. – конец 1920-х гг.	<i>Усложнение социальных структур и спад в развитии</i> (белорусизация и коренизация, поиск новых форм хозяйственной жизни, курс на установление монополии большевистской партии, свертывание новой экономической политики)
Конец 1920-х – 1937 гг.	<i>Потрясения социалистических преобразований</i> (формирование «социалистического» рабочего класса, колхозного крестьянства и рабоче-крестьянской интеллигенции, «социалистических» наций, установление тоталитарного режима, экстенсивное развитие производства)
1938–1941 гг.	<i>Господство социалистической системы советского образца</i> (стабильный рост путем ужесточения режима, идеологический пресинг)
1941–1944 гг.	<i>Пучина Великой Отечественной войны</i> (потрясение в стране и наведение порядка, достижение победы)
1944/1945 – конец 1940-х гг.	<i>Возвращение к прежним формам социума</i> (преобразования в Западной Беларуси, сравнения жизни в СССР и на Западе, относительная нормализация обстановки в стране)
1950-е гг.	<i>На перепутье</i> (кризис сталинской модели руководства, усиление антисоветских настроений в обществе и рост численности заключенных, уравниловка, становление основ гражданского общества, проблема технического перевооружения народного хозяйства)
Конец 1950 – конец 1980-х гг.	<i>Относительная стабильность</i> (рост качества жизни, постепенное усиление социальной и национальной напряженности, скатывание к хаосу)
Конец 1980-х – 1994 г.	<i>Всеобщий кризис и поиск новых форм порядка</i> (потребность в реорганизации системы власти, перестройка, несоответствие предлагаемых реформ меняющейся ситуации в стране и мире, пробуждение национально-государственной идентичности народов и распад СССР, образование Республики Беларусь)
1994 г. – н/в	<i>Новые формы существования белорусского социума</i> (социально-политическое и экономическое структурирование в соответствии с новыми реалиями, возникновение новых проблем)

Представленная табл. 3 по-существу является моделью альтернативной истории Беларуси. Наполненная содержательным материалом она была превращена из идеальной в реальную.

Библиографические ссылки

1. *Бородкин Л. И.* Историческая синергетика: еще раз о роли личности в истории // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ, Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Беларус. гос. ун-т; редкол.: В. Н. Сидорцов (отв. ред) [и др.]. Минск, 2004. 342 с.
2. Беларускі гістарычны часопіс : навук., навук.-метаад. іл. часоп. / Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі, Беларус. дзярж. ун-т, Бел. т-ва «Веды». Минск, 2009. № 8.
3. *Сидорцов В. Н.* К вопросу о роли личности в истории: взгляды Г. В. Плеханова и представителей синергетики // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 3. Минск : БГУ, 2008
4. *Абу Зейда Мунтасера.* Формирование Палестинской национальной администрации и ее политика в области внутренней безопасности, образования и здравоохранения: автореф. дис... канд. истор. наук: 07.00.03; Беларус. гос. ун-т. Минск, 2009. 23 с.
5. *Бородкин Л. И.* «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2.
6. *Сидорцов В. Н.* Народ во Второй мировой и Великой Отечественной войне: синергетический взгляд на историю. СПб : Образование – Культура, 2005. 142 с.
7. Методологические проблемы истории : учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов истор. и филос. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / В. Н. Сидорцов [и др.] ; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Минск : ТетраСистемс, 2006. 348 с.

Лекция 3

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Задачей научного исследования в будущем должно стать исследование, не для чего быку рога, а как они у него появились [1, с. 173].

Жете

- ✚ Социальные функции как отправной момент в методологии истории.
- ✚ Социальные функции исторической науки (функция памяти).
- ✚ Социальные функции исторической науки (научно-познавательная).
- ✚ Социальные функции исторической науки (воспитательная).
- ✚ Социальные функции исторической науки (идейно-политическая).

Данной лекцией открываются непосредственные вопросы теории и практики методологии истории, которые необходимо досконально уяснить себе и отработать на темах собственных дипломных работах (магистерских диссертаций). В связи с постановкой такой ответственной задачи нельзя не обратить Ваше внимание на модульно-рейтинговый характер предстоящих занятий, обусловленный тем, что:

1. Наш учебный курс, как Вы уже, надеюсь, уяснили, необычный. Во главу угла в нем ставится вопрос о понимании теоретико-методологических основ исторического познания и об умении, хотя бы неполном, исходить из них в своей конкретной работе будущих историков-профессионалов, в частности при выполнении научно-исследовательских заданий. На данном этапе при написании дипломных, т. е. учебно-исследовательских и, возможно/желательно, научно-исследовательских работ.

2. Актуальной является потребность приучить себя осуществлять методологизацию собственного исторического мышления и в конечном итоге проводить верификацию добытых знаний. Другими словами убеждаться в том, что проведенный Вами научно-исторический анализ и вообще все Ваши действия на поприще историографии соответствуют допущениям, которые означаются в современном научно-историческом познании из-за невозможности вернуть прошлое для сверки сделанных выводов. Эти допущения предписываются в соответствующих инструкциях Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь.

Патриарх Московский и вся Русь Кирилл, будучи в конце сентября 2009 г. в Витебске, рассказывал студенческой молодежи, каким он был студентом в прошлом... а теперь очень жалеет, что мог бы уже тогда познать многое из того, что

оказалось необходимым в самостоятельной работе потом. Патриарх призвал молодежь не упускать ни малейшей возможности познания на студенческой скамье.

В связи с этим припоминается случай, когда студентам отделения музееведения, которым предстояло летом пройти музейную практику, посольство ФРГ предложило на очень выгодных условиях пройти эту практику, создавая музей в Германии, на месте бывшего концлагеря. Предложение было принято с ликованием, и на первое занятие по немецкому языку, которое организовало посольство, пришли все студенты. Однако на второе занятие явилась половина их, а на третье лишь трое. Преподаватель окинул их взглядом и... ушел, ничего не сказавши.

Правда, мой многолетний опыт подсказывает, что эффективно в наших условиях можно работать лишь с одной третьей частью пятикурсников. Однако, когда официально заговорили о необходимости повышения профессионального уровня специалистов, а количество часов, отводимых учебным планом на курс по методологии истории, остается ограниченным, этот недостаток приходится возмещать установлением более жесткого порядка и всемерным повышением качества работы. В этих условиях внимание невольно обращается к модульно-рейтинговой системе контроля учебных занятий студентов.

В последние годы критерием оценки знаний и умений студентов на экзаменах по курсу являются в совокупности следующие показатели их работы в семестре (табл. 4).

Таблица 4

Оценка работы студентов по дисциплине в семестре

1. Посещение лекций (с ведением конспекта):	2
а) активная работа на лекциях (постановка вопросов, удачные ответы на вопросы);	+ 2
б) пассивное пребывание (без ведения записи, отказ от ответа)	- 1
2. Посещение практических занятий:	2
а) активная работа;	до +10
б) пассивное участие	не ниже -5
3. Контрольная работа	до + 10
4. Форум (присутствие):	2
а) выход на экран по существу темы;	+1
б) удачная постановка вопроса;	+2
в) положительное решение вопроса	от +10 до +20

Набранное количество баллов приводится в соответствии с обычной 10-балльной системой оценок. Полученный итоговый балл служит ориентиром для оценки на экзаменах и может быть повышен (понижен) при сдаче экзамена.

Выяснение природы, особенностей и проблем исторического познания (об этом у нас шел предварительный разговор в первых трех лекциях курса) позволяет перейти к теме настоящей лекции. Осуществляя такой переход, целесообразно вспомнить следующие моменты:

1. В социальных науках, в том числе истории, наблюдается качественное совпадение субъекта и объекта познания. Это совпадение не означает полного тождества, поскольку объект познания в своем прошлом существовании не зависит от историка. Однако оно определяет особенности концепции исторической объективности в сравнении с естественнонаучной. Историк не может столь же беспристрастно судить о событиях и деятелях в прошлом, как это делает естествоиспытатель, решая свои проблемы путем постановки экспериментов. Исторический процесс представляет собой сознательную целенаправленную деятельность человека, наделенного свободной волей. Поведение творца истории не поддается жесткому программированию, ввиду чего в истории ненадежно прогнозирование и бывает трудно определить мотивы поступков того или иного героя.

Хотя деятельность исторических персонажей и социальных групп это проявление не только свободы, но и необходимости. Каждая личность ограничена культурными традициями и природными условиями существования, политической обстановкой и индивидуальными задатками и т. п. И сам исследователь выступает как член определенного сообщества, т. е. он ограничен. В этом смысле социальное познание оказывается самопознанием, в котором общество является субъектом и объектом одновременно. Успех такого самопознания в немалой степени будет зависеть от уровня развития общества, его ценностных ориентаций. Вместе с тем общество предстает перед нами как постоянно развивающийся организм. Следовательно, объект познания остается незавершенным, что порождает трудности при изучении текущей истории.

2. Объект исторического изучения представляет собой прошлое, безвозвратно ушедшее и недоступное прямому наблюдению исследователя. В связи с этим возникает вопрос, может ли история, рассматривая столь специфичный объект, претендовать на достоверный характер своих исследований. Да, может, ибо: 1) реальность прошлого удостоверяется нами через переживание настоящего; 2) прошлое не уходит бесследно, оно в виде определенных результатов («следов») существует в настоящем; непосредственным звеном, связывающим настоящее с прошлым, являются исторические источники, представляющие собой реликты минувшего.

Сложившиеся таким образом исторические источники представляют тот резервуар, который дает историкам возможность и одновременно обязывает их говорить о социальных функциях исторической науки (круге деятельности), принципах исторического исследования (правилах деятельности), его методах (способах деятельности), об организационной структуре получения и представления знания (программе деятельности), т. е. элементах познания.

Социальные функции как отправной момент в методологии истории

Социальные функции выступают как «роли, которые историческая наука выполняет в жизни общества и которые в своей совокупности определяют ее социальную ценность [2, с. 3].

Б. И. Могильницкий

Из общей характеристики методологии истории, о которой шла речь во вводной лекции, следует, что цель и задачи исторической науки вытекают из ее социальных функций. Эти функции определились с появлением социальной истории в результате деятельности, прежде всего, французской школы «Анналов» первой волны (20-е гг. XX в.). Рожденная в обществе историография не может не оставаться связанной с ним, не удовлетворяя его нужды. Поэтому функции исторической науки обусловлены запросами общества, которые, однако, по-разному понимались в различные времена. При этом история не теряла своей значимости. Как отмечал английский просветитель лорд **Г. С.-Д. Боллингброк**, любовь к истории, кажется, не отделима от человеческой природы или «история – это философия, которая учит нас с помощью примеров» [3, с. 10–11].

Ранее мы говорили о понятии «временного режима историчности», вводимом в научный оборот французским последователем анналистов Ф. Артогом. Правда, предлагаемый им режим, характерный для современности («погружение в настоящее»), вызывает сомнение в правомерности такой оценки: не учитывается растущее, по крайней мере, на постсоветском пространстве, влияние церкви с ее идеей самосовершенствования. На этот недостаток в построении Артога указывала наша делегация во время проведения в октябре 2007 г. в Доме наук о человеке (Париж) круглого стола «Концептуализм прошлого и идентификация в истории: Франция, Европа и контекст культурных границ» [4].

На основе социальных функций исторической науки строится механизм научного творчества с его принципами и структурой, подходами и методами. Реализация этих функций дает материал для исторического анализа, ориентирует на получение новых знаний и решение воспитательных задач, на демократическую жизнь общества.

Формулировка предлагаемых вопросов по теме (*с повторением общего названия темы*) не случайна. Этот повтор – напоминание о том, что не

следует забывать, какое место занимает и какую роль играет та или иная называемая функция во всей совокупности социальных функций. Если первая из них носит общий характер, то вторая нацеливает на выявление научной значимости накопленного исторического материала, а третья – на формирование личности как таковой. Четвертая функция актуализирует историческое познание.

Социальные функции исторической науки (функция памяти)

Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты – это воздух ученого. Без них он никогда не может взлететь [1, с. 182].

И. П. Павлов

Функция **социальной памяти** – базовая функция, питающая другие функции. Ныне эта функция трактуется довольно широко в сравнении с периодом, например, античности, когда в поле зрения находились лишь современные ей события и явления. Нынешняя трактовка: **социальная память – накопление и сохранение в памяти человечества опыта всех прошлых поколений.**

Уже в этой формулировке не трудно заметить отличие социальной памяти от индивидуальной, для которой характерны все детали жизни родословной. Правда, эти детали могут служить важным источником при создании, например, психобиографий тех или иных персонажей (лидеров), дающих ключ для толкования их, казалось бы, необъяснимых действий, имеющих социальные последствия.

Именно детали, почерпнутые из мемуаров о Б. В. Савинкове, позволили российскому историку **А. В. Быстрову** на основе компьютерного контент-анализа составить психопортрет этого политического деятеля, эсера, террориста. При этом в центре внимания исследователя была проверка версии гибели Б. В. Савинкова 7 мая 1925 г. во внутренней тюрьме на Лубянке в Ленинграде (самоубийство или убийство охранниками, бросившими «бунтаря» в лестничный пролет). Полезными оказались некоторые характеристики, данные исследуемому персонажу как личности, а не психологическому типу. Это имело существенное значение для последующей верификации проблематичных описаний его поведения.

Целостная характеристика Бориса Савинкова как истероида позволила сделать заключение, что ему присущи и частные черты этого психотипа, даже если бы эти

частности ни разу не были бы не упомянуты в корпусе мемуаров (тяжело переносит одиночество, склонен приукрашивать события и свое значение в них, способен к совершенно всевозможным хитростям и прочее). «Вероятнее всего, – отмечает автор, – Борис Савинков был организатором (режиссером, манипулятором, а не жертвой и не исполнителем) своей гибели. Исполнителями (манипулируемыми, обозленными) были его конвоиры, совершившие акт поздно утром, а не вечером 7 мая 1925 г.» [5, с. 54, 58].

Типичными чертами функции социальной памяти следует считать то, что она есть:

- **коллективная память**, фиксирующая события и явления, движения и процессы, наиболее важные для характеристики общества;
- **избирательная и фрагментарная** память, что вытекает из вышеназванной черты;
- **организованная и удостоверенная** память, хотя бы благодаря деятельности архивов и библиотек, издательств и различных учреждений/заведений и др.;
- **социально ориентированная** память, придающая устойчивость жизни в обществе;
- **примирительная** память, не разжигающая рознь на различной почве, а смягчающая всевозможные противоречия в жизни общественных групп;
- **справедливая** память, исправляющая ошибки в оценке личностей и социальных/национальных групп, героев и антигероев.

Социальная память кладет для разработки (регулируя) тематики научных изысканий, исходя из потребностей современности (сегодняшнего/завтрашнего дня), и логики развития науки. Анализируя, например, тематику защищенных дипломных работ на историческом факультете БГУ в 2008 г., нельзя не отметить с удовлетворением, что определенным блоком тем духовно-религиозного характера. Однако пришедшее время с его сексуальной революцией и другими новыми явлениями ставит задачу разработки тем, связанных с семьей, любовью, браком, воспитанием детей, сохранением здоровья, получением образования, материальным обеспечением. Провозглашаемый в советское время лозунг «*Семья – ячейка социалистического общества*» должен стать реальностью, пусть и не относящейся к социализму, концентрировавшему главное внимание взрослых членов семьи на решение производственных вопросов.

Социальная память – это **совокупный источник для плодотворной деятельности научных сотрудников, учителей и преподавателей средних и высших учебных заведений, политиков и государственных служащих.**

Социальные функции исторической науки (научно-познавательная)

Истинная теория явления отличается от простого пересказывания известных фактов учеными словами именно тем, что из нее следует гораздо больше, нежели даст сами факты, на которых она основывается... [1, с. 161].

А. Д. Лаудау

К социальной памяти обращается, прежде всего, армия ученых для решения актуальных научных проблем. Тем самым реализуется эвристическая или **научно-познавательная функция** истории, без которой ее нельзя назвать наукой. Правда, возникает вопрос, что же конкретно делает историю наукой?

Смысл этой функции состоит в предоставлении обществу необходимых знаний для решения стоящих перед ним задач. Ранее этот тезис воспринимался как выявление прецедентов. Тот же лорд Боллингброк объявлял историю «философией, которая учит посредством примеров» (пересказ Фукидида, у которого эта мысль выражена так: «История – это история в примерах»).

Поиск смысла истории в этом отношении привлек мыслителей к заявлению о том, что задачей истории является обнаружение закономерностей исторического развития. Она была признана главной у позитивистов и марксистов.

Правда, в подтверждение этого тезиса приводился один и тот же, единственный пример из жизни и деятельности **Ф. Энгельса**, который, якобы, предвидел наступление Первой мировой войны. Но Ф. Энгельс просто рассуждал по поводу обострения противоречий капитализма. К тому же, если бы он действительно имел в виду мировую бойню, то был ли практический смысл в этом «предвидении», если оно было высказано за 23 года до начала войны?

Пока что целью исторической науки признается теоретическое осмысление исторического процесса и определение **тенденций развития**, важных для социальных наук, как раз и призванных открывать законы. Историческая наука указывает им направление таких поисков, является для них своеобразным компасом.

Заметим, что процессы развития наук, в т. ч. историографии, происходящая их интеграция, развитие междисциплинарности, вся обстановка постмодерна могут внести существенные поправки в означенную оценку. Несомненно одно: научный статус истории неизмеримо возрастает. Значит, объективно повышается спрос с историков, их ответственность за предоставление обществу объективных знаний. И это важно осознать каждому из Вас!

Социальные функции исторической науки (воспитательная)

Познание, подобно морю: тот, кто барахтается и плещет-ся на поверхности, всегда больше шумит и потому привлекает к себе больше внимания, чем искатель жемчуга, без лишнего шума проникающий в поисках сокровищ до самого дна неизведанных глубин [1, с. 175].

Урбин

Социальная память – кладезь и для реализации **воспитательной функции** исторической науки. На первый взгляд казалось бы, вопрос интересный и о многом говорящий. Но, когда он попадает студентам на экзаменах, они испытывают «запор» слов. Запомним, в каких же направлениях вести ответ на этот вопрос, которому и раньше и теперь придается особое значение, исходя из бытующего мнения, что главной, чуть ли ни единственной задачей истории и является воспитание личности.

Сразу же заметим, что сама по себе история не может решить эту задачу: необходим целый ряд различных, в том числе специальных, мероприятий. Хотя истории и принадлежит, возможно, первая роль в воспитательном процессе. Именно история определяет культуру человека, позволяет ему лучше ориентироваться в окружающем мире. И это так, благодаря тому, что она выполняет научно-познавательную функцию, а также идейно-политическую, о которой пойдет речь далее.

Древние историки сльвут моралистами. Конечно, эмоциональные переживания воздействуют на формирование нравственных качеств личности, способствуют выработке определенных ценностных ориентаций.

Моралисты не перевелись и сегодня. Можно сослаться, например, на известного Вам писателя и историка, неоднократно выступавшего по телевидению Э. Радзинского.

Как-то подарили мне в день рождения книгу Э. С. Радзинского о Французской буржуазной революции конца XVIII в. [6]. В ней революция прослеживается через биографию семьи палача, объем «работы» которого против прежнего мирного времени возрос в десятки раз. Не случайным было тогда изобретение гильотины (машины для обезглавливания, введенной в действие по предложению врача Ж. Гильотена). На ней казнили вначале аристократов, затем тех, кто казнил первых, и т. д. Революция представляется как море крови. Вот такой в действительности этот «праздник низов», таким выглядит удовлетворение «жажды хлеба и зрелищ».

«Золотой век истории» (вторая половина XIX в.) преподносит немало примеров исключительного влияния истории в жизни общества. Признана ее решающая роль в деле объединения Германии: благодаря созданию здесь

многочисленных исторических обществ, появлению исторического романа, многих трудов по истории Германии, проповедовавших идеи ее единства... Германия продемонстрировала и отрицательное влияние истории в период господства нацизма, когда проповедовалась немецкая исключительность.

В современных США, где в расчете на соответствующее количество населения функционирует больше, чем, например, в Беларуси, исторических факультетов и соответствующих издательств, массовым тиражом выпускается всевозможная литература на историческую тему. В стране широко культивируется мировое превосходство североамериканцев. Не случайно идея гегемонии глубоко засела в их сознании.

Нельзя отрицать того положительного влияния, которое оказало принятое в 1934 г. постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «*О преподавании гражданской истории в школах СССР*». В нем отмечалось, что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий...» [7, с. 369].

Если иметь в виду, что в практике преподавания истории до появления этого постановления имела место подмена конкретного, хотя и весьма скудного, исторического материала проповедью «голых» социологических схем, то реализация постановления не могла не сыграть своей положительной роли и не потерять своей актуальности вплоть до наших дней. Однако в новых условиях, когда историческая наука накопила большой багаж конкретных знаний, делать тот же упор на фактологию – это значит тормозить развитие науки, лишая ее того светоча, который исходит из ее теоретико-методологической основы.

Нельзя не отметить, что наши учебники по истории при всех их недостатках, четко проводят идею примата общечеловеческих ценностей. Вместе с тем ныне вся эта учебная литература требует своего обновления и расширения в части представления и издания разнообразного хрестоматийного материала. Насущной задачей является создание качественных популярных работ по истории.

Среди многочисленной научно-популярной литературы, посвященной различным сюжетам из истории Беларуси, можно выделить лишь несколько изданий, которые созданы на документальной основе с учетом позиционирования человека в двух аспектах: как объекта истории (исторического продукта) и как активного субъекта исторического действия (историческо-

го агента). Это, прежде всего, минские издания 2008 г., книги известных историков и публицистов **А. Ф. Мясникова** «*Сто асоб беларускай гісторыі: гістарычныя партрэты*» и **Э. Г. Иоффе** «*От Мясникова до Малофеева. Кто руководил БССР*» [8, с. 9].

В центре внимания этих исторических повествований оказался образ человека как «еще одно утверждение Беларуси...». Среди приведенных в них персоналий общественно-политические, религиозные, военные деятели, знаменитые просветители, гуманисты, меценаты, народные герои, изобретатели, ученые. В их число входят и те, кто оставил неоднозначный след в отечественной истории. Каждый из представленных деятелей охарактеризован в контексте конкретной исторической и социокультурной ситуации, в комплексе собственных взаимоотношений, с акцентированием ценностно-смысловой позиции исторической личности. В совокупности представленные персоналии составляют своеобразную панораму исторического прошлого, которая, являясь ретроспективой, одновременно служит коллективной и индивидуальной исторической памятью для наших современников. Указанные книги отличаются умением авторов проникнуть в характеры героев, а также исторической осведомленностью и правдивостью.

Постепенно в качестве онтологической основы отечественной истории складываются «человеческие» ценности, а человек вводится в контекст исторического познания. Синтез жанров, в котором представлено содержание названных книг, теория науки и литература, публицистика и журналистика, стал отражением синтеза онтологического и гносеологического оснований в исторической науке, проявившегося в специфике повествования данных авторов. Можно констатировать, что указанные в обзоре издания являются одним из свидетельств наметившегося в истории Беларуси антропологического поворота, а в содержании научно-популярной литературы все большее отражение находит психоистория как история биографий [8; с. 9].

Социальные функции исторической науки (идейно-политическая)

Историк должен отделить истину от лжи, достоверное от сомнительного, сомнительное от того, чего вовсе нельзя принять
[1, с. 173].

Теме

Что же касается **идейно-политической** функции исторической науки, то по известным причинам ее признают не все. Беспокойство вызывает втягивание историков в политическую борьбу, что подрывает объективность в представлении исторической действительности. Проблема, на наш взгляд, не в признании или не в признании этой функции; она так или иначе при-

сутствует в исторической науке. Хотя бы в связи с тем, что масса историков находится на службе у государства, является чиновничьей. Смысл не в отношении к рассматриваемой функции, а в ее понимании.

Даваясь в глубину понимания этой функции, не трудно обнаружить взаимосвязь истории и идеологии. С одной стороны, всякая идеология не может не опираться в своем функционировании на исторические знания, с другой – общество предъявляет исторической науке свои требования идеологического характера. Прежде всего, это требования, которые можно свести к охране и укреплению государства как такового. Поэтому исследователь, являясь выразителем конкретного мировоззрения, не может, как правило, избежать идеологической направленности своих работ.

Однако история не должна быть придатком идеологии, а ее носитель – профессиональный историк – не должен быть рупором политической партии, в которой он может состоять как человек. Будучи наукой, история с ее кадрами выполняет в обществе свои социальные функции, далеко выходящие за рамки идеологии.

История тесно связана также с политикой. Без научных исторических знаний не может быть и речи о правильности государственной политики. Ни одна важная реформа, например, не может быть успешной без учета опыта прошлого. Однако наука может многое потерять, если будет строить свои поиски, подчиняясь меняющейся политической ситуации, подгонять свои выводы в угоду политической конъюнктуры. Актуальными могут оказаться исследования самого отдаленного прошлого, явления малозначимые в координате государственной политики, но важные с точки зрения выявления всех звеньев в цепочке культурного развития.

Насколько актуальной, например, является разработка такой, пусть и не очень отдаленной от наших дней, темы, как *«Общественно-политическое движение женщин в Санкт-Петербурге и Москве в годы Первой российской революции»*. В этом исследовании **О. А. Волковой** четко обозначена его концепция. Она состоит в выявлении на основе анализа событий в обозначенное время, имевших место в наиболее крупных центрах (двух столицах России) женского движения, его политического потенциала, накопленного благодаря переходу от благотворительности к борьбе за гражданское и политическое равноправие женщин с мужчинами и, более того, к постановке проблемы в законодательном порядке в Думе.

Уже в современных условиях, это социальное неравенство не исчезло, а сохраняется. Его легко усмотреть, начиная, например, с выявления практики комплектования состава Совета Европы или руководящих органов большинства структур Республики Беларусь. И заканчивая хотя бы анализом приема абитуриентов на гуманитарные факультеты большинства национальных университетов, где предпочтение отдается ребятам, которые, однако, учатся хуже девчат, и т. д. Поэтому обращение к тому, что волновало женщин 100 лет назад, «будоражит» нас сегодня, вызывает к поиску возможностей окончательного решения «устаревшей» проблемы. Разработка названной темы имеет социальную значимость, не всегда усматриваемую соискателями ученых степеней [10].

Подлинные услуги обществу история может оказать, следуя не в кильватере идеологии или политики, а по пути свободного развития, предоставляя в распоряжение современности научно-интерпретированный опыт прошлого. А историки-профессионалы могут оставаться на высоте положения, если будут подчинять свою политическую активность научным подходам к истории и полученным выводам из ее научного анализа.

Принцип партийности в науке, проповедуемый в советское время «*Кратким курсом ВКП(б)*» и сводящий историческую науку к государственности, отвергнут жизнью. Возвращаться к нему равнозначно насилию над историей. ***Идейно-политическая или политико-идеологическая функция правомерна в смысле социального заказа историкам.*** В этом смысле, например, провозглашение независимости Беларуси означало возложение на историков задачи раскрыть исторические корни этого закономерного явления. И последовал адекватный ответ на полученный заказ: небывало широко развернулось изучение Великого княжества Литовского, Полоцкого княжества, и других тем, актуализированных актом провозглашения, прошли научные конференции, вышли из печати научные труды и т. д.

История, как и ее профессиональные носители, должна состоять исключительно в «партии истины». Объективные выводы общество может получить от независимой науки и не иначе. Следует только руководствоваться научными принципами исторического познания, которые обусловлены вышерассмотренными функциями.

Библиографические ссылки

1. Слово о науке. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты // сост. Е. С. Лихтенштейн. М. : Знание, 1978. 272 с.
2. *Могильницкий Б. Г.* Введение в методологию истории. М. : Высш. шк., 1989. 174 с.
3. *Боллингброк Г. С.-Д.* Письма об изучении и пользе истории. М. : Наука, 1978.
4. *Сидорцов В. Н.* Теоретико-методологические аспекты современной белорусской историографии // Вестн. Гродн. гос. ун-та. Гродно : ГрГУ, 1998. № 1.
5. *Быстров А. В.* Возможности компьютерного контент-анализа мемуаров о Борисе Савинкове для составления его психотипологического портрета и проверки версий его поведения. Информ. бюл. Ассоц. «История и компьютер». 1998. № 23.
6. *Радзинский Э. С.* Роковые минуты истории. М. : Вагриус, 2004. 733 с.
7. КПСС о культуре, просвещении и науке: сб. документов. М., 1963. 552 с.
8. *Мяснікоў А. Ф.* Сто асоб беларускай гісторыі: гістарычныя партрэты. Мінск : Літаратура і мастацтва, 2008. 343 с.
9. *Иоффе Э. Г.* От Мясникова до Малофеева. Кто руководил БССР. Минск : Беларусь, 2008. 286 с.
10. *Волкова О. А.* Общественно-политическое движение женщин в Санкт-Петербурге и Москве в годы Первой российской революции: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03; Белорус. гос. ун-т. Минск, 2009. 24 с.

Лекция 4 _

ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Умение из частных доходить до вероятно справедливого, а тем паче до достоверного или, несомненно, истинного и представляет существо научной самостоятельности [1, с. 180].

Д. И. Менделеев

- ✦ Потребность в основополагающих принципах научного исследования.
- ✦ Принципы исторического исследования: объективность.
- ✦ Принципы исторического исследования: историзм.
- ✦ Принципы исторического исследования: системность.
- ✦ Принципы исторического исследования: ценности в истории.

Потребность в основополагающих принципах научного исследования

Как выработать у себя умение «доходить» до истинного знания, обеспечивая достоверность поиска, о чем говорит **Д. И. Менделеев** в приведенном выше эпиграфе? В самом общем виде ответ на этот вопрос мы уже оглашали, ссылаясь на древнекитайского мыслителя **Конфуция** – путем *«размышления»*. Но какая «звезда» будет направлять нас, чем мы будем руководствоваться, чтобы следовать по этому пути, не сбиваясь с дороги?

Любое научное изыскание невозможно без руководящего начала (общих правил). Имея в виду историческое исследование, оно необходимо: 1) для определения темы и оценки историографической базы; 2) отбора источников и «вылущивания» из них фактов; 3) анализа фактов и выхода на конечный результат. Таковы требования, подлежащие исполнению в любом научном исследовании.

В целях уяснения сущности исследуемой проблемы и поддержания делового общения, не впадая при этом в чисто эмоциональное состояние, разграничим такие ключевые слова, как «понятие», «концепт», «принцип» и «категория». **«Понятие»** мысль, в которой обобщаются и выделяются предметы по определенным общим и в совокупности специфическим признакам. В современном гуманитарном знании «понятие» вытесняется термином «концепт», оставляющим за первым лишь формально-логическое значение. **«Концепт»** – смысловое содержание имени (знака), т. е. содер-

жание понятия, объемом которого является предмет этого имени (например, смысловое значение имени *Синергетика* – научное направление).

Что же касается понятия «**принцип**», то это основное исходное положение теории, учения, концепции (в нашем случае руководящее правило научного исследования). А «**категория**» – предельно обобщенное понятие, отражающее наиболее существенные свойства и отношения предметов объективного мира (в нашем случае – группы предметов, явлений, лиц).

Тесно связаны между собой понятия «**цель**» и «**концепция**», отсутствие ясности которых в представлении исследователей часто приводит к незамечаемой ими тавтологии. **Цель** – мысленное предвосхищение результата исследования. **Концепция** – система взглядов, понимание явления, руководящая идея, конструктивный принцип в освещении (в данном случае) исторических событий и явлений).

В истории, а также и в иных науках, следует придерживаться как общенаучных принципов исследования, так и специальных, учитывающих особенности, в данном случае, исторического познания и наделяющих историю самостоятельным значением, отличающим ее от других наук. Такими принципами (нормами исследования, внутренними убеждениями) являются следующие:

- принцип *объективности*, который всегда должен стоять в этом ряду первым, ибо без него бессмысленно построение любой модели изучаемого объекта;
- принцип *историзма*, требующий рассмотрения изучаемого объекта изменяющегося, развивающегося во времени;
- принцип *системности*, нацеливающий исследователя на создание цельной модели рассматриваемого объекта в общей картине исторического процесса;
- принцип *ценности в истории* или ценностного подхода, обеспечивающего как выбор темы, так и определение ее значимости по итогам исследования.

Если первые три принципа являются общенаучными, обязательными правилами для любой научной работы, в том числе исторической, то четвертый принцип относится главным образом к исторической науке, наделяя ее самостоятельностью, хотя эта особенность и подвергается сомнению в настоящее время. Она обусловлена необычными субъектно-объектными отношениями в историческом исследовании, где в центр внимания поставлен человек и человечество (человек и его сообщества во времени), представляющих своего рода субъектно-субъектные отношения, о чем говорилось в лекции 1.

Все четыре принципа внутренне взаимосвязаны между собой. Если рассматривать эти правила в определенной системе, то о первом прин-

ципе в этом отношении говорить не приходится – ясно без слов. Принцип историзма с позиции системности представляет как один из элементов рассматриваемой системы, в нашем случае как временной элемент. А принцип ценности в истории как бы объединяет и принцип системности и принцип историзма.

Принципы исторического исследования: объективность

Объективность познания в области социальных наук характеризуется тем, что эмпирически данное всегда соотносится с ценностными идеями, только и создающими познавательную ценность указанных наук, позволяющими понять значимость этого познания, но неспособными служить доказательством их значимости, которое не может быть дано эмпирически [2, с. 200].

М. Вебер

Суждения о принципах могут начинаться с характеристики принципа **объективности**. В ряду принципов он и должен стоять первым, особенно в наше постмодернистское время. Любой ученый обязан следовать ему, руководствоваться им всегда и во всем.

Как-то за одного из магистрантов, который не посещал мои лекции и семинарские занятия по курсу «Современные теоретико-методологические основы исторического познания», попросил его научный руководитель простить «подопечному» неявку на занятия, мотивируя просьбу тем, что он, хотя и магистрант, но уже издал монографию. Я согласился принять магистранта. И когда увидел его книгу, красиво изданную, поздравил с первой большой публикацией, но, чтобы простить, обратился к нему с одним единственным вопросом: «Можете ли Вы доказать, что Ваша работа адекватна действительности, о которой пишете? ... Доказывают ли это использованные Вами материалы, включая архивные?». Ответа не последовало.

Вывод делайте сами.

Пристальное внимание к принципу объективности в истории обусловлено целью научного познания получение объективных (истинных) знаний. Отражать действительность такой, какой она была, представляется необходимой, без каких бы то ни было политических и личностных пристрастий (см. лекцию 4).

В исторической науке объективность имеет свои особенности, обусловленные:

- наличием исторических источников (их совокупность являет собой, выражаясь языком философии, абсолютную истину, к которой обращаются

историки, «добывая» относительную истину, потребность в которой обусловлена временем исследования);

- заинтересованностью в получении достоверных знаний, что важно для принятия решений;

- контролем объективности (верификацией получаемых знаний на основе адекватной принадлежности к самому объекту).

Теоретико-методологический уровень отечественных научных изысканий, как уже отмечалось, остается явно невысоким. Теория и современная методология порою игнорируются в обычных исследованиях. Соискатели ученых степеней, не говоря уже о студентах выпускных курсов высших учебных заведений и магистрантов, не отвечают вообще или весьма затрудняются с ответом на вопрос о концепции собственного исследования. Они и обычно путаются в вопросах о совокупности методов, использованных в своих же исследованиях.

Вместе с тем лица отечественной науки представляют и крупные исследования философского характера, остающиеся за пределами работ по конкретным темам событийной истории. На них мы не найдем даже ссылок в перечне источников и литературы, хотя и отмечается «погоня» за увеличение объема этого перечня. К изданиям, в которых во главу угла ставятся теоретико-методологические вопросы, можно отнести ранее упоминавшиеся нами публикации А. Н. Нечухрина, И. Р. Чикаловой, В. Л. Носевича, Н. В. Смеховича, Н. И. Миницкого, С. Н. Ходина, О. М. Шутовой и др. *Освещать нашу научную повседневность высказанными в них идеями* не в этом ли залог более успешного развития отечественной исторической науки!

Озабоченность таким обстоятельством как раз и предполагает осуществление *верификации* собственного анализа. Она должна, на наш взгляд, привести, как минимум, к убеждению в том, что выполняемое исследование строго базируется на известных принципах исторического познания.

Верификация истинности выдвинутых положений должна производиться по всему тексту представляемого исследования: правильно ли применены методы анализа исторических и историографических источников, всей использованной информации. И если проверка рефлексии традиционных методов (без них, пусть и в урезанном виде, не обходится ни одна из работ) не имеет особого смысла, поскольку исследователь, у которого есть, как правило, руководитель или консультант, действует по принципу «Делай, как я», то проверка правильности использования нетрадиционных (инновационных) методов представляется необходимой.

Такая верификация необходима по ходу исследования и по его окончании, но перед презентацией. Это предопределяет, возможно, повторную оценку включенных в исследование ранее добытых фактов и обращение к

эмпирическому уровню вообще. Однако потраченное время с лихвой обернется улучшением качества разработки.

Проведение верификации напрашивается при защите диссертаций. На практике вступительное слово соискателя, будь то кандидатской или докторской диссертации, немного дает слушателям, поскольку ограничивается пересказом общей характеристики работы, представленной в реферате для широкой аудитории. И лишь в резюме «скромно» называются методы, использованные в исследовании, однако из текста реферата (диссертации) такой вывод не вытекает. Хотя смысл защиты и состоит в том, чтобы доказать правомерность достигнутых результатов, а не констатировать их, уже известных читателю. То же самое, спускаясь на нижние уровни защиты, можно сказать в отношении магистерских диссертаций и дипломных работ студентов, не требуя от них всего набора аргументов, предназначенных для соискателей научных степеней. А учить молодежь этому следует на уровне написания курсовых работ, постепенно усложняя задания.

Верификация – одно из немаловажных средств достижения современного качества научного исследования и проявления такого понимания. Вместе с тем она может свидетельствовать о повышенной ответственности за профессиональный рост не только ученых и специалистов высшей квалификации, но и тех, кто по долгу учебы или службы обязан стремиться к этому.

Другим современным средством повышения методологического уровня познания действительности может быть построение *когнитивных* (знаниевых) иерархических *моделей*, требующих умения выделять главное, отделять свое от чужого и т. п.

Объективность в историографии обеспечивается *определенной организацией исследовательского процесса*, предполагающей:

- 1) опору на уже достигнутый уровень научного исследования в области истории, а также в других отраслях научного знания, особенно смежных;
- 2) всесторонний охват предмета исследования, имея в виду его источниковую базу, а также исследовательские подступы к этой базе;
- 3) творческий подход в определении источниковой базы исследования и соответствующей совокупности методов, позволяющих «докапываться» до истины.

Осмысливая принцип объективности, следует отдавать себе отчет в том, что собственно разграничивает понятия «объективность» и «достоверность».

Практически, *объективность* означает то, что начинать любое исследование необходимо с *историографического обзора* объекта познания, что позволяет выявить актуальность и новизну исследуемого предмета. Затем приступить к его изучению *на основе разнообразной и по возможности полной источниковой базы*,

Под *достоверностью* понимается такая истина, которая обоснована тем или иным способом, в нашем случае путем использования *методов, адекватных поставленным целям и задачам, а также собранной источниковой базе*. При этом предполагается использование не только *традиционных методов*, но и *новых*, апробированных на практике исторического исследования и показавших свою эффективность.

Соответственно в обучении истории – исходить из потребностей темы урока, обеспечивая всестороннее (системное) раскрытие нового материала. Опрос строится на основе данных предыдущих тем по истории, а также по литературе, географии и другим дисциплинам. Изложение новой темы осуществляется так же, как и в научном исследовании, но с учетом особенностей обучения (современных требований педагогики и психологии) и обучаемых (подготовленности класса). Методика преподавания в данном случае носит характер прикладного средства к методологии исследования. Нет методики преподавания вообще, которую следует только насыщать тем или иным предметным содержанием. А есть методика преподавания истории (математики, физики, биологии и т. д.).

Заметим, некоторые историки отождествляют понятия «объективность» и «правда». И на том основании, что «правда» у каждого своя, подвергают сомнению саму возможность получения объективных знаний в истории. Повторяется то, о чем мы уже говорили ранее, характеризуя обстановку в историографии, сложившуюся в конце XIX – начале XX в. И подчеркиваем теперь, что названные понятия: 1) не являются однопорядковыми; 2) объективность обеспечивается соблюдением вышеуказанных условий и критериев. Не будем забывать о существовании абсолютной истины, которую мы познаем по частям, в зависимости от времени, которое ставит ту или иную задачу. При этом каждый историк может решать ее по-своему в меру своих личностных качеств. Хорошо это или плохо? Наверно, все же хорошо, ибо это наиболее приемлемый путь к истине в прошлом. Прислушаемся к всемирно известному немецкому историку **М. Веберу**, выявлявшему «общую идею», которой определяется ход событий (*см. эпиграф к данному разделу*).

Таким образом, следование указанным правилам лишь потенциальная возможность получения объективных результатов. Многое зависит от позиции исследователя, обусловленной как его уровнем знаний, пониманием профессионального долга, решительностью, так и особенностями времени исследования, давлением извне и прочее. Образцом объективности для нас могут служить древнегреческий историк **Фукидид**, немецкий историк **Л. фон Ранке**, российский историк **В. О. Ключевский**...

На современном этапе больше отрицательных примеров, чем положительных, особенно на студенческом уровне. В ходе защиты дипломных работ в 2008 г. на историческом факультете БГУ замечено, что объектив-

ность нарушается студентами уже при формулировании темы учебного (научного) исследования.

Например, «*Правовой статус и положение советских и немецких военнопленных в годы Второй мировой войны: сравнительно-исторический анализ*»; или «*Партизанские формирования на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (на примере бригады “Железняк”)*» и т. д. Отчасти такую же картину можно наблюдать и у магистрантов, особенно у тех, которые долго не могли определиться с темой магистерской диссертации.

Подобный недостаток характерен и для кандидатских и даже докторских диссертаций. Например, автор защищенной в БГУ работы «*Развитие исторического образования в системе высшей школы Франции во второй половине XX – начале XXI века*» проигнорировал некоторые важные публикации, вышедшие в 2006–2008 гг. Это привело к искажению вопроса о выборе в качестве стандарта для стран Евросоюза франко-иберийской или англосаксонской модели высшего исторического образования. Произошла подмена второй (истинной) на первую. Некоторым историкам эта ошибка не представляется существенной. Однако, если вдуматься, то автор, зная о судьбе франко-иберийской модели, мог бы внести определенный нюанс в свою концепцию диссертации.

Автор кандидатской диссертации «*Общественно-политические взгляды М. П. Погодина*» выразил несогласие с тезисом, изложенным в справочной литературе последних лет, о том, что М. П. Погодин так и не завершил свою историческую концепцию. В подтверждение этого он сослался на широкий охват проблем в деятельности российского историка, подменив тем самым ведущую мысль ученого.

Принципы исторического исследования: историзм

...Каждая эпоха является в высшей степени достойной и должна рассматриваться как нечто значительное само по себе [3, с. 45].

А. Ранке

...Смотреть... с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление прошло, и... смотреть, чем данная вещь стала теперь [4, с. 67].

В. И. Ленин

С принципом объективности тесно связан широко известный принцип **историзма**, который является одним из основополагающих принципов исторической науки и других наук. Он является не только принципом, но и способом научного мышления. Как принцип познания историзм предполагает рассмотрение объекта исследования в качестве системы, обладающей внутренней структурой, нацелен на изучение процесса его развития, выявление качественных изменений объекта, законов перехода от одного состояния к другому. **В. И. Ленин** отмечал, что дух марксизма требует, чтобы каждое положение раскрывать: 1) исторически; 2) в связи с другими явлениями; 3) конкретным опытом истории.

Что можно сказать, сравнивая данное представление о принципе с вышеприведенными высказываниями Л. фон Ранке и В. И. Ленина, взятыми в качестве эпиграфов.

Принцип историзма был тщательно разработан немецкими методологами. На рубеже XIX–XX вв. он был применен к самому познающему субъекту. Для немецкого историзма характерен акцент на такой черте, как индивидуальность.

У В. И. Ленина мы наблюдаем своеобразное понимание принципа: его представление через идею о неизбежности качественных скачков, его стремление соединить мир природы и социальных явлений в единую картину, подчеркнуть зависимость от общественного бытия. У В. И. Ленина отмечается акцент на изменении, а не на узнавании.

Сравните высказывания Л. Ранке и В. И. Ленина и подумайте над тем, в чем причина означенных в них акцентов?

Встречающееся в литературе понятие «**историцизм**», которому даются различные определения, на наш взгляд, означает в целом теоретико-методологическую концепцию, претендующую на статус улавливания исторических закономерностей, и главной задачей которой являются исторические предсказания, предвещание будущего развития общества [5].

В дипломных работах, а также диссертациях всех уровней принцип историзма фактически не является руководящим при определении, например, их цели и задачи. Налицо мы имеем не историографический, а библиографический подход. Отсутствует исходная установка о необходимости фиксации того, каким стал объект исследования (его модель) к концу обозначенного в исследовании временного промежутка по сравнению с тем, каким он был вначале.

Не смог при защите ответить на поставленный соответствующим образом вопрос (привести формулировку темы в соответствие с требованием принципа историзма) автор дипломной работы «*Российское студенчество во второй половине XIX в.*». Правда, он правомерно связал его с отменой крепостного права в России.

А в кандидатской диссертации А. А. Горовой «*Развіццё сістэмы вышэйшай філалагічнай адукацыі ў Беларусі (1944–1961 гг.)*», фактически расширившей поле исторического исследования благодаря антропологическому подходу, который игнорируется другими соискателями, цель сформулирована как «вызначэнне галоўных накірункаў, зместу і асаблівасцей развіцця філалагічнай адукацыі і прафесійнай падрыхтоўкі спецыялістаў-філалагаў у сістэме вышэйшай школы Беларусі...» [6]. Хотя уже из общей характеристики работы вытекает примерно следующая формулировка темы: «Показать, что развитие филологического образования в советских условиях послевоенного времени привело к расширению образовательного пространства, особенно иноязычного, к углубленному исследованию важных проблем белорусской филологии, установлению контактов вузовского и школьного обучения».

Вопрос о проведении принципа историзма является более проблемным, чем кажется на первый взгляд, и чем он оказывается представленным выше.

Рассмотрим его на конкретном примере – автореферате уже известного Вам исследователя О. А. Волковой [7]. Сопоставим имеющиеся в нем формулировки – а) темы, б) цели, в) задачи исследования:

а) тема: *Общественно-политическое движение женщин в Санкт-Петербурге и Москве в годы Первой российской революции.*

б) *цель диссертационной работы состоит в раскрытии основных направлений, форм и результатов общественно-политического движения женщин в Петербурге и Москве в годы Первой российской революции.*

в) *...задачи:*

- *рассмотреть принципиальные подходы политических партий и их периодических изданий к женскому вопросу в программах и пропагандистских материалах, выявить специфику постановки женского вопроса консервативно-монархическим, либеральным и социалистическим политическими лагерями;*

- *определить степень участия женщин в деятельности партий консервативно-монархического, либерального и социалистического лагерей, их возможности в связи с этим реально влиять на выработку политического курса и практическую деятельность партий;*

- *выявить условия труда и быта работниц промышленных предприятий Петербурга и Москвы, мотивы, формы и степень их участия в экономических забастовках, политической борьбе и профессиональных союзах рабочих;*

- *определить причины, уровень и характер политической активности студентов и женской интеллигенции Петербурга и Москвы: учителей, медиков, почтовотелеграфных служащих;*

- *раскрыть процесс возникновения и развития либеральных женских организаций Петербурга и Москвы, их деятельность по обеспечению эмансипации и равноправия женщин;*

- *рассмотреть законодательные инициативы министерств и депутатских фракций Государственной думы I и II созывов, затрагивающие интересы женщин, форму и результаты лоббирования женскими организациями Петербурга и Москвы своих программных требований в Думе.*

Все три записи носят описательный характер, т. е. не имеют, выражаясь языком логики, имени собственного, а имеют имя нарицательное. Даже в формулировке цели диссертации после разделяющего знака | можно поставить все, что подлежит рассмотрению в каждом конкретном случае.

Но описательность в истории означает больше, чем воспроизведение временной последовательности, пусть и в диалектическом развитии, исторических событий с раскрытием их последствий. Имеется в виду и логическое (теоретическое) воспроизведение этих объектов во всех их существенных (закономерных) связях и отношениях. Историческое должно непременно сочетаться с логическим.

И если в формулировке темы еще и допускается описательность в ее первом смысле, то в определении цели должно указываться на то, что исследователь пытается утверждать, а не о чем рассказать в своей работе. Иначе говоря, должна представляться гипотеза (предполагаемая концепция) исследования. В нашем слу-

чае это и есть ведущая мысль труда историка. Ее элементы названы в положениях, вынесенных на защиту. Наиболее ярко это нашло отражение в пунктах:

- «рост политической активности [женщин, в частности в системе высшего образования. – В. С.] показал их политический потенциал в революционном движении»;

- «произошла переориентация их деятельности [женских организаций. – В. С.] с благотворительно-просветительской на политическую, основным лозунгом становятся требования гражданского и политического равноправия женщин» и, более того, «женский вопрос стал предметом думского законотворчества» [7, с. 3].

Принципы исторического исследования: системность

...С его помощью осуществляется поиск конкретных механизмов целостности изучаемого объекта и обнаружения разнообразной типологии его связей [8].

А. И. Невухрин

В последние годы в разряд принципов возведен историко-системный метод, образовавший **принцип системности**. Он присущ всем наукам. Сам по себе этот принцип фактически является развитием принципа историзма. Ориентирует исследователя на раскрытие целостности сложного объекта (выявление и оценку элементов внутренней структуры), а также различных типов его внешних связей, на сведение (интеграцию) их в единую теоретическую картину, адекватную исторической действительности.

Системность в имеющейся литературе рассматривается как исключительно познавательный конструкт, и тем самым оправдывается множественность описаний одного и того же изучаемого объекта из-за различий в познавательных установках исследователя [3]. Однако, на наш взгляд, этот принцип имеет свои объективные основания в исторической действительности.

Все в окружающем нас мире взаимосвязано многочисленными видимыми и скрытыми нитями, что в конечном итоге и обуславливает происходящую интеграцию наук. Поэтому при всем многообразии познавательных подходов следует стремиться к тому, что более всего совмещает исследовательский интерес и то прошлое, которое является для современного субъекта познания объективностью.

В данном же случае для нас не столько важна сама информация о свойствах объекта, сколько целенаправленная деятельность по ее выявлению. Подойти системно – значит представить объект, как замечают методологи, в четырех категориальных слоях: 1) объективных процессов; 2) структурно-

функциональном; 3) организованности материала; 4) морфологическом слое (материального наполнения).

Системность зачастую не просматривается в дипломных работах наших студентов. Имеет место как недобор, так «перебор» элементов внутренней структуры, не определяется место и роль изучаемого объекта в системе внешних связей или в рамках более объемной системы, куда входит изучаемый объект. Настораживает открытое заверение некоторых дипломников о том, что ими сделано все необходимое и возможное по работе, хотя на деле они фактически игнорируют новейшую литературу, о которой еще не появилось отзывов в печати, и др.

Подобное встречается и в диссертациях. Не будем «копаться» в них, сошлемся лишь на выше приведенный факт – диссертацию «*Развитие исторического образования в системе высшей школы Франции во второй половине XX – начале XXI в.*». Неполная информация привела к нарушению целостности в представлении объекта изучения и естественно к отходу от действительности. О какой же системности можно вести речь в таком случае?!

Обращаясь к положительным примерам, не могу не сказать о системности, с позиции которой создавался широко доступное студентам авторское учебно-методическое пособие «*Методология истории: количественные методы и информационные технологии*» [9]. Фактически это учебно-методический комплекс (УМК) с учебными программами, рассчитанными на студентов различных форм обучения. В нем представлены три модуля («Электронный учебный курс в системе УМК», «Количественные методы в историческом познании», «Информационные технологии в историческом познании»), тексты лекций, сценарий форума на платформе дистанционного обучения, словари основных понятий, оригинальные тесты и контрольные вопросы, литература и приложение, в котором даются задания для самостоятельной работы студентов.

Уже в общей характеристике пособия просматривается системный подход. Он приобретает характер основного принципа при рассмотрении отдельных компонентов УМК. Так, представленный в нем пакет программ отражает и то общее и то специфическое, которые характерны для различных форм обучения в рамках исторических специальностей. Описана концептуальная модель методологии истории, в которой определены место и роль количественных методов. Содержание лекционного материала базируется на сочетании его внутренних и внешних признаков. Тесты сформулированы на основе «мягкой» методики, когда студентам предлагается не «угадывание» одного из предложенных ответов (единственно правильного), а ранжирование ответов, которые могут быть все правильные, но с различной степенью адекватности.

Системность пронизывает все рубрики пособия. Обучаемые получают возможность рассмотреть этот инструмент познания как извне, так и изнутри, представить его общую картину и отдельные элементы, найти то, что может и должно быть использовано (заимствовано (для) своей творческой работе(ы)). В пособии сочетаются такие важные моменты образовательного процесса, как познание нового и его практическая отработка, оценка и самооценка, обучение и воспитание и др. Работа с пособием, как показывает почти 10-летний опыт, дает заметно больший эффект, чем при использовании других дидактических материалов.

Принципы исторического исследования: ценности в истории

Ценностный подход существует объективно и основывается на необходимости получения двух типов информации об объекте: научной и ценностной [10].

С. П. Рамазанов

Рассмотренные принципы должны сочетаться с **ценностным подходом** к объекту исторического познания (принципом ценности в истории). В образовательном пространстве он особенно важен в связи с выполнением историей такой функции, как воспитательная функция. К сожалению, этот подход либо вообще игнорируется (упоминания о нем нет ни в одном из рефератов защищенных диссертаций), либо подвергается открытой/скрытой критике. Скорее всего, это свидетельствует о непонимании принципа ценности в истории. Не случайно, вопрос о социальной значимости полученных результатов проведенного исследования (требование ВАК) остается, как правило, без ответа, хотя он и фигурирует во введении, где говорится об актуальности поставленной проблемы.

Ценностный подход предполагает не только оценку (выявление места и роли) объекта в цепи событий соответствующей эпохи, но и определение его значимости для наших дней. Собственно выбор темы исследования, как мы уже отмечали ранее, и должен начинаться с учетом, прежде всего, второго момента.

Ярким положительным примером в этом отношении может быть защищенная несколько лет назад кандидатская диссертация о декабристах. Казалось бы, что нового может дать такое исследование вообще, да еще в наше время, когда на первый план выдвинулась задача эволюционного развития и идет переосмысление понятия «революция». Но соискатель степени кандидата наук **Е. В. Корень** нашла в исследуемом объекте новый сюжет: тот высокий уровень нравственности, которым обладали декабристы – лучшие представители дворянской интеллигенции – и дефицит которой обнаруживается в нашем современном обществе [11].

«Ценность в истории», так или иначе, проводится в дипломных работах (выявляется значение объекта для своего времени), но только не с точки зрения потребностей сегодняшнего дня.

Так, неожиданным для студентки, защищавшей работу «Белорусская партия социалистов-революционеров. 1918–1924», стал вопрос о соотношении БПС-Р и современных партий в Республике Беларусь.

Отвечая запросам современности, не следует ограничиваться лишь разработкой тем по истории духовности (религии и церкви). В тематику исследований необходимо включать, например, и темы, связанные с историей семьи, или повседневной жизни, с осмыслением личностью в том или другом историческом времени окружающей его реальности и действий соответственно/несоответственно пониманию и др.

Необходимо комбинировать научный подход (имеются в виду три первые вышерассмотренные принципы) и ценностный (в смысле злободневности избранной темы исследования для решения современных социальных задач), ибо принцип ценности реален при соблюдении научного подхода.

Инструментом последовательного проведения принципов в жизнь служат те или иные методы, разговор о которых у нас пойдет в следующем блоке лекций. А на очереди структура (этапы) исторического исследования, к рассмотрению которой мы подошли.

Библиографические ссылки

1. Слово о науке. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты // сост. Е. С. Лихтенштейн. М. : Знание, 1978. 272 с.
2. Методологические проблемы истории : учебное пособие для студентов, магистрантов и аспирантов исторических и философских специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / В. Н. Сидорцов [и др.] ; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Минск : ТетраСистемс, 2006. 348 с.
3. Методология истории: учеб. пособие для студентов вузов / В. Н. Сидорцов [и др.]; под ред. А. Н. Алпеева [и др.]. Минск : ТетраСистемс, 1996. 240 с.
4. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39.
5. Первый толковый Большой Энциклопедический Словарь / сост. С. М. Снарская, Н. Л. Баженов, Е. А. Баранова. СПб. : «Норинт»; М. : РИПОЛ классик, 2006. 2144 с.
6. *Гаравая А. А.* Развіццё сістэмы вышэйшай філалагічнай адукацыі ў Беларусі (1944–1961 гг.): автореферат дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Беларус. дзярж. ун-т. Минск, 2009. 22 с.
7. *Волкова О. А.* Общественно-политическое движение женщин в Санкт-Петербурге и Москве в годы Первой российской революции: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03; Беларус. гос. у-т. Минск, 2009. 24 с.
8. *Нечухрин А. Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2003. 348 с.
9. *Сидорцов В. Н.* Методология истории: количественные методы и информационные технологии: учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2003. 143 с.
10. *Рамзанов С. П.* Проблема ценности в истории: историографические и методологические аспекты. Волгоград : Волг. науч. изд-во, 2006.
11. *Корень Е. В.* Декабризм и менталитет российской дворянской интеллигенции: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03: 04.12.2003; Беларус. гос. у-т. Минск, 2007. 11 с.

Лекция 5

СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Познание, подобно морю: тот, кто барахтается и плещет-ся на поверхности, всегда больше шумит и потому привлекает к себе больше внимания, чем искатель жемчуга, без лишнего шума проникающий в поисках сокровищ до самого дна неизведанных глубин [1, с. 175].

Ирвинг

- ✦ Понимание структуры исследования.
- ✦ Исторический источник в свете методологии.
- ✦ Научный факт.
- ✦ Уровни исследования.
- ✦ Организация и представление исторического знания.
- ✦ Понятийно-категориальный аппарат исторической науки.
- ✦ Описание результатов исследования.

Понимание структуры исследования

Вооружившись отправными знаниями истории как науки, ее методологии, в частности социальными функциями и принципами научного познания исторической действительности, мы подошли к вопросу об архитектуре исторического исследования, подтверждающей научный статус истории, к **структуре**, которая в общем плане представляет собой *упорядоченную совокупность устойчивых связей изучаемого объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе.*

Историческая наука – сложная и сбалансированная система со своими источниками, уровнями познания, категориями, организацией знания, его представлением и описанием. В совокупности эти взаимосвязанные элементы и представляют организационную структуру научного исторического исследования.

Ранжированные по этапам эти элементы определяют порядок исследовательской работы. Так, любое научное исследование, после установления его темы, мы начинаем с анализа историографических источников (насколько они полезны для нашей работы, что дают и на что нацеливают). Уяснив себе, в каком направлении двигаться дальше и что искать, знакомимся с опубликованными документами и материалами (сборниками пу-

бликаций, прессой, мемуарной литературой, дневниковыми записями и воспоминаниями), затем обращаемся в архив, уже зная, что в нем примерно искать. Собирая сведения по заданной теме, мы их осмысливаем и на основе понятийно-категориального аппарата конструируем из них научную картину того, что происходило в прошлом. И, наконец, прибегая к литературным формам выражения мысли, описываем собранные знания, делая их достоянием не только научного мира, но и широкого круга общественности.

Переноса этот порядок на процесс обучения, перед нами вырисовывается панорама действий, соответствующая уже иным целям. Урок начинаем с беседы в классе по вопросам, опосредственно относящимся к обозначенной теме. По вопросам, ответы на которые в порядке домашнего задания должны были найти учащиеся в материалах предыдущего урока (предыдущих уроков) и в изученных темах смежных учебных дисциплин. Затем учитель оценивает выявленный источниковый материал, дополняет его новыми (в учебно-познавательном смысле) историческими событиями, обобщает весь оглашенный материал и формулирует выводы. При этом он не просто констатирует выводы, а открыто синтезирует их из представленного на уроке событийного материала, доказывает правоту сделанного заключения (в старших классах желательна ссылка на научно-исследовательскую практику в области исторических наук).

В таком представлении ничего нового нет. Подчеркиваем, новое в упоре на осознание: 1) *связи обучения истории с исследованием истории* (преподаем так, как исследуем, но с учетом... /прошу продолжить мысль/); 2) *связи с другими дисциплинами* (смежными, информатикой и математикой), что в условиях стремительного увеличения событийного материала и интеграции наук делает *неизбежной междисциплинарность и обращение к ней*. Известный общественно-политический деятель, в прошлом ректор Российского государственного гуманитарного университета Ю. Афанасьев как-то подчеркивал, что происходящая информатизация общества уравнивает с ученым миром учителей, заставляя их заниматься научными изысканиями. Со всей определенностью отмечает *конструкция, нацеленная на раскрытие процессуальной стороны познания, и устанавливающая временную последовательность познавательных действий*, это и наш соотечественник **Н. И. Миницкий** в своей докторской монографии [2, с. 31–36].

Таким образом, *структура исследования в нашей концепции – это системное представление важнейших элементов исторического мышления, направленного на обеспечение получения истинных знаний в области историографии.*

Рассмотрим указанные элементы.

Исторический источник в свете методологии

Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не удалось убрать своих последствий [3, с. 529].

В. О. Ключевский

Из курса источниковедения истории Вы знаете, что **исторический источник** (в методологии истории нас интересует в основном *нарративный источник*, т. е. описательный, повествовательный) – это материальная основа истории, дающая возможность говорить о ней как о науке. Обращаясь к источнику, мы осуществляем его внешнюю и внутреннюю критику, классифицируем всю его базу, анализируем с точки зрения возможности применения к нему определенных методов. При этом на методы Вы смотрели исключительно с позиции источниковедения, не вдаваясь в имеющееся обилие методов, их относительную самостоятельность. Для Вас источник был живым объектом.

И в самом деле, под историческим источником мы понимаем все, что создано человеком, к чему прикладывалась человеческая рука, прикасался человеческий интеллект (документ, книга, рисунок, чертеж, опера, мост, дамба и т. д.). В этом смысле источники подразделяются на вещественные, письменные, изобразительные, фонические. Историка интересуют главным образом нарративные источники. Отсюда и вышеозначенная условность в методологии истории.

С позиции методологии источник ни о чем не говорит. Он как камень с иероглифами. *Его «оживляет» метод.* Источник дает ответ лишь на поставленный вопрос: какой вопрос, такой и ответ. Жизнь ставит новые вопросы, и мы от того же источника (к которому уже обращались в минувшие времена) получаем новые ответы.

Это хорошо видно на примере с историографией о декабристах. В советскую эпоху нас интересовали данные соответствующих источников, связанные с их революционным движением и только. В наше время, постсоветское, мы тем же источникам ставим уже вопросы нравственного характера.

С позиции методологии историка должен интересовать не столько сам источник, содержательная информация которого обычно один к одному воспринимается «событийным» историком, а *эпоха, в которой создавался источник.* Это обусловлено потребностью в правильной постановке вопроса источнику. А информация о прошлом, как известно, преломляется: 1) через сознание эпохи, когда создавалась информация; 2) психологию той или иной социальной группы; 3) особенности создателя информации. Значит,

источник несет двойную информацию: опосредованно отражающую объект, заинтересовавший нас, и характеризующую субъект, т. е. создателя этой информации, внесшего и собственное видение события.

Перед историком-исследователем, в распоряжение которого поступил заинтересовавший его объект, встает задача не простого пересказа содержания источника, а изложения его с подтекстом того, о чем умолчал создатель источника. Требуется умение *читать между строк*.

Не случайно, В. О. Ключевский видел в источнике остатки прошлого и предания о них. Вероятно, под остатками прошлого он имел в виду письменные свидетельства, вещественные памятники, различного рода материальные сооружения и т. д. Предания в его представлении – это то, что внес в информацию о событии ее создатель [4, с. 406].

Особую роль играют такие фонические источники, как песни, сказания, народные пословицы, все то, что передается из уст в уста. Они связывают прошлое с настоящим и позволяют заглянуть в прошлое глазами настоящего.

Мы можем и должны *понимать источник лучше, чем его создатель*, не только потому, что являемся очевидцами этих «следов и преданий». Современный исследователь, анализируя события, описываемые в историческом источнике, знакомясь с эпохой, в которой был создан этот источник, может узнать о последствиях этих событий, оценить их более полно и точно, расширяя свой методологический кругозор. Следовательно, он может понимать источник не только на уровне его создателя, но на более высоком уровне, превышающем знание его творца.

В любом случае часть информации в источнике оказывается скрытой. А она как раз и может содержать наиболее существенные сведения об историческом событии. Именно это имел в виду В. О. Ключевский, утверждая, что важнейшей задачей историка является установление не того, о чем свидетельствуют авторы источников, а о том, о чем они умалчивают [4, с. 406]. Особенно большой объем скрытой информации содержат массовые источники. Немалая скрытая информация имеется и в индивидуальных источниках. Она менее всего подвержена субъективным искажениям.

Выявление и изучение *скрытой информации* представляется, таким образом, одной из наиболее существенных задач исторического анализа. *Обращение к новым (нетрадиционным) методам исследования (количественным, социально-психологическим, лингвистическим и др.) во многом помогает решению проблемы.*

Успехи исторической науки прямо связаны с расширением круга источников, вводимых в научный оборот, повышением их информационной отдачи, новым прочтением, совершенствованием методов обработки, хранения, анализа и передачи имеющейся в них информации. Источниковая база – это та среда, в которой «рождаются» научно-исторические факты, которые являются фундаментальной категорией исторической науки.

Научный факт

Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты – это воздух ученого. Без них он никогда не может взлететь [1, с. 182].

И. П. Павлов

Большое место в трудах по методологии истории занимает проблема факта. Строго говоря, **факт** (в логико-гносеологическом смысле) – понятие, употребляющееся для характеристики особого типа эмпирического знания, которое несет в своем содержании следы семантического (смыслового) воздействия исходных эмпирических обобщений. В современном историческом знании проблема фиксации факта в историко-культурной реконструкции разрешается в пользу переосмысления традиционных подходов. Факты культуры и истории рассматриваются незамкнутыми, а открывающими свои разнообразные свойства при совмещении с иными историческими и современными событиями и фактами.

Известна расхожая формула: «факт упрямая вещь», или «факты говорят за себя». Но не все отдают себе отчет в том, что эти «аксиомы» появились в XIX в. и являются отражением того представления, что источниковое знание достаточно достоверно и точно воспроизводит прошлую реальность. На этом основании позитивисты выдвигали перед исследователями требование не выходить за рамки текста источника и не увлекаться синтезом.

Мы уже отмечали, что в то время историю относили к естествознанию. Полагали, что историческая наука, как и естественные науки, дает полные и окончательные знания. История переживала небывалый апофеоз, особенно в Германии. И она оправдывала себя в таком имидже, обеспечивая объединение Германии ... До кризиса, разразившегося в конце XIX в. Считается, что из этого кризиса историографию вывела французская школа «Анналов».

Категория «факт» постепенно раскрывалась перед историками. Было обращено внимание на социальную природу факта, родился метод «вживания» как основное средство постижения фактов. А с развитием социально-экономического направления в позитивистской историографии появилось признание, что факты познаются не прямым наблюдением, а косвенным путем и воспроизводятся при помощи воображения. Такая релятивистская трактовка факта акцентировала внимание на субъективном характере этой категории, на зависимости факта от общей концептуальной системы, в которую он включен. У исследователей начала XX в. факт предстал как эластичная теоретическая конструкция.

Для советской историографии характерна объективистская трактовка категории «факт». Ее исследователи стремились если не отождествить, то максимально сблизить понятия «научный факт» и «событие», имея в виду

как область истории, так и область взаимоотношения социальных и естественных событий. На такой позиции все еще остаются многие современные историки, хотя «поднимают голос» и сторонники релятивизма. Подтверждается ситуация постмодерна в отечественной исторической науке.

В западной историографии, при наличии множества интерпретаций, утвердилось мнение, что научный факт является зависимой от исследователя сущностью.

Следовательно, представление факта изменилось. Сегодня он осмысливается как результат теоретической работы ученого, а не свойство исторической реальности. Выделяется три основных значения понятия «исторический факт»:

1. Факты как события или явления исторической действительности. Такие факты социальны, сложны и многообразны, объективны и инвариантны, непосредственно не наблюдаемы.

2. Факты как сообщения источника, т. е. как определенная информация о событиях. Отражают видение событий их авторами, субъективны по своей природе, но однозначны в конкретном выражении, существуют объективно по отношению к исследователю, потенциально содержат в себе значительно больше информации, чем можно извлечь на каждый данный момент.

3. **Научно-исторические факты** как элементы логической структуры исторической науки. Представляют собой дважды субъективизированную (на уровнях источника и исследователя) реконструкцию прошлого, продукт исторического творчества.

Наличие источниковой информации само по себе не гарантирует объективной реконструкции прошлого. Для этого необходимо правильное прочтение и истолкование источников. Здесь на помощь историку приходят различные дисциплины, в том числе источниковедение, герменевтика, лингвистика, математика, психология, семиотика и др. Представляется *весьма важным обращение нашей науки к различным научным методам, которые нередко игнорируются историками.*

Факты информации (события) выступают по отношению к исследователю как историческое сырье, на базе которого он должен реконструировать научные факты. На помощь ему приходят теория, весь комплекс накопленных им знаний и различные (традиционные и инновационные) методы анализа. Историк должен критически, но **принять во внимание свидетельства современников, мемуарную литературу, данные средств массовой информации**, тем более, если они содержат документальные материалы.

Перед исследователем постоянно стоит задача расширения круга источников. Поиск новых источников способствует приближению к исторической истине. В то же время упоминание в источниках о каких-то событиях или героях вовсе не означает, что они были в действительности. Источник не дает прямого и непосредственного отражения прошлого (мы рассматри-

ваем нарративный источник). Научный исторический факт, который он создает, представляет собой только модель события. При известной доле научного творческого воображения она может у него превратиться в образ (концепцию) прошлого. Тем самым осуществляет ретроспективный процесс *возвращения к исторической реальности* (источниковой информации) **через источник**. Это и будет означать достижение цели исследования.

Научные факты достаточно *эластичны*. Они изменяются, появляются и исчезают в зависимости от угла зрения, масштабов исследования, концептуального подхода, исследовательского интереса и др. как субъективных, так и объективных факторов. **Как нет факта вне источника, так и нет факта вне его творца-историка.**

В отборе фактов и их интерпретации исследователь наделен известной творческой свободой. Но ее следует понимать в смысле осознанной необходимости. Чтобы выводы были достаточно обоснованными, от исследователя требуется бережное отношение к фактам, которые только и могут служить доказательством обоснованности при условии их правильного отбора и соответствующей обработки, о которой речь пойдет ниже. Возможные противоречия в данном случае будут означать допустимую вариантность подхода.

Таким образом, научно-исторический факт – сложная познавательная конструкция, в которой органически сочетаются объективные и субъективные элементы. Суждения о нем носят относительный характер, а возможность проверки их достоверности может быть реализована лишь путем дальнейшей углубленной работы с источником. Достигнутый образ прошлого является надежным основанием исторического исследования.

Уровни исследования

Если система научных фактов, полученная на эмпирическом уровне, представляет собой научное описание прошлого в рамках поставленной исследовательской задачи, то теоретическое осмысление этой системы выступает как научное объяснение [5, с. 105].

А. Н. Нечухрин

В работе с фактами и в исследовании в целом различают два уровня познания: **эмпирический и теоретический**, диалектически связанные между собой. И это не случайно, поскольку по своему содержанию историческое знание нельзя отнести к чисто эмпирическому или теоретическому. Оно направлено и на конкретные факты прошлого, и на выявление причинно-следственных связей, создание концепции исторического процесса. Тем не менее эти уровни обладают определенной автономией. Связь между ними носит опосредованный характер. И отбор фактов, и тем более их интерпретация имеют определенную авторскую заданность.

Эмпирический уровень – *отбор фактов* – более связан с *источниковым знанием, более верифицируем и объективен*. Но этот отбор уже обусловлен постановкой на основе историографического обзора научной задачи (актуальной проблемы, подходов к ней, цели, путей ее достижения, совокупности адекватных методов). Отбирая факты, мы не просто их описываем, но одновременно объясняем и группируем. Здесь имеет место *синтез информации*.

Теоретический уровень представляет собой *разрез материала под определенным углом зрения*, который *задается* в конечном счете *современностью*, а также мировоззрением исследователя, его приверженностью к той или иной школе, личностными качествами. На этом, более высоком уровне, синтезируются факты в некую целостность с оценочной характеристикой. Возможно обращение к эмпирическому уровню для заполнения вскрытых источниковых пробелов. Осуществляется построение последовательного рассказа о событиях прошлого. При этом немаловажную роль играет интуиция и воображение того или иного исследователя. Созданные таким образом различные модели прошлого ведут в своей совокупности к его более глубокому освещению.

Теоретическое осмысление результатов проведенного исследования, которое выступает как *научное объяснение в отличие от научного описания*, характерного для эмпирического уровня, является наиболее индивидуальной частью работы историка. Поэтому она предъявляет самые высокие требования к ученому.

Фундаментальное значение для исторической науки имеют причинно-следственные объяснения. Среди них выделяют объяснения *генетическое, структурное, функциональное*. Все они говорят сами за себя и применяются комплексно, взаимно дополняя один другого. В марксистской историографии ведущим было объяснение через закон. *Попробуйте рассудить эти объяснения*.

Сложным является процесс движения от эмпирического знания к теоретическому знанию. Возникает вопрос о том, является ли идея (теория) итогом познавательной деятельности или она имеет место изначально, в качестве вопроса (гипотезы), а в конце исследования дается ответ на поставленный вопрос (подтверждается гипотеза). В данном случае следует исходить из того, что научные факты являются порождением теории, которая в свою очередь возникла на базе обобщения конкретного материала. Во взаимной проверке общих идей и фактов, теории и источникового знания и заключается истинный путь исторического научного творчества.

Двигаясь по этому пути следует четко представлять такие понятия, как:

- *проблема* – сложный теоретический вопрос или противоречивая ситуация, требующие изучения или, более того, применения адекватной теории для своего разрешения;
- *гипотеза* – основание, предположение, суждение о закономерной (причинной) связи явлений;

● **идеализация** – мысленное конструирование понятий, не существующих в действительности, но для которых имеются реальные прообразы, что позволяет формулировать теорию;

● **научная теория** – форма научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях действительности. Выполняет не только рассмотренную выше объяснительную функцию, но и систематизирующую, предсказательную и методологическую функции.

Организация и представление исторического знания

Формула о том, что представление (наряду с ощущением и восприятием) относится к низкой чувственной ступени познания, противопоставляемой мышлению, совершенно неосновательна... [6].

В. А. Лекторский

В ходе исследования, какими бы средствами познания мы ни пользовались, неизбежно возникает противоречие между ними и исторической действительностью. Задачу преодоления этого противоречия частично можно решить на основе многомерности форм **организации и представления исторического знания**.

Многомерность можно рассматривать как единство внутреннего и внешнего видов информации. Их сочетание представляет собой так называемую «визуальную историю». Ее обработка с помощью информационной технологии дает близкую к действительности среду познания истории.

Исследователями истории успешно решается задача разработки оперативных моделей-конструкций, предназначенных для выполнения познавательных действий на микроуровне. В этой связи нельзя не вспомнить созданную американским методологом М. Минским **фреймовую информационную технологию**, в которой материал организован по принципу ветвящейся древовидной системы, имеющей вершину и нисходящие ветви [2, с. 111, 114].

Другим средством организации информации является **гипертекстовая система** (*гипер* – сверх, когда мы можем получить дополнительную информацию любого количества единиц, различных по содержанию, и самой разнообразной формы, выделив в тексте соответствующее понятие, за которым оно скрывается). Главной задачей гипертекстовой технологии является поддержка ассоциативных связей, которая гораздо эффективнее в электронном исполнении. А оригинальность этой технологии состоит в том, что в ней впервые осуществлен переход от линейной формы передачи информации к многомерной. Думая об этой технологии, Вы, надо полагать, можете представить довольно широкую сферу ее применения.

Качество многомерности может быть выражено и другими формами информации: текстовой, знаково-символьной (посредством семиотики),

звуковой, световой и т. д. Сочетание вербально-логического и образно-символьного представления знаний дает нам *семантическую карту*, которую можно видеть на обложках учебников. Компьютерный вариант этой карты позволяет создать системное представление о предмете в его конкретных и абстрактных понятиях. Используются и *эмотивные* (вызывающие эмоции) средства самого исторического источника. Не случайно, на нужды образования поставлена колориметрия – наука об исчислении цвета. Учебникам придается соответствующая окраска, отвечающая той или иной исторической эпохе, что способствует лучшему усвоению знания.

Квинтэссенцией наиболее распространенных из вышеназванных форм можно считать знаково-символические модели представления знания, построенные и описанные в монографии и докторской диссертации **Н. И. Миницкого** [2, с. 183–193].

В современной исторической и философской литературе разработаны различные типы и виды логических структур представления знаний. Н. И. Миницкий полагает, что их следует объединить под именем *когнитивных моделей*. Эти модели представляют как отдельные понятия (формация, цивилизация, культура и т. д.), так и динамические процессы (историческая деятельность, социальное действие, повышение теоретико-методологического уровня исторического познания и др.). На форзаце издания данных лекций представлена составленная автором «умная карта» нашей дисциплины (название подобных карт зародилось в учительской среде). Внимательно рассмотрите ее; это поможет Вам представить наш курс в целостности и держать его в своей памяти.

Подводя итоги рассмотрения вопроса, прошу Вас вернуться к эпиграфу к этой части лекции и самостоятельно продолжить его. При затруднении обратитесь к работам Н. И. Миницкого.

Понятийно-категориальный аппарат исторической науки

В самых различных аспектах обсуждается проблема категорий в исторической науке. Их постановка и решение определяются как дисциплинарными рамками, так и аксиологическими факторами – мировоззренческими и ценностными установками. В связи с этим представляется актуальным выявление природы категорий, их познавательных возможностей и эволюции.

Организация и представление знания невозможны без опоры на **категории**, которые всегда выражены в знаковой форме. Они позволяют сгруппировать и классифицировать собранный материал, а затем логически воспроизвести его. Это обусловлено потребностью истории как в описании,

так и в обосновании знаний о прошлом. Чтобы не допустить вольного обращения с материалом, с одной стороны, и манипулирования категориями, с другой – необходимо уяснить себе, во-первых, условия, в которых появилась и эволюционизировала та или иная категория; во-вторых, механизм формирования понятийно-категориального аппарата.

Научные категории складывались в процессе исторического развития теоретической мысли и общественной практики. Одни из них были заимствованы историей из философии и естественных наук, другие выработаны самой исторической наукой.

Из философии на вооружении истории оказались такие категории, как сущность (внутреннее содержание объекта) и явление (его внешняя форма); необходимость (отражение устойчивых связей) и случайность (неустойчивых); возможность (нереализованная альтернатива) и действительность (реальность) и др. Историей адаптированы понятия «всемирно-исторический» (развитие «вверх», прогресс) и «локально-исторический», «цивилизация» (устойчивое культурно-историческое сообщество) и т. д.

Ни в коем случае не отрицая значения данных категорий, необходимо все же отметить, что их безраздельная доминанта ослабила историческую науку в методологическом отношении. Однако в связи с работами структуралистов и постструктуралистов, этнологов, психоисториков и др. можно говорить о революции в области методологии истории – внедрении в нее новых категорий, на базе которых возможно создание принципиально новой программы, которая могла бы стать эпистемологической основой исторической науки.

В конце XVIII – начале XIX в. в истории стали применяться категории естественных наук (генезис, тип, система и т. д.). Затем появилась историческая терминология, основанная на теоретических обобщениях историков-практиков, которые использовали понятия, встречаемые ими в источниках (например, «феод»). Грянул «золотой век» в исторической науке.

Примечательной чертой историографии XX в. явилась разработка понятийно-категориального аппарата самой исторической наукой. Это в первую очередь относилось к таким понятиям, как «пространство» и «время». *Пространство* в историческом смысле стало ассоциироваться с понятиями «локально-исторический» и «всемирно-исторический», а *время* представляться как существующее в виде физического времени («счетное» время), используемого в хронологии, и *исторического времени*, наполненного событиями и глубоко эшелонированного.

Введение в научный оборот категории исторического времени было связано с деятельностью французской школы «Анналов», которая вывела историческую науку из кризиса. Разработанная ею концепция *длительной временной протяженности* (ДВП) включила и такие категории, как «*тотальная история*» и «*структура*», охватившие в определенный период все стороны жизни общества в его горизонтальном измерении (в отличие от

категории «всемирно-исторический» как развитие по восходящей линии/вертикали, что нашло отражение в концепциях «древний мир – средние века – новое и новейшее время» на Западе и «формационного общества» на Востоке), а также «повседневность».

Обобщенное представление структуры и развития общества может быть охарактеризовано как «идеальный тип» (мыслительный образ). Эта категория введена в научный оборот немецким историком, социологом и филологом **М. Вебером** и показала свою действительность как рабочая модель, приближающая нас к действительности.

В отечественной историографии активно осваиваются такие понятия, как «повседневность», «ментальность», «гендер», «историческое интервью» и др. Возникли целые направления в исторической науке: *история повседневности*, причем в ее современном понимании как осознание простым человеком окружающей его действительности и отражение соответствующих/несоответствующих действий личности; *история ментальности* как проявление антропологического поворота в научно-исторической эволюции; *гендерная история* – соотношения полов в жизни общества; *устная история*, показательным примером которой может служить выполненный еще в 80-х гг. прошлого века проект «Наша история – наши песни» (Западная Германия, Линден) и др. Такая трансформация свидетельствует о том, что категории формируются из понятий, широко представленных в различных дисциплинах. (*Приведите и другие примеры в рамках рассматриваемого пункта темы.*)

Такого рода работа нередко сопровождается «муками» творчества, подтверждающими ту истину, что источником развития (в нашем случае процесса познания истории) являются противоречия. Ярким примером такого «мучения» может быть работа **В. Н. Сергеева** над кандидатской диссертацией, так и незавершенная в части разработки модели коммуникационной теории Н. Лумана и наложения на процесс внутрипартийной борьбы 20–30-х гг. XX в. в КП(б)Б.

В процессе уточнения понятий как результата воздействия внутренних (историографических) и внешних (междисциплинарных) факторов развития науки одни из них отмирают и появляются новые, другие меняют свой смысл, наполняются новым содержанием. Анахронизмом, например, звучит ныне понятие «развитой социализм», которое было популярно в недалеком прошлом. Вместе с тем закрепились в нашей науке рассмотренные понятия «идеальный тип», «менталитет», «цивилизация» и т. д. Расширено содержание таких понятий, как «полис», «диктатура», «революция (социальная)» и др.

В историческом познании получает распространение так называемые *когнитивные модели*. И это не случайно, ибо, как отмечает отечественный философ **Т. М. Алпеева**, когнитивные структуры составляют основу онтологии, входят в категорию «смысл жизни» и связаны с системой ценностей [7, с. 328–336].

Складывается понятие повседневности, смысл которой можно, на наш взгляд, свести к следующему: *повседневность* – это целостный социокультурный самоочевидный окружающий мир, который является необходимым

условием человеческой жизнедеятельности; его познание возможно на основе различных социальных практик, в т. ч. языковых; путь к его познанию связан с выработкой специального способа «считывать» этот мир [8].

При использовании категорий и понятий, заимствованных из других наук или выработанных самой исторической наукой, требуется тщательно взвешенный подход во избежание терминологической путаницы и создания искусственных проблем.

Развитие понятийно-категориального аппарата – существенный показатель состояния исторической науки. От его уровня зависит выполнение историографией своих социальных функций, ее способность модернизировать исследовательский процесс, прогнозировать его развитие.

Описание результатов исследования

Историческая наука только выиграет, если не будет отказываться от эстетики. В идеале историческая работа должна быть в виде рассказа, который обосновывается на фактах и содержит в себе научное объяснение... Поэтому вопрос о форме исторического труда приобретает определенное методологическое звучание [5, с. 138].

А. Н. Нечухрин

Исследование завершается **описанием** полученных результатов с их научным объяснением. Описанием не является второстепенный элемент структуры исследования, хотя не редко игнорируется историками. В естественных науках оно представляет собой формальный акт, однако в истории – окончательную проверку социальной значимости вскрытых «следов» прошлого.

По большому счету историческое описание связано с вопросом о соотношении истории и искусства, т. е. темой, вокруг которой не прекращаются научные споры. Ясно одно: нельзя отождествлять эти понятия, но и неправильно их противопоставлять. Близость истории к искусству объясняется ее стремлением к выразительности, что обусловлено потребностью в реализации социальных функций исторической науки.

Исторические явления по-разному анализируются и воссоздаются историком и художником. Историк отражает «дух эпохи»; исторические объекты для него являются символами, в которых другие воплотили свой дух. Он создает типический образ, просеивая через свое сознание массу фактов. Художник представляет «свой дух об эпохе»; для него те же объекты – только сырье, которое он использует для создания собственных символов. Типичное для него – в его воображении. Однако второй творец может быть более точен в изображении и оценке исторических явлений и процессов,

чем первый творец. И это несколько меняет обычное отношение к художественному произведению. У нас уже был разговор об этом.

Вместе с тем историк, выполняя социальные функции истории, заинтересован в том, чтобы и его труд имел привлекательную, т. е. *художественную (литературную), ценность*. Поэтому рассказ историка, прежде всего, должен быть **ясным**, не допускающим двусмыслия или непонятную терминологию. Рассказ могут «украсить» **переживания** автора, что оживляет само изложение материала. **Нельзя перегружать текст** фактами и пространными рассуждениями. Рядовой читатель скорее простит недостаток научной доказательности, чем отсутствие литературного обаяния. Как для произведений литературы, так и для исторических работ важны и такие «**вставки**», как нужная метафора, меткая эпиграмма, исторический анекдот и т. д.

Всего этого недостает в нашей обычной научной исторической литературе (статьях, монографиях, обобщающих трудах). Тем более это важно при создании научно-популярной литературы, потребность в которой, как мы уже отмечали, особенно велика в наши дни. При всем этом не следует забывать главное – полное и объективное освещение прошлого.

* * *

Раскрывая структуру (этапы) исторического исследования, мы сознательно опустили вопросы, каким образом «познается» исторический источник, как «вылущиваются» из него факты, какой затем обработке они подлежат и др. В силу их известной самостоятельности, обилия и особенностей применения, посвятим им специальные лекции, которые открываются практическим блоком наших курсов.

Библиографические ссылки

1. Слово о науке. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты / сост. Е. С. Лихтенштейн. М. : Знание, 1978. 272 с.
2. *Миницкий Н. И.* Методы построения научного и образовательного исторического знания: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.09. Минск, 2007. 233 л.
3. *Комарова И. И., Кондрашов А. П.* Афоризмы и мысли великих людей. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2008. 351 с.
4. *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. М. : Мысль, 1987–1989.
5. Методология истории: учеб. пособие для студентов вузов. Минск / В. Н. Сидорцов [и др.]; под ред. А. Н. Алпеева [и др.]. Минск : ТетраСистемс, 1996. 240 с.
6. *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М. : Эдиториал, 2001. 255 с.
7. *Алтеева Т. М.* Философия культуры. Минск : Веды, 2004.
8. Современная западная философия. Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТОН-Остожье, 1998.

Часть II. МЕТОДЫ

Лекция 6

ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Метод важнее открытия, ибо правильный метод исследования приведет к новым, еще более ценным открытиям [1, с. 177].

А. Д. Нандай

- ✦ Классификация методов.
- ✦ Обращение к общелогическим методам.
- ✦ Использование общенаучных методов.
- ✦ Традиционные специально-исторические методы
- ✦ Применение методов, их недостаточность.

Классификация методов

Что такое метод? Существует несколько определений. На наш взгляд, наиболее емким является следующая дефиниция: метод – совокупность приемов или операций практического (теоретического) познания действительности, что определенным образом упорядочивает деятельность исследователя по достижению поставленной цели. В философском смысле это *восприятие* в мышлении изучаемого предмета.

Методов немало, если еще учесть всевозможные сочетания методов, обозначенное определенным символом или необозначенное, то их окажется довольно много. Для удобства обращения к методам их подразделяют на группы, классификационным критерием которых может быть область применения. Тогда выделяют философские методы, общелогические, общенаучные, методы различных дисциплин и т. д. В нашем случае это специальные исторические методы, которые подразделяют: а) на традиционные методы, определившиеся в XIX в., когда история считалась частью естествознания и пользовалась его методами; б) адаптированные к нуждам исторического познания (вследствие этого генетический метод стал исто-

рико-генетическим, типологический – историко-типологическим, системный – историко-системным и т. д.); в) нетрадиционные методы или инновационные, появившиеся в середине XX в. в связи с зарождением отдельных (функционально узких) исторических дисциплин от исторической информатики до психоистории.

Происходящая интеграция наук порождает новые методы.

С философскими методами Вы знакомились в курсе философии. Не будем их касаться. С практической точки зрения нас могут интересовать общелогические методы (собственно логика – часть философии в широком смысле).

Обращение к общелогическим методам

Левое полушарие головного мозга каждого из нас контролирует логическое мышление, а правое полушарие – образное восприятие действительности, и только их совместная работа обеспечивает гармоническое развитие личности.

[Д. У. Сперри]

Историки обращаются к **общелогическим методам** в случае затруднения в использовании «своих» и общенаучных методов, в определении совокупности методов, требуемых для решения исследуемой проблемы. В целях прочного запоминания и эффективного использования общелогические методы лучше всего рассматривать попарно и в определенном динамическом ряду с возрастающим трендом.

Анализ и синтез – разделение целого на части и воссоединение целого из частей. Эта операция применяется на всех ступенях познания, его формами являются классификация изучаемых объектов и выделение этапов в их развитии. Если анализ ведет к существенному, то синтез к его многообразию.

Индукция и дедукция, представляющие собой аксиоматический и генетический приемы. Если индукция означает переход от единичных элементов к общему положению (сходству, различию, сопутствующим изменениям), то дедукция ведет в конечном итоге к построению научной теории.

Аналогия и сравнение – установление сходства и суждение о нем.

Аналогия дает возможность обнаружить близость между нетождественными объектами путем выявления их различий (объект А обладает признаками **а, б, с, д, е**; объект Б – **б, с, д, е**; следовательно, объекту Б, возможно, присущ признак **а**). Она эффективна при большом количестве наблюдений, а областью ее научного применения является теория подобия. Сравнение позволяет прийти к заключению о похожести или различии объектов. Это – концепция отбора и интерпретации существующего материала.

Сравнение выявляет количественную и качественную характеристику объектов, осуществляет их классификацию, упорядочение и оценку. Его

простейшими формами являются отношения тождества и различия. Принципы сравнения предполагают большое разнообразие рассматриваемого материала, сравнение его сравнимых (однопорядковых) частей.

Моделирование и обобщение – исследование, предполагающее создание цельного представления объекта внимания, но различным путем.

Модель (в широком смысле) – образ, аналог (мысленный/логический или условный: предметный, знаковый (графический, математический, информационный) какого-либо объекта, явления или процесса. Отсюда – *моделирование*, т. е. исследование явлений, процессов или системы объектов путем построения и изучения их моделей в целях определения или уточнения характеристик конструируемых объектов.

Моделирование предполагает определение места объектов в системе, которая указывает на их свойства. Нас в данном случае интересует *логическое моделирование*. Оно требует учитывать достаточное количество исторических источников. При использовании этого вида моделирования может применяться прием экстраполяции (распространения выводов, сделанных по одной части, на другую часть).

Обобщение означает отождествление по единой формуле множества различных компонентов (индуктивное обобщение), а также суждений и теорий (логическое обобщение), но это уже более высокий уровень абстракции.

Адаптированные к задачам науки и функционально расширенные эти методы представляются как общенаучные.

Использование общенаучных методов

Совершенная отрезанность естествоведения и философии часто заставляет целые годы трудиться для того, чтобы приблизительно открыть закон, давно известный в другой сфере, разрешить сомнение, давно разрешенное: труд и усилие тратятся для того, чтобы во второй раз открыть Америку, для того, чтобы проложить тропинку там, где есть железная дорога. Вот плод раздробления наук, этого феодализма, окутывающего каждую полосу земли валом и чеканящего свою монету за ними [1, с. 172].

А. И. Герцен

Общенаучные методы охватывают лишь определенные аспекты научно-познавательной деятельности. Среди этих методов обычно различают методы эмпирического исследования и теоретические методы. К первым методам относят наблюдение, сопоставление, измерение, эксперимент. Ко вторым – идеализацию, формализацию, мысленный эксперимент, системный подход, математические методы, моделирование, восхождение от кон-

кретного к абстрактному и восхождение от абстрактного к конкретному, логический и исторический методы и другие. Развитие науки привело к появлению и таких методов, как системно-структурный и функциональный анализы, информационно-энтропийный (операции со случайными величинами), алгоритмизация (предписание определенных операций) и т. д.

Исторический и логический методы – взаимодополняющие методы. Если первый из них рассматривает становление и развитие объекта *во всех его проявлениях*, то второй воспроизводит развитой и развивающийся объект в его *существенных* связях и отношениях. Развитие общественных процессов познается посредством применения в *единстве* как исторического, так и логического методов.

Примером использования исторического и логического методов в их сочетании может служить монография **А. Г. Митрофанова** «*Железный век средней Белоруссии*» [2]. Автор рассматривает в деталях и анализирует по-существу процессы становления, развития и гибели археологических памятников (городищ) материальной и духовной жизни человеческого общества (от большой патриархальной семьи раннего железного века до появления классовой дифференциации в раннем средневековье). Осмысливая их в общеполорусском и общеевропейском контексте, исследователь выделяет стадии и периоды, смену которых усматривает в так называемых «точках изменения», появившихся под влиянием тех или иных факторов. При этом отмечает, какому периоду в «жизни» памятника соответствовала та или иная форма общественного устройства.

Восхождению от конкретного (объективной реальности во всем ее многообразии) к **абстрактному** (неполному знанию, знанию существенных свойств) и **восхождению от абстрактного к конкретному** (конкретному теоретическому знанию, выступающему в форме научных понятий, законов и теорий). Конкретное во втором случае характеризует сущность исследуемой реальности в единстве с выражающими ее явлениями.

Первое восхождение абстрагирование достигается посредством таких процедур, как *отвлечение, отождествление нетождественного, классификация, типологизация, идеализация*. Классификация – это установление связей между понятиями, группами объектов, явлений на основе учета общих признаков, что позволяет ориентироваться в их системе; типологизация – расчленение совокупностей объектов и их группировка посредством идеализированной модели, или типа в целях установления существенных признаков, связей, функций, отношений или проведения идентификации объектов. Идеализация представляется как мысленное формирование объектов с идеальными свойствами в соответствии с концепцией идеальных типов немецкого историка и философа **М. Вебера**.

Два примера по использованию первого восхождения:

В работе **Т. Л. Моисенко** [3] затрагивается вопрос о представлении в современной историографии уровней маркетизации крестьянского хозяйства России в конце

XIX – начале XX в. Пользуясь методом восхождения от конкретного к абстрактному, в частности приемом отождествления нетождественного, автор классифицирует три основные историографические традиции: либеральную, популистскую и марксистскую. Проанализировав представления всех трех направлений, Т. Л. Моисеенко делает вполне справедливый вывод о том, что из-за несходства методологических установок и ограниченности источниковой базы исследователям не удастся прийти к единым показателям степени маркетизации крестьянского хозяйства. «В этих условиях, – считает автор, – необходимо обратиться к моделированию производственной структуры крестьянского хозяйства».

В случае идеализации надделение исторических объектов признаками доводится до предела и становится абсолютным или идеальным. Эта абсолютность свойств идеального объекта переносится на действительность. Таким приемом удастся раскрыть сущность изучаемой реальности в ее абстрактном, очищенном от конкретики виде.

Так, К. Ясперс использовал его в своей работе «Смысл и назначение истории» [4]. Вводя понятие осевого времени (между 800 и 200 гг. до н. э.), он раскрыл сущность такого объемного понятия, как история и исторический процесс, в их абстрактном, очищенном от конкретики виде.

Второе восхождение – наиболее высокий уровень теоретического познания. Примером этого уровня служит разработка французской школой «Анналов» концепции длительной временной протяженности (ДВП).

Концепция ДВП выводилась из осмысления исторического времени (наполненного событиями) в противоположность обычному (абстрактному) времени. Это было связано с уточнением объекта исторического познания в целом (напомним, такая потребность была вызвана разразившимся в конце XIX – начале XX в. кризисом мировой исторической науки), отказом от традиционного (естественнонаучного) понимания истории как науки о прошлом. В рамках ДВП были выработаны и такие понятия, как глубоко эшелонированное время, тотальная история (в противовес понятию «всемирно-исторический»), структура, повседневность и др. Заметно повысился статус истории как науки.

В этом же классе методов следует иметь в виду и рассмотренный выше метод *моделирования*. Только подчеркнем, что моделирование – это создание не только логических моделей, но и моделей предметных, знаковых (графических, математических), информационных, а также когнитивных.

Системный подход. Следует заметить, что системный подход, в отличие от комплексного, концентрирует внимание на раскрытии наиболее существенных связей, внутренних и внешних, идущих изнутри. При этом используются приемы структурного и функционального анализов. Все это позволяет раскрыть в изучаемых объектах их природу и принципы, функционирование и развитие.

Методы синергетики. В дополнение к ранее представленной специальной лекции подчеркнем роль хаоса, который в образе двуликого Януса может выступать и разрушающим, и созидательным началом. Разрушая, хаос строит, а строя, приводит к разрушению.

Общенаучные методы, а также их сочетания, адаптированные к особенностям исторических источников и к исследовательским задачам, дают нам **специальные исторические методы.** Для их эффективного использования вырабатывается исследовательская методика (правила и процедуры) и определяются инструментальные средства (техника).

Традиционные специально-исторические методы

Представим эти методы в виде динамического ряда с повышающим трендом. Однако начнем с **классового подхода**, который доминировал в советской исторической науке. Он обязывал исследователя всегда исходить из марксистско-ленинского определения классов. Соответственно они рассматривались как большие группы людей, различающиеся *по их месту* в исторически определенной системе общественного производства, *по их отношению* к средствам производства, закрепленному юридически, *по их роли* в общественной организации труда и, следовательно, *по способам получения и размерам той доли общественного богатства*, которой они располагают [5; 15].

Отношения между классами фиксировались как антагонистические, а вся история общества представлялась историей борьбы классов, которая и объявлялась движущей силой его развития. Такой подход предполагал трактовку исторического процесса как последовательную смену общественно-экономических формаций со «своими» способами производства, обмена и распределения (первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический). В 90-х гг. прошлого века обнаружилось, что многообразие человеческой истории не вписывается в жесткие рамки этой схемы.

Существуют и иные определения классов: по аналогии с органических миров (автор **Г. Спенсер**, английский социолог), по величине дохода и источникам распределения (**К. Каутский**, немецкий марксист), в духе расовой теории или семантики.

Допускаемый классовый подход, однако, не применим к более мелким социальным структурам (семья, род, внутриклассовые группы и т. д.). К тому же отношения между классами не всегда носят антагонистический характер.

В ряду *специальных исторических методов*, приобретенных в естествознании и приспособленных к истории, значатся следующие:

1. Задачей научного исследования в будущем должно стать исследование, не для чего быку рога, а как они у него появились [1, с. 173].

Гёте

Историко-генетический метод – изучение исторических явлений в процессе их развития, от зарождения до гибели или современного состояния. Учитывает только изменения в объектах и не улавливает уровня их независимости.

При использовании историко-генетического метода большое внимание уделяется описанию конкретных исторических фактов и событий. Особенно этим увлекались историки-романтики Ф. Карлейль, И. Левель, Т. Нарбут. Страницы их произведений иногда напоминают исторические романы. То же самое можно сказать об ученых-неокантианцах. Так, Г. Риккерт, В. Виндельбанд, А. С. Лаппо-Данилевский придавали особое значение раскрытию единичных и неповторимых явлений в истории.

2. Есть женщины, в которых никто не влюбляется, но которых все любят. Есть женщины, в которых все влюбляется, но которых никто не любит. Счастлива только та женщина, которую все любят, но в которую влюблен лишь один [6, с. 531].

В. О. Ключевский

Историко-сравнительный (компаративный) метод – сопоставление исторических объектов в пространстве и во времени, выявление их сходства и различия. Предполагает использование различных приемов. Относительно широко применяется *сравнительное сопоставление*, т. е. сходства и различия в происхождении объектов (*ср.*: отработочная система и барщинное хозяйство). Другим видом является *историко-типологическое сравнение*, т. е. установление сходства или различия объектов с одинаковыми условиями генезиса и развития. Примером историко-типологического сравнения может быть следующий факт:

Лорд Болингброк вынужден был эмигрировать из Англии и жить при дворе французского короля. Однажды, когда Людовик XIV опасно захворал, лорд явился к нему и выказал искреннее сочувствие больному. Удивленный монарх произнес:

Я весьма тронут Вашим вниманием, тем более что Вы, англичане, не особенно жалуете королей.

Ваше Величество, вежливо пояснил Болингброк, в этом отношении я исполняю роль того мужа, который не любит собственной жены, и поэтому старается понаравиться супруге соседа [1].

При применении метода основное внимание концентрируется на статическом положении объекта как в пространстве, так и во времени, что затрудняет изучение динамики процессов. Отсюда вытекает необходимость сочетать историко-сравнительный и историко-генетический методы.

Предоставив достаточную информацию об этом методе, просим Вас сравнить изречения, взятые в качестве эпиграфа к данному подразделу, и ответить на вопрос, которое из них можно отнести к сравнительному сопоставлению, а которое к историко-типологическому сравнению?

3. Мужчина любит женщину, сколько может любить, женщина любит мужчину, сколько желает любить. Потому мужчина обыкновенно любит одну женщину больше, чем она того стоит, а женщина хочет любить больше мужчин, чем сколько в состоянии любить [6, с. 531].

В. О. Ключевский

Историко-типологический метод – выявление общих черт в пространственных группах исторических событий и явлений, выделение однородных стадий в их непрерывно временном развитии. Направленность на выявление сущностно-однородных в пространственном или временном аспектах совокупностей объектов и явлений отличает типологизацию от классификации, при которой может и не ставиться задача выявления принадлежности объекта как целостности к той или иной качественной определенности [7, с. 176–177].

Различие между классификацией и типологизацией можно видеть на примере развития крестьянских хозяйств Беларуси в эпоху капитализма.

Исследователя может интересовать вопрос о соотношении крестьянских дворов, занимающихся земледелием и не занимающихся им. Тогда мы будем иметь две группы дворов, которые, однако, могут существенно различаться по другим признакам. Так, в беспосевной группе возможно окажутся и беднейшие крестьяне, занятые работой по найму, и богатые, например, крестьяне-фабриканты. Это простая классификация.

Если же будет стоять задача выявления в среде крестьянства сущностно различных социально-экономических слоев, то при отнесении крестьянских хозяйств к тому или иному из этих слоев (например, беднейшие крестьяне, мелкая буржуазия, средние крестьяне) должна быть установлена целостная качественная определенность каждого двора. Соответствующая группировка крестьянских хозяйств будет типичной, а процедура ее проведения типологизацией.

Типологизация представляет собой сложный познавательный процесс, требующий соблюдения ряда методологических правил. Во-первых, опре-

деление основ, исходя из которых выделяются типы, качество определенных объектов или явлений. Во-вторых, выделение типов, исходя из учета существенных свойств изучаемой реальности.

Вместе с тем эффективность историко-типологического метода проявляется с помощью привлечения таких приемов, как индуктивный, дедуктивный и дедуктивно-индуктивный. Использование индуктивного метода эффективно, когда выделение типов и их характерных признаков происходит путем анализа эмпирических данных. Дедуктивный метод создает возможность отнесения каждого отдельного объекта к тому или иному типу. Сущностью дедуктивно-индуктивного приема является то, что определенные типы выделяются на основе сущностно-содержательного анализа рассматриваемого явления, а существенные признаки определяются, исходя из анализа эмпирических данных об этих явлениях [7, с. 179–182].

Использование в науке метода типологизации имеет свою историю. Классические позитивисты **О. Конт**, **Д. С. Милль**, **Г. Спенсер** и их последователи считали, что типы общественных явлений – это обособленные совокупности объектов, сходные по определенным признакам. Поскольку позитивистами отрицалась возможность познания сущности явлений, типологизация ими сводилась по существу к формальной процедуре классификации объектов. Это вызвало критику позитивизма со стороны неокантианцев. Объективному, хотя и достаточно формализованному, выделению типов последователи **И. Канта** противопоставляли конструирование исторических типов в мышлении исследователя-историка (концепция «идеальных типов» **М. Вебера** [8, с. 10–11]).

Примером использования метода может служить приведенная **В. И. Лениным** схема развития капитализма в России в конце XIX в. Изучение различных стадий капитализма, определение для каждой из них типических свойств дало ему возможность заключить, что генезис капитализма проходил через следующие типические стадии: простая капиталистическая кооперация, мануфактура, фабрика [9, с. 354, 384–386, 455–457].

Из современных исследователей, успешно соединивших историко-типологический метод с количественными методами, следует выделить **И. Д. Ковальченко** и **Л. И. Бородкина** [10].

4. Мужчина любит обыкновенно женщин, которых уважает; женщина обыкновенно уважает только мужчин, которых любит. Потому мужчина часто любит женщин, которых не стоит любить, а женщина часто уважает мужчин, которых не стоит уважать [2, с. 531].

В. О. Ключевский

Историко-системный метод – синтез системных элементов, которые содержатся в индивидуальных и неповторимых исторических событиях, ситуациях и процессах. Его этапами являются: 1) декомпозиция вычленение интересующей нас системы из иерархии исторической реальности; 2) осуществление структурного анализа, дающего знание о самой исторической системе; 3) функциональный анализ, раскрывающий место системы в иерархии реальностей.

Одним из первых создателей системно-структурного подхода в исследованиях социальных явлений был **К. Маркс**, определивший, что структура есть реализация определенных устойчивых отношений [11, с. 73–742].

Историко-системный метод в исторической науке был применен **Л. Н. Гумилёвым**, который для обоснования своей концепции этноса использовал теорию популяционных систем австрийского биолога **Л. Бергаланфи**, рассматривавшего биологические объекты как организованные динамические системы [12].

Пожалуй, классическим примером системного подхода в наше время можно назвать анализ, осуществленный в статье **А. Грицкевича** «*Белорусская шляхта*» [13, с. 11–17].

При осуществлении декомпозиции этой шляхты как системы выявляются такие ее структурно-образующие признаки, тесно связанные между собой, как: правовой статус шляхты; пути получения шляхетского звания; этнический состав; язык общения.

Эти признаки являются ключом к определению элементов системы и ее структурно-функциональному анализу. Этими элементами, имеющими статический характер, являются:

- 1) участие в вольных соймах и поветовых соймках, занятие должностей в органах местного и государственного управления, участие в посполитом крушении и др.;
- 2) передача шляхетства по наследству, получение звания от короля, путем усыновления;
- 3) белорусы, литовцы и др. (1 %);
- 4) белорусский и польский языки.

При этом вся шляхта была равной в правах, несмотря на этнический состав, который так или иначе влиял на вхождение в шляхетское сословие и язык общения (19% шляхты литовского происхождения пользовалось белорусским языком, остальная часть польским). Сословный характер шляхты и относительно более высокая однородность в этническом отношении позволяли ей постоянно «воссоздавать себя».

Шляхта была одним из четырех сословий, на которые делилось в XIV–XVI вв. белорусское общество (духовенство, горожане, крестьяне). Она была наиболее привилегированным сословием, т. е. имела больше прав, чем другие сословия, и держала себя на определенной дистанции.

5. Если и может современный историк разобраться в сложных социальных явлениях, то только на основе *диахронического метода*.

Диакронический метод – выявление особенностей построения во времени разнообразных по природе явлений и процессов. Его специфика выявляется через сопоставление с синхронистическим подходом – состоянием исторических явлений в определенный момент времени. Различают: 1) *элементарный* структурно-диакронический анализ (изучение продолжительности процессов, частоты разных явлений, длительности пауз между ними); 2) *углубленный* структурно-диакронический анализ (раскрытие внутреннего временного строения процесса, выделение его стадий, фаз и событий); 3) *расширенный*, сочетающий первый и второй.

Применение методов, их недостаточность

Применение элементарного структурно-диакронического анализа можно рассмотреть на примере диссертации **Я. Б. Мухиной** [14], структура которой построена по хронологическому принципу, что позволило автору осуществить комплексный анализ германского направления внешней политики СССР и проследить логику и динамику развития составлявших ее идей.

В первой главе диссертации исследуется означенная политика в первые годы после окончания Второй мировой войны, до 1949 г., когда были созданы ГДР и ФРГ, и действия советской дипломатии до середины 1950-х гг. Анализ европейской ситуации того времени показывает, что у советской дипломатии существовала возможность построения единой Германии, но стратегическая линия сталинского руководства не позволила обеспечить экономически-политическую целостность Германии. До середины 1950-х гг. в германском вопросе придерживались мысли о том, что воссоединить Германию нельзя, пока не распущены НАТО и Западноевропейский союз. И СССР удерживал ГДР в сфере своего влияния, добываясь ее международного признания. Сохранение статус-кво с середины 1950-х гг. стало доминирующей линией развития событий в германском регионе.

Во второй главе рассматривается внешняя политика СССР на германском направлении накануне и в ходе Берлинского кризиса 1961 г., а также «эпохи застоя» (вторая половина 1950-х – 1985 г.). Возведение Берлинской стены положило начало процессу окончательной «консервации» германской политики СССР. Пассивность советской дипломатии создала предпосылки для объединения немцев под эгидой ФРГ.

В третьей главе «Германский вопрос во внешней политике Советского Союза в период 1985–1990 гг.: упущенные возможности или закономерный итог?» исследуется германское урегулирование по сценарию Коля Геншера. Внешнеполитическая доктрина СССР изменилась: ориентир на победу мировой социалистической революции уступил место приоритету «гуманных, общечеловеческих ценностей». Сведены на «нет» все действия советского руководства по удержанию контроля над Восточной Германией.

Такой анализ позволил Я. Б. Мухиной разделить сложную и многоаспектную проблему на отдельные части, в доступной и ясной форме представить каждую из них и сделать глубокие выводы и обобщения. Критерий периодизации отразил главное содержание процесса, проанализированного в его конкретно-исторической форме.

Элементы элементарного структурно-диахронического анализа фактически использовала, хотя и безотчетно, но примечательно, соискатель степени кандидата наук **Н. В. Кошелева** в своем исследовании «*Мусульманская община и исламские организации США в XX веке*» [15]. Она проследила длительную временную продолжительность процессов формирования и дальнейшего развития мусульманской общины, включая ее перспективы, с одной стороны, и специфику организации и деятельность различных афроамериканских исламских групп, с другой. Такой экскурс подтверждает жизненность диахронического этого метода, во-первых, и возможность его широкого применения, во-вторых.

Углубленный структурно-диахронический анализ используется в истории при реконструкции наиболее значительных процессов или явлений. Так, В. И. Ленин применял его при изучении генезиса капитализма в России.

Образцом расширенного структурно-диахронического анализа в области познания социальных явлений является труд К. Маркса «Капитал», в котором на основе исследования капиталистического способа производства определяются экономические законы развития общества. Другими примерами построения картины глобальных исторических процессов на основе такого анализа могут быть работы Дж. Вико, О. Конта, О. Шпенглера, А. Тойнби, однако их основной недостаток состоит в умозрительности построения систем. Наибольшее обоснование с фактологической точки зрения получили исследования в социологическом структурализме (К. Леви-Стросс, Л. Н. Гумилёв и др.).

6. Retro (лат. назад) – к тому, что непосредственно, прямо (из рук в руки) объясняет настоящее.

Ретроспекция – последовательное проникновение в прошлое в целях выявления причины данного события. Подчеркнем, что речь в нашем случае может идти только о непосредственной причине. Так, корни современного бюрократизма следует искать в советском прошлом, а не во времени Ивана Грозного. В этой же связи **Т. В. Самосюк**, автор кандидатской диссертации «*Развитие исторического образования в системе высшей школы Франции во второй половине XX – начале XXI в.*» [17], неправомерно расширительно отнеслась к историко-генетическому методу, или ошибочно – к методу исторической ретроспекции. Она включила в свою работу исторический экскурс об образовании во Франции, начиная с XII в. (?!).

К середине XX в. сказалась недостаточность известных специально-исторических методов. Появились новые (инновационные) методы, о которых повествуем в следующих лекциях.

Библиографические ссылки

1. Слово о науке. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты / сост. Е. С. Лихтенштейн. М. : Знание, 1978. 272 с.
2. *Митрофанов А. Г.* Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. VIII в. н. э). Минск : Наука и техника, 1978.
3. *Моисенко Т. Л.* Методы анализа маркетинга крестьянского хозяйства России // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. М. : РАН, 1985.
4. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории: пер. с нем. М. : Политиздат, 1991. 527 с.
5. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39.
6. *Комарова И. И., Кондрашов А. П.* Афоризмы и мысли великих людей. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2008. 351 с.
7. *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М. : Наука, 1987. 438 с.
8. *Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем. М., 1990.
9. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3.
10. *Бородкин Л. И.* Современные методы изучения исторических источников с помощью ЭВМ. М. : 1987; *Его же.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях / М. : МГУ, 1986.
11. *Ракитов А. И.* Историческое познание: системно-гносеологический подход / А. И. Ракитов. М. : Политиздат, 1982. 303 с.
12. *Гумилёв Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Вып. 1–3. Ленинград: ЛГУ, 1989. 496 с.
13. *Грыцкевіч А.* Беларуская шляхта / А. Грыцкевіч // Спадчына. 1993. № 1.
14. *Мухина Я. Б.* Германский вопрос во внешней политике Советского Союза в период с 1945 по 1990 годы: исторический анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Моск. пед. гос. ун-т. М., 1998.
15. *Кошелева Н. В.* Мусульманская община и исламские организации США в XX веке: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03: 06.11.2003. Белорус. гос. ун-т. Минск, 2003. 20 с.
16. *Самосюк Т. В.* Развитие исторического образования в системе высшей школы Франции во второй половине XX – начале XXI в. : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Белорус. гос. ун-т. Минск, 2009. 24 с.

Лекция 7

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

*Никакой достоверности нет в науках там, где нельзя при-
ложить ни одной из математических наук, и в том, что не
имеет связи с математикой [1, с. 178].*

Леонардо да Винчи

- ✦ Общая характеристика. Место и роль количественных методов в историческом познании.
- ✦ Измерение количественных и качественных признаков исторических объектов.
- ✦ Моделирование исторических событий и явлений.
- ✦ Многомерный статистический анализ.
- ✦ Использование информационных технологий.

Общая характеристика. Место и роль количественных методов в историческом познании

Нетрадиционные (инновационные) методы исторического познания вошли в историческую науку в середине XX в. Они стали доминантой новых исторических дисциплин и обусловили появление такой из них, как историческая информатика. Рассмотрим количественные методы, используемые в исследовании истории и их применение в преподавании истории. Вспомните собственные успехи в освоении курса информатики и информационных технологий в предыдущие годы обучения.

Внедрение количественных (математико-статистических) методов было обусловлено: 1) достижениями в области математики (открывшейся возможностью численного выражения измерения качественной характеристики) и квалиметрии; 2) развитием электронно-вычислительной техники (появлением персональных компьютеров); 3) введением в научный оборот массовых исторических источников. **Применение** этих методов **позволяет:** 1) в количественной форме выявить степень взаимодействия элементов исторических объектов; 2) определить силу и характер влияния различных

факторов на исторический процесс; 3) осуществить синтез исторических источников и построить модели исследуемых объектов; 4) произвести анализ существующих и создать новые научные теории. В итоге мы получаем более точную характеристику исторической действительности.

В историческом исследовании обозначился *круг* явлений и процессов, изучение которых эффективно лишь при использовании количественных методов: 1) выявление закономерностей исторического развития; 2) исследование итогов разнонаправленной деятельности людей; 3) определение сравнительной роли и степени воздействия различных факторов на тот или иной исторический процесс; 4) выяснение внутрисистемных и межсистемных взаимосвязей явлений (сюда относится и типологическая многомерная классификация событий и процессов).

Сфера использования этих методов с применением вычислительной техники может расширяться и включать: 1) организацию информационно-поисковых систем (электронных каталогов) в книгохранилищах, архивах и музеях; 2) создание архивов машиночитаемых данных (электронной документации); 3) обработку комплексов формализованных данных об историческом явлении, процессе для решения той или иной исследовательской задачи.

Вместе с тем не следует абсолютизировать роль количественных методов в изучении истории. Существуют *пределы* их использования, которые определяются: 1) состоянием информации, заключенной в источниковой базе исторической науки, когда все еще не все исторические явления могут быть измерены; 2) спецификой математического знания, в основе которого лежит система аксиом; 3) особенностью исторической науки, не сводимой к системе аксиом, хотя в этом отношении со временем возможны существенные поправки.

Количественные методы подразделяются на два вида:

- *количественный анализ* – сущностно-содержательный анализ исторических явлений на основе полученной системы их численной характеристики (анализ показывает меру количественных и качественных признаков, интенсивность их проявления; при этом качественные, или атрибутивные признаки, простые и тем более сложные, должны быть формализованы и к ним применены «свои» приемы исчисления);

- *математическое моделирование* – анализ структур и функций исследуемых объектов, представленных как системы, подсистемы и их совокупности в процессе исторического развития [2].

Измерение количественных и качественных признаков исторических объектов

Измеряй все доступное измерению и делай недоступное доступным измерению [1, с. 171].

Талмлей

Измерение исторических явлений – способ установления отношений между качественно однотипными и сопоставимыми объектами (свойствами, связями, тенденциями), причем информация об этих отношениях выражена в численных показателях. Выбор характера измерения зависит от сопоставимости объектов и определяется исследовательской задачей, а методы (шкалы) выбираются в целях измерения. В зависимости от уровня информативности итоговых показателей различаются следующие шкалы:

1. **Наименований (номинальная)**, посредством которой осуществляется классификация объектов по определенным признакам тождественного характера (они обозначаются условным числовым символом) и указывается на различие свойств объектов; итоговые показатели не подлежат арифметической обработке; показатели измерения могут стать объектом измерения по шкале отношений.

2. **Шкала порядка**, измерение по которой заключается в ранжировании объектов по интенсивности проявления определенного свойства на основе принципа «больше меньше», но без указания количества; показатели не подлежат арифметической обработке.

3. **Интервалов**, измерение по которой означает численное ранжирование объектов по интенсивности проявления того или иного признака, причем единица измерения и условная точка отсчета выбирается с учетом системы измерения и правил статистики; показатели допускают арифметическую обработку.

4. **Отношений (пропорциональная)**, посредством которой производится счет количественных признаков объекта в определенных единицах измерения и при нулевой начальной точке отсчета; численные показатели допускают арифметическую обработку [2, с. 48–49].

Рассмотрим, как осуществляется количественный анализ, или иными словами, **измерение признаков** (вначале количественных и затем качественных) изучаемого объекта. Измерению предшествует, во-первых, критика источника (выявление возможности и смысла измерения) и, во-вторых, группировка признаков (показателей). Группы могут быть представлены в виде: 1) линейного ряда (динамического, или вариационного, дискретного –

с одной вариантой, интервального – с двумя вариантами и асимметричного, когда наибольшее значение имеют крайние выражения варианты); 2) таблицы (без дробей, с графами «всего» и «в ??», малая величина обозначается 0, приближительная (...), сомнительная ?); 3) графика.

Группы характеризуются *мерами среднего уровня и мерами рассеяния*. Меры уровня состоят из средней арифметической (простой и взвешенной), медианы (срединное значение), моды (типичное значение), а меры рассеяния размаха вариации (разность значений), дисперсии (среднее квадратическое), коэффициента вариации и др.

Выборочный метод. При обсуждении проблем методики обработки массовых источников все большее внимание привлекают вопросы, связанные с исследованием выборочных совокупностей, их соотношением с генеральной совокупностью. Действительно, при изучении первичных материалов переписей населения, бюджетных обследований, различных форм учета и отчетности, социологических обследований особый интерес представляет возможность анализа частичного, сокращенного объема данных с получением результата, который был бы репрезентативным для всей исходной генеральной совокупности.

Под *выборочным методом* как раз и подразумевается такая система отбора единиц для наблюдения, при которой полученные результаты были бы присущи явлению в целом. Эти системы могут быть различны и зависят от поставленной исследовательской задачи. Однако они должны опять-таки подчиняться требованиям статистики.

Основные *этапы выборочного изучения* заключаются, во-первых, в определении объема выборочной совокупности массового источника, во-вторых, в нахождении способа отбора единиц для наблюдения, в-третьих, в определении величины выборочной ошибки. А начинать следует с задания определенной точности или допустимой ошибки.

Один из приближенных методов определения выборочного объема основан на использовании таблиц достаточно больших чисел. По табл. 5 объем выборки находится на основе предварительно заданной вероятности P и допустимой средней ошибки $m_{\text{доп}}$.

Пусть необходимо определить объем выборки при $P = 0,99$ и $m_{\text{доп}} = 0,05$, что обеспечивает достаточно высокую степень надежности. Для этого на пересечении соответствующей строки и столбца находим значение, равное 663. Оно означает, что результаты, полученные при изучении выборки в 663 единицы, в 99 случаях из 100 будут иметь ошибку, меньшую 0,05, или 5 %, и только в одном случае больше 0,05.

В математической статистике предполагается, что выборочная совокупность может быть *репрезентативной при выполнении следующих условий*:

- каждый элемент генеральной совокупности должен иметь равную возможность попасть в выборку;
- отбор единиц должен производиться случайным образом;
- проводить его следует, по возможности, из однородных групп;
- выборочная совокупность должна иметь достаточно большой объем.

Таблица 5 (образец)

Определение числа наблюдений по данной величине вероятности P и данной допустимой ошибке $m_{\text{доп}}$.

	0,10	0,09	0,08	0,07	0,06	0,05	0,04	0,03	0,02	0,01
0,75	33	40	51	67	91	132	206	367	827	3308
...
...
0,999	270	334	422	552	963	1082	1691	3007	6767	27069

На практике принято различать следующие виды выборки: собственно случайная, механическая, типическая (районированная) и серийная (гнездовая).

Выборка является **собственно случайной**, если из однородной совокупности отбор единиц происходит случайным образом. При этом под случайностью подразумевается не беспорядочный отбор, а обеспечение равного шанса для каждой единицы наблюдения попасть в выборку.

Пронумеруем документы, тщательно перемешаем их, а затем выберем подряд необходимое их количество, соответствующее заранее найденному объему выборки. (*То же самое можно сделать на основе подбрасывания монеты*).

Механическая выборка заключается в том, что совокупность делится на равные части, затем из каждой берется одна единица для наблюдения.

Каждый пятый или каждый десятый формуляр массового источника.

При **типическом отборе** качественно разнородная совокупность сначала разбивается на однородные группы (типы), а затем внутри каждой из них производится независимый и случайный отбор. Выборка основывается на признаке, от которого зависят все остальные показатели.

При **серийной, или гнездовой, выборке** в случайном порядке отбираются определенные объекты (гнезда), внутри которых производится сплошное наблюдение.

Такая выборка широко использовалась при изучении крестьянских хозяйств 20–30-х гг. XX в., когда случайным образом отбирались отдельные волости, в которых переписью охватывались все хозяйства, в том же случае, когда массовые

источники представлены в однотипном формализованном виде, например, в форме анкет, вопрос должен вестись не в плане сокращения единиц хранения, а в рассмотрении возможностей представления их в более компактном виде в архивной базе данных.

Одним из наиболее распространенных методов анализа формализованных *качественных признаков* в историческом исследовании является **контент-анализ**. Если поставлена цель определить используемую автором систему понятий, она состоит в выявлении смысловых единиц (категорий) в тексте документа, подсчете частоты их встречаемости и определении их взаимосвязей.

Контент-анализ стал использоваться в социологии более 40 лет тому назад и получил широкое распространение в различных отраслях гуманитарного знания. Однако, как и другие методы формализованного исследования нарративных источников, он *имеет свои границы использования, свои преимущества и недостатки*. Его использование ограничивается, с одной стороны, систематизацией информации большого количества источников массового происхождения (анкеты, обследования, пакеты петиций, прошений, приговоров, пресса и т. п.), а с другой – изучением текстов сложных единичных источников или коллекций текстов (трактатов, дневников, мемуаров) для выявления системы воззрений автора или для установления авторства (атрибуции текстов). Преимущества заключаются в том, что контент-анализ дает возможность воспроизвести результат, что он охватывает содержание текста в целом. Вместе с тем им невозможно охватить все богатство нарративного источника, и поэтому он может лишь дополнять и уточнять, а не заменять традиционное историческое исследование.

Контент-анализ *реализуется поэтапно и при помощи ПК*. На первых двух этапах – источниковедческий анализ текста (выявление времени и условий его происхождения, учет наличия цензуры, канонизации и субъективизма автора и т. д.) и определение смысловых единиц текста (категорий) основную работу выполняет сам историк-исследователь. На последующих трех этапах, когда осуществляется фиксация смысловых единиц (категорий) – подсчет частот их встречаемости (чаще встречаются те понятия, которые наиболее значимы для автора текста), а также анализ взаимосвязи категорий (по частотам совместного использования в тексте), работа осуществляется на ПК. На завершающем этапе в работу вновь включается историк: он производит интерпретацию итогов, полученных в результате анализа качественных признаков исторических явлений.

Радикально выраженным логическим развитием всего процесса является распространение в западной историографии автоматического контент-анализа.

Моделирование исторических событий и явлений

Обращаясь к *методу математического моделирования* необходимо придерживаться следующего порядка действия:

- оценить объект на предмет его математического моделирования и поставить задачи;
- построить сущностно-содержательную модель;
- на основе этой логической модели построить математическую модель и обработать ее;
- интерпретировать полученный результат.

Выделяют два вида математического моделирования:

- 1) *корреляционный анализ*, представленный коэффициентом R_{xy} (выведен генетиком **Гальтоном** в XIX в. на основе зависимости между ростом и весом);
- 2) *регрессионный анализ*, представленный уравнением $y = a + bx$ (выведено тем же **Гальтоном** на основе соотношения ростом детей и их родителей, применительно к XIX в.).

Привлекательным видом моделирования в историческом исследовании является **имитационно-альтернативное (контрфактическое) моделирование**. Оно обычно применяется в экономике, политологии и социологии для решения прогностических задач.

В 70 – начале 80-х гг. XX в. американская клиометрия пережила настоящий бум в связи с появлением контрфактического моделирования. За разработку контрфактических экономических моделей в истории американский ученый **Роберт Фогель** был удостоен Нобелевской премии.

Многомерный статистический анализ

В отечественной историографии накоплен положительный опыт изучения явлений социально-экономического развития с помощью методов **многомерного статистического анализа (МСА)**. Их применение обусловлено многочисленностью и многообразием признаков, характеризующих исторические явления. Это логично порождает потребность в методах обработки, позволяющих проводить интегральный анализ на основе «сжатия» исходной информации. Однако сфера распространения таких приемов не широка, так как они требуют сложного математического и программного обеспечения.

Многомерный статистический анализ представлен в отечественной историографии двумя группами методов: факторным анализом и многомерной классификацией объектов.

Факторный анализ направлен на выявление факторов развития исторических явлений (процессов). На его основе делаются выводы как о значимости каждого из факторов для функционирования того или иного объекта, так и об уровне развития объекта (по тому или иному обобщенному признаку). Итоговые результаты анализа могут стать основой для многомерной классификации объектов.

Известны такие виды многомерной классификации, как географическое районирование и социальная типизация. С помощью *географического районирования* осуществляется определение территориальных комплексов, единых в природном, экономическом, этническом отношениях, а также раскрытие ряда важных особенностей исторического развития. *Социальная типизация* позволяет осуществлять группировку исторических явлений на основе определения их внутренней однородности, а также выявлять степень сходства и различия объектов изучаемой исторической реальности. Историко-типологические исследования связаны с постановкой задач типизации.

Решение задач типизации не всегда возможно традиционными методами. Поэтому используются специальные методы многомерной типологии, в частности два из них: автоматическая классификация на основе кластерного анализа и распознавание образов на основе теории нечетких множеств. Если первый метод позволяет выявлять группы объектов со сходными свойствами как скопления точек в многомерном (по числу признаков) пространстве, однако без выделения типов как таковых и измерения меры сходства и различия между ними, то второй позволяет устанавливать принадлежность объектов к тому или иному типу с определением их веса в нем и определять степень сходства и различия между типами изучаемых явлений.

Сам по себе **кластерный анализ** (cluster (англ.) скопление, гроздь) используется для выделения групп объектов со сходными признаками. При этом каждый объект рассматривается как точка в многомерном пространстве. Близость точек отражает степень сходства объектов, а их скопление, близкое расположение одна к другой, служит основой для группировки.

В исторической науке Беларуси использование МСА было характерно для кандидатской диссертации **А. Г. Кохановского**, посвященной исследованию социально-классовой структуры народонаселения Беларуси во второй половине XIX в. [3, с. 17–19]. Обращение к факторному анализу позволило автору произвести сравнительное изучение белорусских уездов по таким признакам, как:

- глубина процессов урбанизации и связанных с ними изменений в социальной структуре населения;
- степень распределения несельскохозяйственных промыслов среди сельского населения;
- уровень пролетаризации крестьянства.

В результате факторного анализа в сочетании с другими методами, построения и сопоставления соответствующих математических моделей, были получены количественные показатели по всем 35 уездам Беларуси, ставшие основой для их ранжирования по уровню социального развития.

Метод кластерного анализа, реализованный с помощью компьютера, дал возможность А. Г. Кохановскому произвести социальную типологию уездов Беларуси по всему многообразию количественных признаков. В итоге им были выделены четыре группы (типа) уездов, социально-классовая структура которых имела свои характерные особенности. Это уезды:

- с крупными административными центрами (Минск, Витебск, Гродно, Могилев, Брест);
- с промышленными центрами (Бобруйск, Гомель, Пинск, Мозырь);
- восточные и центральные;
- Западной Беларуси.

Теория нечетких множеств была сформулирована в 1965 г. американским математиком **А. А. Заде**. Нечеткие множества – это классы объектов, которые не имеют четко выраженной границы. В каждом нечетком множестве существует ядро, или группа объектов с концентрированным выражением характерных признаков данного типа. При математической обработке принадлежность к ядру обозначается числом α , значение которого близко к 1. Принадлежность остальных объектов к данному типу определяется величиной m_i в интервале $[0; \alpha]$.

Одним из способов многомерной классификации на основе математической теории нечетких множеств является **распознавание образов***. Его использование для вероятностной классификации объектов обусловлено тем, что в исторической реальности существуют многообразные экономические, социальные, культурные и прочие явления переходного типа. При этом границы между определенными группами явлений, как правило, размыты, что затрудняет отнесение конкретного объекта к тому или иному типу.

Задачи распознавания свойств, событий, явлений, процессов постоянно встают перед людьми. В повседневной жизни человек довольно легко справляется с ними.

Так, например, у каждого есть своя система классификации всего множества людей на два подмножества. Одно из них характеризуется свойством «быть знакомым», а другое, отрицанием этого свойства. Встречаясь с конкретным человеком, мы чаще всего, не затрудняясь, приписываем ему одно из указанных свойств, т. е. распознаем его. Конечно, без подобного распознавания нормальная жизнь была бы немислима.

Что же касается **образа**, то под ним понимается приближенное описание изучаемого объекта или явления, причем эта известная идеализация является принципиальным свойством образа. Образ допускает рекурсивное

определение: каждый отдельный символ и список символов является образом. Списочная запись позволяет использовать одно и то же представление или один и тот же алгоритм для работы с образами различного содержания. Из этого следует, что образ представляет собой две категории символов, отражающих постоянную и переменную характеристики объекта описания, которые служат средством установления соответствия образов. Такое их сопоставление представляет собой основную задачу распознавания.

Распознавание – это важнейший компонент искусственного интеллекта. Его понятие в равной мере относится как к процессам восприятия и познания, свойственным живым организмам, так и к «механическим» аналогам этих процессов, анализ и синтез которых являются одним из разделов информатики. В классических моделях распознавания образ описывается вектором признаков, каждый элемент которого представляет собой числовое значение одного из признаков исследуемого объекта. В структурных моделях в качестве образа выступает высказывание, характеризующее класс, к которому принадлежит данный объект.

На начальном этапе распознавания осуществляется поиск и выделяются образы, соответствующие решению поставленной задачи. Затем разрабатывается «классификатор»: анализируются преобразованные данные, синтезируется модель, учитывающая изменчивость образов, принадлежащих к определенному классу, осуществляется выбор из заданного набора характеристик некоторого подмножества, адекватно характеризующего отдельные классы объектов, определяются методы выделения указанного подмножества и разрабатывается алгоритм распознавания.

Распознавание обычно заключается, во-первых, в отнесении объекта к неизвестному классу (кластеризация) и, во-вторых, в идентификации объекта в качестве элемента известного класса (собственно распознавание).

Примером распознавания может служить хорошо известная историкам задача атрибуции (определения авторства) текстов источников, документов. Во всех случаях решению этой задачи должна предшествовать классификация имеющихся текстов, авторство которых хорошо известно, на подмножества, причем в одно подмножество (класс) могут быть включены только тексты одного автора.

Непосредственное решение данной задачи может быть получено двояким путем. Если имя автора исследуемого текста содержится в выходных данных, комментариях и т. п. или сам текст идентичен одному из имеющихся, то решение в этом случае очевидно. А если имеются сомнения в достоверности решения, полученного таким образом, то оно может быть достигнуто одним из следующих способов:

1. Известно, что для каждого текста характерны свои особенности, т. е. время и язык написания, тематика, стиль, жанр, структурные признаки и т. д. Соотнося каждый из этих признаков с именем только одного автора («объект → автор»), не трудно получить решение и в этом случае.

2. Выбранная система признаков не позволяет установить соответствие «объект → автор». Тогда следует попытаться определить эту импликацию путем уста-

новления обратного соответствия «автор → объект». Сделать это можно, например, на основе следующей гипотезы: «Близость в пространстве объектов влечет близость в пространстве авторов» [4, с. 131–134].

Использование методов решения задач распознавания образов и классификации требует серьезной математической и информационной подготовки и опытной проверки. Оно все более связывается с автоматизацией процессов восприятия и познания, поиском, выделением, идентификацией, классификацией и описанием образов на основе анализа реальных данных. Это один из путей развития исторической науки.

Использование информационных технологий

Применение количественных (математико-статистических) методов обуславливает необходимость обращения к *информационным технологиям*. Только на основе этих технологий открывается возможность исследования *массовых исторических источников* (например, переписей населения, инвентаря, итогов выборов и др.), интерпретация объемных единичных источников (манускриптов, монографий, диссертаций и др.), анализ исторических событий с множеством признаков и размытыми границами (например, типологизация процесса отмены крепостного права в России) и решение других научных задач.

Информационные технологии, полезные для историков, представлены в виде:

Баз данных (БД) упорядоченный массив информации в электронной форме, который создан и обрабатывается с помощью специфического программного средства СУБД. Поскольку реляционные БД не учитывают всю специфику исторических источников, создаются специальные БД, адекватные источнику, а именно: **Gedcom**, **Censis**, **Socrates** и др., но более всего отвечают запросам историков полнотекстовые БД *KLEIO*.

Компьютерное моделирование – создание модели исторического объекта, позволяющей рассматривать его в пространстве, приближенном к реальности, сочетающей черты его словесного, графического и математического представления. Одним из средств моделирования являются электронные таблицы, например *Excel*, где операции производятся не над данными, а над содержанием клеток, которые задаются определенным образом с помощью координат.

Мультимедиа-технологии, показательным примером применения которых может служить CD-ROM «*Московведение*», разработанный московской фирмой Кардиф&Медиа. Это учебное мультимедийное издание, ко-

торое в известном смысле является уникальным и вызывает повышенный интерес у обучающихся и у обучаемых. Подкупает разносторонность его предназначения как для различных категорий пользователей (учащихся и учителей, родителей и всех интересующихся историей Москвы), так и для различных видов учебной деятельности (обязательные занятия и самостоятельная работа, познавательная и творческая деятельность).

Особое внимание обращает на себя *встроенный редактор*, который позволяет делать свою собственную мультимедийную презентацию на всем объеме диска, включать в «свой рассказ» исторические карты Москвы с возможным «приростом» архитектурных памятников во времени и пространстве (их визуальное изображение и вербальное описание). Любой фрагмент презентации содержателен и обладает возможностью «расширения» и «углубления» знания, что достигается путем превращения пиктограмм в картину, получения подписи на ней, раскрытия биографии художника, описания самого произведения, изучения библиографических справок и дополнительной информации из Интернета.

Технологии Интернета, получивших широкое распространение в последнее время. Начало их положено в США в конце 1960-х гг. В период «холодной» войны американские ученые всерьез задумались над разработкой системы передачи информации на большие расстояния, главным качеством которой являлась бы максимальная устойчивость к повреждениям, включая даже такие, как ядерный удар противника.

Развитие компьютерных сетей в этом направлении привело к тому, что ведущие страны мира в 1980 г. подписали пакет соглашений, обеспечивающих возможность обмена информацией. Он получил название «Межсетевой протокол – протокол ТСП/Р». Таким образом сформировался Internet («сеть сетей»).

Интернет – *самоуправляющаяся система*, не имеющая ни единого организационного центра, ни общей финансовой политики. Каждая сеть сама «заботится» о решении своих технологических, организационных и финансовых проблем. Сети владеют всем необходимым для передачи данных, в т. ч. компьютерами и каналами связи. Бюджет сетей формируется за счет платы пользователей. В Интернете каждый узловой компьютер («сервер» или «хост») имеет свой уникальный адрес. В настоящее время насчитывается 29 млн «хостов» и 50 тыс. глобальных сетей.

Web-страницы или домашние страницы являются основной формой предоставления информации. Их основные качества:

1. *Глубина содержания*, которая определяется объемом имеющейся информации, степенью ее детализации и ценностью. Информативность страниц может быть достигнута путем оптимального размещения материалов, представляющих интерес для пользователя. Помимо собственной

информации могут быть представлены ссылки на наиболее полные в информационном отношении источники, расположенные на других серверах.

Если на серверах в вашем городе не представлена в достаточной степени краеведческая информация, то необходимо подготовить и разместить ее на основе своих краеведческих фондов. В этом случае уместно включить иллюстрации с видами города, исторические справки, карты местности.

2. *Стабильность информационного наполнения.* Она обеспечивается постоянным наличием информации на сервере. Пользователь должен быть уверен, что найдет нужные для него сведения при любых технологических и структурных изменениях. Даже утратившие острую актуальность материалы, например доклады прошлогодней конференции, следует не удалять, а переводить в архивную часть страниц.

3. *Оперативность обновления данных.* Это постоянное поддержание страниц в актуальном состоянии. Существенное значение имеет как регулярное пополнение электронного каталога новой информацией, так и исключение устаревшей информации, а также обновление ссылок на внешние ресурсы.

4. *Доступность страниц,* т. е. оптимальное сочетание иллюстраций и текста, поскольку злоупотребление иллюстративным материалом может ее снизить. Ведь он «весит» намного больше текста и уменьшает скорость передачи данных.

5. *Простота навигации.* Она зависит от логичности схемы построения сервера web-страницы, которая имеет иерархическую структуру. При этом важно обеспечить возможность без каких-либо дополнительных затруднений двигаться от раздела к разделу, легко сменить выработанную иерархическую ветвь или получить справку.

Альтернативой исторической информатике с ее количественными методами можно назвать психоисторию с ее психолого-социальными методами, речь о которых, в том числе и об их связях с количественными методами, ранее отрицавшими мэтрами психоистории, пойдет в следующей лекции.

Библиографические ссылки

1. Слово о науке. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты / сост. Е. С. Лихтенштейн. М. : Знание, 1978. 272 с.
2. Сидорцов В. Н. Методология истории: количественные методы и информационные технологии: учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2003. 143 с.
3. Кохановски А. Г. Социально-классовая структура народонаселения Беларуси во второй половине XIX в.: автореф. ... канд. истор. наук. Белорус. гос. ун-т. Минск, 1989.
4. Сидорцов В. Н., Балыкина Е. Н., Комличенко В. Н. и др. Историческая информатика (Информатика для исторических специальностей): учеб. пособие / под общ. ред. В. Н. Сидорцова, Л. И. Бородкина. Минск : Веды, 1998.

Лекция 8

ПСИХОИСТОРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

Мотивация сознания при всей ее субъективной искренности не всегда соответствует причинам поступка.

Поступок иногда может определяться силами, действующими в психике, но не доходящими до сознания.

Эти психические силы с помощью известных приемов могут быть доведены до сознания [1, с. 30].

Э. Фрейд

- ✦ Психоистория и ее особенности.
- ✦ Психологические методы, их значение в историографии.
- ✦ Использование методов в целях понимания исторических явлений.

Психоистория и ее особенности

К инновациям в отечественном исследовании истории мы можем отнести также методы, входящие в группу знаковых систем (социально-психологические, лингвистические, семиотические). Если количественные методы и информационные технологии в какой-то мере используются у нас, главным образом в образовательной сфере, то методы, поставленные на рассмотрение в лекции, только начинают привлекать внимание историков, большинство которых имеют о них лишь смутное представление. Так, обратимся к методам, давшим в середине прошлого века «зеленый свет» одному из новых направлений в мировой историографии психоистории.

Психоистория является относительно новым направлением в отечественных исторических исследованиях. С момента выхода в свет в 1958 г. работы **Э. Г. Эриксона** «*Молодой Лютер*» [2] (именно от этого события принято отсчитывать начало психоистории) прошло всего пять десятилетий. Срок поразительно малый, если учесть, что историческая наука развивается не одно тысячелетие, но в то же время вполне достаточный, чтобы убедиться в жизнеспособности этого направления и его потенциале.

По мнению некоторых историографов, психоистория пока не является целостной дисциплиной. Она представлена различными течениями, в т. ч. история детства, психобиография, психоистория групп, и не имеет единой

методологической базы. Последняя только начинает формироваться [3, с. 30]. Авторы такой точки зрения обычно исходят из определенной организационной разобщенности и не утихающих дискуссий вокруг теоретических посылок изучения личности и общества во времени, действительно имеющих место в современной психоистории. Однако, обращаясь к изучению этого неординарного направления, критики подчеркивают логическую связь между теоретическими разработками различных толкований и их методологическими подходами.

Заметим, что статусом самостоятельного направления в науке могут обладать, на наш взгляд, те из них, которые отвечают определенным параметрам, как-то:

1. Имеют свою собственную *источниковую базу* (в психоистории базу сказок, легенд, песен, преданий, художественных произведений, архитектурных ансамблей, газетных статей/заголовков, стилей одежд, изображений частей тела и т. д.).

2. Основываются на *определенной концепции* (в психоистории – на взглядах З. Фрейда [4] – см. *этиграф*).

3. Используют *собственные методы* (в психоистории – это те приемы, которые доводят вышеназванные силы до сознания, *о них расскажем далее*).

4. К которым *обращаются не только по необходимости, но и в силу своей профессиональной деятельности* (в психоистории об этом свидетельствует, например, постоянная деятельность ее приверженцев в рамках Международной психоисторической ассоциации).

Исходя из этих критериев психоисторию все же следует причислить к целостной дисциплине. *Попробуйте определить такие же параметры в отношении исторической информатики, гендерной истории, демографической истории и других направлений, сопоставить их с психоисторией и высказать свой вердикт по этому дискуссионному вопросу.*

Обращаясь к психоистории важно разграничивать ее не только в соотношении с событийной историей, но и с исторической психологией. В отличие от истории психоистория дает возможность глубоко обосновать те или иные исторические явления, используя для этого методы психологии в их сочетании с историческими методами, а историческая психология выявляет психологический склад исторических эпох, психологические особенности отдельных социальных групп, оказывавших влияние на развитие общества, прибегая при этом к историческим методам.

В основе психоистории лежит психоанализ. Применительно к неврозам он означает выявление вытесненных в бессознательное мотивов (прошлого опыта), обуславливающих поведение человека [5].

Психологические методы, их значение в историографии

Среди социально-психологических методов (методов психоистории) следует иметь в виду следующие:

1. Комплексный историко-психологический метод, представляющий собой сочетание психоанализа с историко-генетическим методом и ретроспекцией, причем последние служат не основой, а канвой исследования.

Примером может быть деятельность Э. Г. Эриксона. Опираясь на этот метод наблюдения, он изучал жизнь простых людей в Германии 1920-х гг., что помогло ему лучше разобраться в событиях тех лет. А после переезда в США ученый занялся таким же исследованием жизни американских индейцев. Он подолгу жил рядом с индейскими резервациями, наблюдая за бытом и традициями коренного населения американского континента [цит. по: 6, с. 127].

2. Анализ групповых фантазий, получивший более широкое распространение. Фантазии – это совокупность бессознательно распределяемых положений, выраженных в символической форме и проецируемых вовне в форме социальных посланий. Фантазии подразделяются на визуальные и вербальные, деконструкция которых предполагает использование *психологического контент-анализа*, т. е.:

- фиксацию слов, имеющих сильно выраженную эмоциональную окраску;
- установление всех метафор, преувеличений и повторений;
- игнорирование отрицаний: наше бессознательное их не воспринимает;
- запись ранее зафиксированных слов и выражений.

Зафиксировав полученные данные, мы обращаемся к табл. 6, 7, предложенных американским психоисториком Дж. Атласом во время чтения им на историческом факультете БГУ лекции о причинах Второй мировой войны с позиции психоистории, и делаем выводы о состоянии социума [6, с. 128–129].

Таблица 6

Значения символов

Характер символа	Выражение
Контроль	Глаз, поддержка, марионетки и пр.
Человек или общество	Здания, целостные массы
Мужское	Огнестрельное и холодное оружие, средства передвижения (автомобили, самолеты, поезда и пр.), некоторые части тела (нос, руки, ноги и т. д.), трости, сигары и т. п.
Женское	Водные пространства и потоки, дыры, пропасти, подземелья, зубастые пасти, тоннели и пр.
Плацинта	Змеи, пауки, цепи, удушения, плавающие предметы и т. д.
Оргазм	Брызги, фонтаны, переливы цветов, радуга, салют, солнце, сияющие и летающие предметы, воздушные шары и т. д.

Символы социальных посланий

Групповая фаза	Фантазии социальных посланий
Ощущение силы	Сильные доминирующие мужчины, обилие мужских символов, символы оргазма, подъем, частые повторения изображений национальных символов. Иногда: детские жертвоприношения, насилия над детьми
Ощущение слабости	Слабые женственные мужчины, фантазии о лопающемся мире и лидере, обилие фантазий о сильных женщинах, плаценте и т. д., фантазии о регрессе (проваливание в ямы, дыры и пр.), спад, насилие над мужчинами, женщинами, детьми и прочее

Именно такой подход привел американского исследователя Т. Парсона к заключению, что революция происходит при нарушении равновесия структур власти, что харизматический лидер является главным элементом в формировании новой структуры [4, с. 129].

3. Сочетание с количественным анализом, что снижает субъективное толкование полученных результатов исследования.

В 1995 г. группа немецких ученых, в состав которых вошли и профессиональные математики, начала комплексные исследования визуальных изображений и заголовков статей в крупнейших немецкоязычных периодических изданиях Европы. Главной задачей исследователей ставилась проверка теорий Г. Стейна, Дж. Атласа и Д. Биона о цикличности групповых настроений. Данные на основе контент-анализа вводились в компьютер, затем подвергались количественному анализу и представлялись в виде таблиц и графиков.

Несмотря на определенный скептицизм большинства психоисториков, группе удалось подтвердить выводы, полученные ранее обычным путем. Однако уже первые результаты показали, что практическое применение количественных методов позволяет уточнить и усовершенствовать методологический аппарат психоистории. Ученые смогли выделить короткие, шестидневные, циклы в настроениях немецкоязычной части читавших периодическое издание Европы, в то время как было установлено, что самые малые циклы занимают от двух до трех недель [6, с. 132].

4. Моделирование, примером которого может служить психогенетическая теория истории видного американского психоисторика Л. де Моса.

В соответствии с этой теорией в эволюции детского воспитания на Западе было выделено шесть моделей, последовательно сменявших одна другую:

- 1) до IV в. н. э. инфантильная или детоубийственная (построенная на применении преимущественно насильственных методов: выживает сильнейший);
- 2) IV–XIII вв. отстраненная (когда родители отстраняются от воспитания);
- 3) XIV–XVIII вв. амбивалентная или двойственная (когда ребенок рассматривается как эротический объект, что предшествует чувству эмпатии);
- 4) XVIII в. принудительная (с более внимательным отношением к нуждам детей, но при доминировании палочной дисциплины);

5) середина XX в. социализирующая (направленная на интеграцию детей в общество);

6) с середины XX в. помогающая (признающая права и свободу ребенка).

Каждая из моделей была охарактеризована присущей только ей системой воспитания, наиболее распространенными типами личности и групповыми фантазиями.

Основная идея Л. де Моса заключалась в том, что благодаря изменениям в отношениях между родителями и детьми происходили более заметные глобальные перемены в жизни всего общества [7, с. 137, 141].

5. Социально-психологический подход. В наше время психоисторические исследования приобретают все более глубокий характер. А это, в свою очередь, расширяет возможности их применения в историческом исследовании. Формируется новый взгляд на проблемы личности и ее мотивационной деятельности в истории, что дает возможность говорить о социально-психологическом *подходе*, имея в виду, например, всевозможные попытки сравнения различных лидеров. Сравнивают Гитлера, Сталина, Ленина и т. д. Насколько правомерны с научной точки зрения такие сравнения, хотя сами по себе они востребованы и вызывают немалый интерес.

Предлагаем погрузиться в такой анализ в надежде на плодотворную дискуссию.

Использование методов в целях понимания исторических явлений

Психоисторики, как и историки, нередко прибегают к социально-психологическому методу, сравнивая личности в истории. В связи с этим внимание привлекает работа **О. В. Великановой** «*Функции образа лидера в массовом сознании: гитлеровская Германия и советская Россия*» [8, с. 162–173].

На основе источников, отображающих коллективные представления, и используя приемы массовой психологии, автор рассматривает не собственно того или иного лидера (Гитлер, Ленин или Сталин), а их образы как продукт пропаганды, массовых представлений и иллюзий в близких в известном смысле общественно-политических системах, что дало возможность структурировать этот многоплановый феномен и вычленил доминанты его развития. Сравнивая особенности реализации образа лидера в сознании немецкого и советского народов в отмеченное время, О. В. Великанова приходит к следующим нетривиальным выводам.

1. Мифологическое видение мира может реализовываться не только в форме устоявшихся религий. В процессе секуляризации возможна его иная направленность. В XX в. к таким светским воплощениям религиозной системы следует отнести социалистическую и националистическую идеи. Так, в Германии в качестве сплачивающей парадигмы выступал национализм. Не случайно Д. Лангевитше пи-

сал: «Национализм принимает на себя функции некоего рода идеологии интеграции. Ему удается сплотить массовое сознание в нечто целое, имеющее общее прошлое, общего врага и определяющего новую цель на будущее» [8, с. 164]. Уже начиная со времени Великой Французской революции многие современники отмечали появление в Германии обостренной «жажды мифа». На религиозную природу национал-социализма с культом фюрера указывали многие исследователи, в т. ч. Юнг, Моссе, Стерн. А в 1936 г. Геббельс заявлял, что Германия превратилась в единую великую церковь, охватившую все классы, профессии, вероисповедания [8, с. 164].

В социализме многие люди обретали веру, в которой революция выступала как акт творения нового мира. Им было присуще ощущение своей признанности нести «дух революции». Идею коммунизма они находили достойной, чтобы во имя нее жить и за нее умереть. Это давало им чувство правоты, великий стимул и энтузиазм. Слово «энтузиазм», которое часто сопровождает характеристику сталинизма, очень близко по значению к «вере». Во многих советских людях, включая жертвы, даже террор не поколебал веры в историческую миссию партии и безошибочность лидера. Известно, что заключенные сталинских лагерей писали Сталину письма с уверениями в своей преданности. То, что пережившие «Третий Рейх» считали его временем «искренней веры», можно отнести и к «пережившим сталинизм». Как слово «энтузиазм» было распространено в советское время, так и определение «фанатизм», лишенное негативной коннотации, было излюбленным выражением Гитлера.

Там и здесь лидер играл решающую роль. В нем персонифицировались религиозные по сути системы представлений. Образ вождя выступал в роли родового символа, религиозного, классового, политического, национального, в качестве образца для подражания. При этом необходимыми условиями были: присутствие визуального образа вождя. Так, начиная с 1920-х гг. и даже в годы Великой Отечественной войны, образ Ленина был зримо обозначен в интерьере крестьянской избы.

Сводки о настроениях в «Третьем Рейхе» также сообщали о сооружении домашних алтарей с фотографиями Гитлера на месте дароносицы. А журнал «Свободное слово» настаивал: «нежная рука и сердце должны предлагать ему (портрету фюрера) маленькие дары каждый раз цветы или растения» [6, с. 165].

Подчеркивание вездесущности и бессмертности образа. Вездесущность Ленина воплощалась в лозунгах. Например, в 1918 г. в Петрограде о живом вожде говорилось, что «во многих из нас и незаметно для нас есть маленькая частица от великих трудов товарища Ленина, от его неустанной работы», а после его смерти в 1924 г. «Ленин молчит, но мы, рабочие, слышим его голос внутри нас» [8, с. 165].

А в 1932 г. в Берлине отмечалось, что впечатление вездесущности фюрера создавали его предвыборные полеты, разрекламированные под лозунгом «Фюрер над Германией». Пользуясь самолетом, Гитлер за 6 дней смог выступить на массовых митингах в 20 городах. В четырех вылетах между апрелем и ноябрем 1932 г. Гитлер присутствовал на 148 митингах, был увиден и услышан миллионами немцев [6, с. 165].

Использование религиозной лексики по отношению к вождю. Бесчисленные официальные и частные документы свидетельствуют об употреблении религиозных терминов в отношении, например, Ленина. Уже в 1918 г. близкий соратник Ленина Зиновьев называл его «апостолом социалистической революции», а его книгу «Что делать?» сравнивал с Евангелием. В 1923 г. Л. Троцкий писал: «Марк пророк со скрижалями, а Ленин величайший исполнитель заветов» [8, с. 165].

Религиозные дискурсы были характерны и для «Третьего Рейха». Один из рядовых нацистов в интервью в 1934 г. делился своей верой в то, «что наш вождь, Адольф Гитлер, дан судьбой немецкой нации как наш спаситель, несущий свет в темноту» [6, с. 165]. Другой нацист после митинга признавался, что «его [Гитлера] слова подействовали на меня как обращение пророка», а гамбургская учительница писала об одном из митингов, что «множество людей взирали на него, ощущая веру в него как своего защитника и помощника, своего спасителя, своего избавителя от невыносимых невзгод... на того, кто спасает прусского принца, ученого, священника, фермера, рабочего, безработного, который объединяет их, разрозненных, в единую нацию» [6, с. 165].

2. Важной функцией образа лидера является его родовой символ отца, защитника, покровителя, волшебного помощника. Сравнение Германии и Советского Союза показывает, что ипостась отца, хотя и не была столь существенной в немецком культе лидера, сколько в советском, все же имела место и там. Это может быть объяснено тем, что государства со слабо развитыми гражданскими институтами часто пытаются организовать свое устройство по типу архаического, т. е. сохранить подобие родовой организации с лидером в качестве отца или старейшины. Достаточно вспомнить, как называли государя на Руси царем-батюшкой. Также называли и И. Сталина «великим отцом».

3. Образ лидера находится в определенной зависимости от сексуальных моделей и ориентаций, преобладающих в том или ином обществе. Однако в различных культурах его сексуальная ипостась интерпретируется по-разному.

В образе А. Гитлера мужская привлекательность играла определенную роль. Современницы вспоминают, что они воспринимали вождя отнюдь не как бесполое существо. Их отношение к нему часто окрашивалось флером влюбленности. Сам А. Гитлер проявлял внимание к своему имиджу, отдавая себе отчет в значимости этой стороны, и сознательно не шел на официальное бракосочетание, как бы оставаясь верным одной Германии. Он рассматривал это как функциональную необходимость, чтобы не уменьшить своей популярности среди немецких женщин, чью поддержку он считал особо важной на выборах. Геббельс использовал celibат Гитлера в пропаганде, как свидетельство жертвования личным счастьем на благо Германии. Совсем иное значение имели образы В. Ленина и И. Сталина, связанные с другой культурой ортодоксальной, в которой сексуальность воспринималась как грех. Она не относилась к числу официально принятых советских жизненных ценностей. Асексуальный образ В. Ленина, а позже И. Сталина, воплощал добродетели советской этики. Хотя В. Ленин и был женат, но пропагандируемый образ Н. К. Крупской был лишен черт женской привлекательности. В соответствии с мифом, она была только товарищем и соратником. Семейная жизнь была исключена из официального имиджа всех последующих советских лидеров. Их жены отсутствовали в официальных ритуалах и это было не только данью влияния востока с его традиционной ориентацией сугубо на мужчину, но и знаком самозабвенного служения народу.

Вместе с тем нельзя умолчать об относительности сделанных выводов. Слабыми сторонами исследования О. В. Великановой являются следующие:

1. Автор не объясняет, насколько сами лидеры и социальные процессы, выдвинувшие их, являются действительно сопоставимыми объектами для сравнения.

2. В реальности исследуются объекты, внешние по отношению к психике человека. Автор не учитывает возможность существования непосредственной связи между лидером и индивидуумом и влияния индивидуальных эмоций в проекции на личность лидера. Компаративизм исследования заключается в заимствовании теории отцовской функции лидера, которая воспринимается автором как некая готовая матрица и наряду с такими понятиями, как «сексуальное поведение» и «менталитет» изображается в качестве целостной структуры, независимой от эмоциональных потребностей членов общества.

3. В разных обществах лидер может играть множество ролей (патриархального отца, воспитывающей матери, мессии, эмоционального контейнера, восставшего сына, параноидального близнеца и т. д.). Как правило, только одна из этих ролей в какой-то период времени «на виду», остальные находятся в латентной (скрытой) форме, но при желании могут быть найдены в образце лидера.

По мнению автора, В. Ленин и А. Гитлер воспринимались как отцы своих наций, но образ А. Гитлера был сексуальным, В. Ленина асексуальным. В реальности же А. Гитлер был объектом преклонения тех поколений немцев, которые имели потребность подчиняться старшему брату, вождю, лидеру шайки, но не патриархальному отцу. Гитлер сам сравнивал лидеров иностранных государств с дряхлыми феодальными тиранами. Образ инфантильного героя изначально подразумевал сексуальную сакрализацию.

Образ В. Ленина был гораздо более сложным. Он представлялся скорее как учитель, наделялся функцией воспитателя (миф о его заботе о детях, создание целой революционной философии и т. д.), человека, поднявшегося над страстями, в том числе сексуальными. Образ стоявшей рядом Н. Крупской также был асексуальным и воспитывающим (она была профессиональным педагогом). В то же время В. Ленин являлся эротическим объектом. Многие его поклонники признавались в любви к вождю, даже противники писали о нем тепло, с той лаской, с какой дети отзываются о матери.

Для немцев торжество А. Гитлера было победой над старым патриархальным порядком: А. Гитлер рассматривался обособленно. В. Ленин же являлся бессознательным выразителем детских доэдипальных желаний близости с матерью. При жизни его образ связывался с образами К. Маркса и Ф. Энгельса. И. Сталин, эксплуатировавший образ отца народов, также стремился связать его с материнским образом В. Ленина. Любопытно, что бойкий Н. С. Хрущев сыграл роль восставшего сына.

Учет вышеназванных моментов, диктуемых психоисторией, дает возможность более точно и рельефнее структурировать этот многоплановый феномен.

Библиографические ссылки

1. *Бахтин М. М.* Тетралогия / М. М. Бахтин. М.: Лабиринт, 1998. – 607 с.
2. *Эриксон Э. Г.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование / Э. Г. Эриксон. М. : Медиум, 1996. 560 с.
3. *Шутова О. М.* Руководство для психоисториков // Методологические вопросы истории. Американская психоистория и историческая информатика. Минск, 1996.
4. Перу З. Фрейда принадлежит несколько психобиографических работ, ставших своеобразным эталоном для остальных психобиографов. Более того, ученый считал, что психика индивидуума способствует объяснению всей человеческой культуры, проявление которой он рассматривал как элементы социальной памяти о реально произошедших событиях, выраженных подобно индивидуальным фантазиям в символической форме (см.: Шкуратов В. И. Историческая психология. М. : Смысл, 1997.
5. *Лоренцер А.* Археология психоанализа: интимность и социальное страдание. Пер. с нем. М. : Прогресс-Академия, 1996. 304 с.
6. *Сидорцов В. Н.* Методология исторического исследования (механизм творчества историка). Минск : БГУ, 2000.
7. *de Mause L.* The Psychogenic Theory of History // The Journal of Psychohistory. 1997. № 2.
8. *Великанова О. В.* Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и советская Россия // Общественные науки и современность. 1997. № 6.

Лекция 9

ГЕРМЕНЕВТИКА И ЛИНГВИСТИКА: МЕТОДЫ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

Представители герменевтики в XIX в. ставили своей задачей понимание текста прошлых эпох на уровне его автора. В XX в. увидели в тексте открытую систему, оценивали с позиции собственной идеологии. В XXI в. – интегративных технологий – изучают то, что стоит за текстом.

Дискурс-анализ – выяснение и изучение речевой практики того или иного исторического времени в целом (периода) и на этой основе проникновение в глубину текста, отражающего то время.

- ✦ Язык – не только средство общения.
- ✦ Лингвистический поворот в мировой историографии.
- ✦ Герменевтика – искусство толкования текстов.
- ✦ Появление лингвистики дискурса на смену лингвистики текста.
- ✦ Анализ дискурса как реконструкция социального контекста.

Язык – не только средство общения

В основе любой научной деятельности лежит, согласно Т. Куну, та или иная модель постановки проблем и их решений, т. е. парадигма (см. лекции 1, 2). Парадигму, соответствующую условиям постмодерна, когда набирает силу лингвистический поворот в историографии, филологи определяют «как установку гносео-методологического характера, обладающую максимальным объединительным потенциалом» [1, с. 11]. Парадигматический подход в XX в. они характеризуют диадической моделью, включающей **позитивистскую** и **интерпретативную** парадигмы с добавлением во второй половине века **критической** парадигмы.

Для позитивистов социальное исследование имеет целью раскрытие и объяснение фактов, которые образуют закономерности. В свою очередь, знание этой логики позволяет контролировать события и предсказывать их появление. Для интерпретаторов социальное исследование не имеет прямой инструментальной ценности, а ориентировано на интерпретацию и понимание причин социальных поступков индивидов – смыслов, которые конституируют процесс взаимодействия. Следующая за первыми двумя критическая парадигма призвана раскрывать реальные отношения, разоблачать мифы и иллюзии, выявлять и преодолевать ложные с позиции исследователя верования и идеи, показывать, каким должен быть мир и как его мож-

но и нужно изменить. *Понятно, что это не весь объем методологических парадигм.*

Постмодернизм, выросший на почве модернизма XX в., сохраняет многозначность интерпретативной парадигмы (*вспомните всевозможные истории, родившиеся с антропологическим поворотом в середине XX в.*), но в то же время отказывает гранднарративу, т. е. признанию любой парадигмальной концепции как таковой. Одновременно он способствует появлению множества различных конструкций с их разнообразным категориальным аппаратом, а значит и появлению открытого множества новых исследовательских трактовок, новых теорий.

Получают развитие такие понятия, как текстуальность и текстура, дискурс и дискурсии, дискурсивные практики и технологии. Поэтому целью исследования становится, как пишет И. Ф. Ухванова-Шмыгова, «ухватить, удержать, увидеть многое в малом, малое в большом: в капле воды – все мироздание, а мироздание – в капле. Изучать мифы как реальность и реальность как миф» [1, с. 25]. Так идут навстречу друг другу большие теории, как бы перепроверя одна другую. В результате зарождается интегративная исследовательская парадигма.

Наука как текст или дискурс-центрическая наука стремится к познанию реальности (знаковой и внезнаковой) и места субъекта в ней посредством структурирования и логического конструирования объектов как системы. Таким образом достигается новое знание, открываются те или иные закономерности и устанавливается сфера их действия. К такому подходу так или иначе ведут теории, возникшие во второй половине XX в., в т. ч. разработанная белорусскими методологами **каузально-генетическая теория** (*КГТ, вошла в теоретический «багаж» методологов в 90-е гг. XX в., состоит в семиотическом моделировании языкового знака*). Реальность представляется в знаковой упорядоченности в виде универсальной языковой картины мира. При этом не важно, имеем ли мы дело со сложными фактами речевой деятельности (коммуникации) типа газетного номера, книги, телепередачи или с простыми (цельными) фактами, как-то со словом, предложением, абзацем. Каузально-генетическая теория в одинаковой мере подчиняет их правилам системной и иерархической субординации.

Язык не только средство коммуникации. Он является и **средством мышления, и** организации, т. е. своего рода **«матрицей»**, тем, что вместе с другими факторами определяет устройство человеческого общества. Мы мыслим с помощью нашего языка, еще в раннем детстве усваивая его структуру, словоформы, устойчивые выражения, клише и т. д. Когда мы говорим, наше сознание или подсознание, зависимое от этой ориентации, «служливо» предлагает нам уже имеющиеся языковые конструкции, метафоры, обороты. Если мы идем на поводу языка, язык говорит нами.

Личность непосредственно использует знаки и как орудие общения, и как орудие мышления, и как способ организации деятельности, соответственно маркируя ими не только предметы практики, но и коммуникантов. Значит, познание реальности и места субъекта, а вместе с ними знаковой реальности и знакового субъекта (*последнее понятие введено КГТ*), означает изучение речевой практики и языкового опыта.

Не случайно, постмодернисты, а вслед за ними и интегративисты, уделяют большое внимание познанию *дискурса – языкового сознания эпохи*. Именно *сознания*, так как из литературы, сказок, анекдотов, полемики, судебных выражений и т. п., что, по большому счету, является продуктом нашей речевой деятельности, историк может определить, как «знали», т. е. *как «рисовали себе в речи» свою жизнь люди изучаемой эпохи*. Это и будет изучение дискурса, составляющее, на наш взгляд, исторический дискурс.

«Нет мира вне моего языка», сказал когда-то **М. Хайдеггер** [2]. А теперь постмодернисты значительно расширили этот взгляд, сделали его центральным, а все остальное производным. Власть, являвшаяся главной темой научных изысканий у **М. Фуко** [3], это наложение на общество определенных дискурсивных практик, исключение из «своего» мира всего того, что этим практикам не соответствует. Для первой половины XX в., например, был характерен дискурс мужской, взрослой, белой, гетеросексуальной части общества. Все, кто ему не соответствовал (дети, женщины, черные, в смысле африканцы или индейцы, гомосексуалисты и др.), исключались в той или иной степени. Сюда следует добавить и тех, кто исключался по признаку вероисповедания, политической принадлежности и т. п.

После Второй мировой войны возникли условия, когда все ранее исключаемые «меньшинства» осознали, что они «изолированы» не справедливо. Их «брожение» обусловило подъем афро-американской мысли и соответственно нашло отражение в историографии: появилась история афроамериканцев, женская, а затем и гендерная история, история детства, устная история и другие направления в историографии, а в теории деконструкция (отказ от стереотипов) и многое другое, что мы сегодня называем постмодернизмом. Поэтому не случайно говорят, что постмодерн представляет мир в виде разнообразия, нестабильности, набора различных культур или интерпретаций.

Однако приходит новое разочарование и этим разнообразием постмодерна. Возникает вопрос, какие же угрозы в его последствиях усматривают западные историки? Отечественный историк, теоретик и методолог истории **О. М. Шутова** проанализировала в этом отношении обильный зарубежный материал и пришла к выводу, что он открывает возможность различных ответов на поставленный вопрос. Англо-американские историки, например,

заметно продвинувшиеся в этом направлении и, более того, сделавшие этот вопрос доминирующим в своих исследованиях, наделили «отрицательным» ярлыком такие составляющие постмодерн, как фрагментация исследований, потеря в них «общего», «поверхностность» представления, уклон в сторону «описательности». Все это сделано за счет «объяснения», увлечения «новомодными» эпистемами, дискурсом, гендером без внутреннего их принятия в качестве исследовательских стратегий.

Тем не менее для белорусской историографии такой антропологический «крен», на который уже сетуют многие западные историки, совсем не представляется «угрозой». Хотя белорусская историография и предложила исследователям такой путь развития, для нее все еще актуальной представляется задача «перевода» истории на «человеческий» язык, поворот историков от абстрактных «народа», «экономики», «политики», «национального самосознания» и т. д. к индивидуальному, психологическому, возрастному, гендерному и другим измерениям этого самого «народа», к разнообразию склада его жизни внутри «экономики» и «политики». Кстати, от такого поворота и вклад историков в разработку концепции «национального самосознания», в дальнейшую демократизацию общества станет весомей – ведь историческое сознание, основанное на признании мультикультурной и многонаправленной истории, или даже «историй», является неотъемлемой составляющей общего гражданского воспитания.

На фоне этих «минусов» в атмосфере 1990–2000-х гг. *вновь повеяло «кризисом»*. Но его уже связывают с постмодернизмом, а точнее с теми вызовами, которые бросает истории постструктуралистская составляющая постмодернизма. При этом зачастую забывается о том, что проявлениями этого самого постмодернизма являются не только «лингвистический поворот» сам по себе, а и антропологическая составляющая современной историографии в целом, воспринимаемая во всем мире как уже устоявшаяся норма. Они не могут (не должны) рассматриваться обособленно, поскольку имеют общие корни, связи и следствия.

«Постмодернистская мысль, отмечал **Ч. Брук-Роз**, пришла к заключению, что все, принимаемое за действительность, на самом деле есть не что иное, как *представление* (курсив. – *В. С.*) о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления» [4, с. 230].

Объективизация исторического исследования означает уход от одной точки зрения. А это означает признание интегративных исследовательских подходов.

Лингвистический поворот в мировой историографии

Появление психоистории – убедительное свидетельство антропологического поворота в мировой историографии, начало которому положено французской школой «Анналов», чьи некоторые идеи предвосхитил **М. О. Ключевский**. В лекции о методологизации исторического мышления мы уже говорили о категории повседневности, введенной в научный оборот французскими «анналистами». А понятие повседневности относится непосредственно к человеку, созерцающему и осмысливающему окружающий его мир.

Существовавшая в первой половине XX в. доминанта отодвигала на второстепенные позиции изучение культурных, в широком смысле слова, процессов. В исторической науке доминировало социально-объективное или объективно-структурное направление, а человек с его экзистенциальным опытом (духовным началом) оставался в тени. «Наше историческое существование стало столь сомнительным, страх перед бесконечным падением гнетет нас столь сильно...», так в середине XX в. охарактеризовал состояние мировой исторической науки известный германский историк **Т. Шидер** [5, с. 149]. Это состояние было непосредственно связано с теми политическими, социальными, культурными процессами, которые в эпоху постмодерна оказались предметом острых дискуссий в западной историографии, в значительной мере определившие ее облик. Результат оказался далеким от оптимистического. Возникли предпосылки, ведущие к утрате человечности, гуманности. Неизбежным стало разочарование в глобальных объяснительных схемах универсальных концепций общественного сознания, в том числе исторического [6, с. 17].

В конце XX в. это разочарование еще более усилилось. «Бархатные революции» в Восточной Европе, объединение Германии, кровавые события в Югославии, наконец, распад Советского Союза стали полной неожиданностью для историков. Внезапно развалилась огромная империя и не из-за внешней агрессии, а исключительно по причинам внутреннего характера. А это, в свою очередь, вызвало переоценку, порой мучительную, тех, казалось бы незыблемых, понятий и категорий, которые были призваны объяснять ход исторического процесса, обуславливать логику развития не только исторического процесса, но и исторического исследования. Под сомнение были поставлены примат политического и опора на эмпирические методы исследования, которые составляли фундамент тогдашней исторической науки.

Внимание к исторической антропологии (см. лекцию 2) привело к расширению поля исторического исследования и методологической основы научно-исторического познания. Все более популярными становились нетрадиционные методы исторического анализа. Среди них на первый план

выдвигаются лингвистические методы. Возникшая в историографии потребность в историческом синтезе стала одним из наиболее побудительных мотивов обращения к «linguistic turn» как средству реконструкции связной картины прошлого.

Лингвистические методы понимаются как методы, которые помогают раскрыть **внутренние механизмы строения общества**. В этом значении «лингвистический анализ» это, по существу, вызов традиционной исторической науке, результат внутренней логики ее развития и трансформации.

Если отойти от жестких схем **функционально-структурного** подхода, то не следует просто воспринимать текст в качестве носителя какой-либо предметной информации. Представители «лингвистического подхода» (М. Фуко, **К. Деррида**) понимают под текстом продукт сложнейшей творческой психологической деятельности, направленной на его создание в целях максимального воздействия на человека, субъективный опыт которого поставлен в центре внимания. Действует не только фактор ситуации, в которой находится человек, но и фактор человека, под которым подразумевается, «что это не абстрактный человек вообще, а реальные люди, с реальной динамикой их памяти, целей, мотивов, социальных ролей и т. п.» [7; 8].

Фактически одновременно с **антропологическим поворотом происходил лингвистический поворот**, т. е. **обращение к речи** (письменной и устной), в которой, собственно, и **представлена человеческая история**. Язык, языковая практика в ту или иную эпоху стали предметом изучения также и историков. Язык – это наша жизнь, в настоящем и прошлом, наша история. Хорошо известно, что язык обладает социальной силой, может вдохновить человека на подвиги, а то и убить его.

Представьте себе, если бы мы не знали последствий, к которым привел сам акт ознакомления крестьян с текстом Манифеста об отмене крепостного права в России? (*Вспомните рисунки в учебниках, воспроизводящие этот акт*). Не знали той бури крестьянского негодования, которая последовала после ознакомления с Манифестом: неповиновения, поджоги, восстания. Тогда искали бы их следы в архивах, подвергнув современному научному анализу сам текст Манифеста как исторического источника.

Текст – основное понятие в лингвистической методологии, предложенной дискурс-аналитиками XX в. При ее использовании, т. е. в процессе исследования текста, особое значение придается **«личным переживаниям»**. Тем самым мы возвращаемся к герменевтике искусству и теории использования текстов, исходя из их содержания, а не из их объяснения через контекст. Возникнув в рамках **экзегетики** науки об изучении библейских текстов, герменевтика стала одним из влиятельнейших течений западной культуроведческой мысли. Ее воздействие ощущается и в эстетике, и в искусствознании, и в истории.

Герменевтика – искусство ТОЛКОВАНИЯ ТЕКСТОВ

Согласитесь, что важнейшей характеристикой текста является его *свойство быть понятным*. А понимание текста достигается грамматическим истолкованием его языка, изучением исторических реалий и вскрытием намеков, смысл которых сделался со временем непонятным, а также конкретно-психологическими изысканиями и рассмотрением «закономерностей формы произведения», если речь идет о литературном тексте [8, с. 420].

Герменевтика в своем первоначальном виде означала истолкование текстов. Ее активность заметно повысилась в XX в. Именно тогда и усложнилась ее задача понимания текста на уровне выше авторского). Возрос интерес к проблеме *исторической традиции*. Исследователи обратились к творчеству **Г. Гадамера**, «одного из современных представителей, в центре внимания которого оказалась именно проблема традиций в европейской культуре, их роль в духовной жизни общества, а также угроза самому существованию традиций в европейской культуре, уже без того сильно потесненных индустриальной цивилизацией» [9, с. 3].

Творческий процесс интерпретации обычно выстраивается следующим образом: автор и предмет; в зазоре между ними некоторое идеальное, эстетически возделанное пространство; автор трудится, пространство простирается, предмет претерпевает. Однако в этой полосе содержался и четвертый элемент – метод, бытие или небытие которого трудно доказать. Философы предлагали различные методы интерпретации. Так, немецкий ученый **Ф. Шлейермахер** еще в 20-х гг. XIX в. выдвинул идею о психологическом «*вживании*» в текст. В основе этой теории преимущество психики, а не разума. По М. Хайдеггеру, важную роль в процессе толкования играет слово, посредством которого и различаются фазы изучения текста. Возводя слово в ранг креативной силы и последней онтологической основы, он декламировал: «Не быть вещам, где слова нет» [10, с. 139–140].

Так или иначе, понимание достигалось, прежде всего, с помощью психологического метода. Исследователь, интерпретирующий текст, должен поставить себя на место создателя текста, т. е. того, кто породил мысль или свидетельство, которые следует постичь.

Заложенные Шлейермахером данные тенденции были развиты **Л. фон Ранке**. В акте понимания он выделял *чувствование себя и интуицию*. В процессе интерпретации сознание, интересы исследователя должны оттесняться для того, чтобы предмет исследования (текст) мог воздействовать на интерпретатора, а не наоборот.

В настоящее время герменевтика – это единственное направление в социогуманитарных науках, для которого главной является проблема *понимания* речевого факта. Герменевтика рассматривает понимание как условие социального бытия. При этом процесс понимания мыслится бесконечным, что воплощается в принципе герменевтического круга.

Основными положениями герменевтики являются принципиальная открытость интерпретации, неотделимость понимания текста от самопонимания интерпретатора, связь внутреннего смысла явлений духовной жизни с логикой развития и историческим контекстом культуры. «Понимающие» процедуры дополняют «объясняющие» и происходит постоянный диалог текстов, личностей, культур, ценностных установок [1, с. 18].

В *«Жизнеописании трубадуров»* средневековом памятнике рассказывается такая история [11, с. 61–63]. Однажды известный трубадур [ЭН] Раймон де Мираваль полюбил мадам Лобу де Буэйнавтьер. Лоба ради великой славы приняла его на куртуазную службу, обещая наслаждение по праву любви. Однако своим любовником она сделала графа де Фуа. Быстро пошли слухи об этом, и Мираваль, влюбленный в другую панну – маркизу Минервскую, все же был огорчен и попытался сочинить даже несколько невежливов памфлетов по этому случаю. Потом передумал и решил обмануть изменилицу, но хитрым приемом.

И начал трубадур защищать гордость Лобы, везде прикрывая ее связь с графом де Фуа. Лоба, наслышанная обо всем, раскаялась. Она позвала Раймона и отдалась ему. И как свидетельствуют «Жизнеописания», Мираваль с великой радостью принял от Лобы этот дар и долгое время получал от нее все, что хотел.

Интересным в этом случае было то, что автор зачастую с одобрением относится к обману трубадура своей госпожи. Несмотря на то что у него уже есть другой объект чувств, он все равно достигает своей цели, овладение Лобой, хотя ее уже не любит. А вначале Мираваль вообще думал опозорить ее в своих песнях (что часто происходило с другими трубадурами). В чем дело? Обычно такое поведение трактуется как признаки упадка куртуазии. На самом деле между этими поступками и куртуазией нет никаких противоречий, ибо куртуазия осуществлялась в формах и путях, присущими, во-первых, эпохе, а во-вторых, тому социальному кругу, к которому принадлежали рыцарь и его пани, по вассально-синьориальной схеме.

Средневековые – это эпоха, в которой каждый дар оплачивался по большому счету, отношения между людьми развивались по формуле: «Do ut des. Facio ut facies» (Даю, когда ты даешь. Делаю, когда ты делаешь). Таким образом, когда пани принимала ухаживания или услужение какого-нибудь трубадура или просто поклонника, он в свою очередь имел полное право ожидать вознаграждение от своей госпожи в соответствии с неписаными нормами куртуазной любви. Раймон де Мираваль самоотверженно служил своей пани и мог надеяться на честное вознаграждение. Когда же он был обманут, то принцип взаимности требовал от него обмана в ответ, что он и сделал.

Будучи смекалистым человеком, Мираваль обманом взял то, что принадлежало ему по праву любви. Такая хитрость была типичной. Чаще всего рыцарь бросал свою пани, как только начинал понимать, что не сможет ничего от нее добиться, и уходил к другой. Ошибочным стереотипом является мысль о том, что трубадур выбирал себе пани раз и на всю жизнь.

Появление лингвистики дискурса на смену лингвистики текста

Развитие лингвистики в последнем столетии шло индуктивным путем, когда знания накапливались от частного к общему. В фокусе ее внимания были вначале фонемы и морфемы, затем слово, словосочетание, предложение, высказывание и, наконец, текст. Все это, в свою очередь, подготовило почву не только для лингвистики текста, но и для лингвистики дискурса.

Бытийное определение природы текста неразрывно связано с подходом к его изучению. Дефиниций понятия «текст» оказалось столько же, сколько авторов работ, принадлежащих к данному направлению. Это обстоятельство позволит нам, не сопоставляя довольно противоречивые формулировки, предложить вариант дефиниции, по которому **текст – это «внешняя форма системной организации, содержащая сообщение о фрагменте мира, созданная по замыслу автора, обладающая семантическим, прагматическим единством, обработанная в соответствии со стилистическими нормами и функциями языка»** [11, с. 8].

Понимание текста как системы становится важнейшим методологическим принципом лингвистики XX в. Сложность текстовой системы заключается, прежде всего, в том, что она многослойна, складывается из ряда подсистем, вычленимых на основе, в первую очередь **структурного**, но также **системного принципов**. Под ним понимается «некоторая упорядоченность внутри каждого текста, соответствующего: а) логике коммуникации, целям и намерениям автора; б) логике отраженного в тексте мира; в) внутренней логике самого текста; г) законам знаковой системы» [12, с. 77].

Такой подход расколол научное общество на историков, придерживающихся традиционного мировоззрения, и философски ориентированных «новых» историков, например, деконструктивистов.

В мировоззрении традиционных историков тексты – это «некий порядок значений, в них заключенных, символических структур, выражений, движений... что составляет социально-культурную историю, тексты, которые могут быть представлены в форме рассказа, насыщенного повествования, т. е. такого текста, в котором дается как можно больше иерархий культурных значений, текста, открытого для дальнейших интерпретаций» [13, с. 63–64].

С точки зрения деконструктивистов тексту присущи стереотипы, аксиоматические категории, оценочные суждения, предрассудки.

В разных подходах к проблеме текста есть общие моменты.

Прежде всего, многое зависит от создателя текста (обычного письма, художественного произведения и т. п.). Естественно, любой создатель постарается, чтобы произведение дошло до сердца читателя, а не превратилось в «бессвязный набор иероглифов» [14, с. 129]. При этом личность читателя

тоже играет немаловажную роль. И не только потому, что читателей много, а еще и по той причине, что все они отличаются индивидуальными особенностями, которые ставят автора напрямую в зависимость. Иначе говоря, «читатель, сам того не ведая, является соавтором книги еще задолго до того, как она до него дойдет. Он живет с автором в часы колебаний, решений и борьбы. Автор ощущает на себе его взгляд, ждет его смеха или слез, готов отступить, если заметит у него гримасу нетерпения, недовольства, гнева» [15, с. 252].

В свою очередь, ситуация, когда историк работает с источником, всегда предполагает наличие определенного разрыва, несовпадения суждения автора источника и его современного восприятия. Интерпретация в данном случае – установление смысла, который вкладывает автор источника в свое произведение.

По этой причине важное значение приобретает сам факт понимания текста. От того, поймет ли его большее или меньшее число людей, кто и как поймет, зависят иногда судьбы отдельных народов, государств, человека. Очевидно, что понимание текста не самоцель, ибо в его содержании отражены действительные отношения вещей, имеющие значение для образа мыслей, поступков и намерений людей.

Понимание текстов неразрывно связано с сознанием читателя. Процесс их осмысления «смыкает» воедино то, что содержится в тексте и то, что происходит в сознании читающего. В свое время **К. Беккер** не без основания утверждал, что документы, свидетельствующие об исторических фактах, газеты, письма, дневники и т. д. существуют как листы бумаги, на которые нанесены чернила или типографская краска. Они оживают, когда к ним прикасается историк, когда их понимают [13, с. 163].

Историческое развитие любого народа или государства может рассматриваться и как внутреннее, естественное развитие (язык), и как итог разнообразных внешних влияний. Эти оба процесса тесно переплетены, и разделение их будет возможно лишь в исключительном случае. Можно утверждать, что в этом случае мы получаем текст как итог коллективной или индивидуальной деятельности.

При оглашении Манифеста об отмене крепостного права в населенных пунктах собиравшись десятки, сотни крестьян, сплоченных не каким-нибудь азартом, а общим интересом. Недовольство крестьян положениями Манифеста, которое вылилось в разгром помещичьих имений, свидетельствовало о том, что поляризация общественных сил обозначила себя со всей резкостью. Каждый крестьянин ощутил, что он причастен к той силе, которая свойственна группе. И эта сила в той обстановке острых социальных противоречий не могла не проявить себя как сила социальная.

Это значит, что нередко смысл текстов в реальной судьбе людей является не менее значим, чем смысл поступков. Тексты, в мир которых оказы-

вается погруженным человек, зачастую влияют на него сильнее, чем непосредственные факты его личного бытия. В силу того что человек деятелен как социальное существо, он осознает мотивы своей деятельности, ставит цели и достигает их. Более того, человек способен предвидеть социальный эффект такой деятельности, влияние ее результатов на социальное окружение, группу, на общество в целом. А это, в свою очередь, оказывает существенное результирующее влияние на поведение индивида.

Следовательно, понимание текста может одновременно дать и представление о последствиях, о том, чего в тексте не дано. Не случайно, понятие «текст» стали напрямую связывать с понятием «существование»: «заговорили» о тексте жизни. Это не просто метафора, а выход понятия «текст» за узкие для него феноменологические границы.

Вообще существует мнение, что мир, созданный природой, и есть текст, и важно прочесть сообщение, заключенное в нем. Этот текст может быть выражен в знаковой форме. Тогда он становится объектом лингвистического исследования, т. е. физического воздействия человека или поступка, который, в свою очередь, не может быть понят вне его возможного знакового выражения (мотива, цели, стимула, степени осознанности и др.). Именно поэтому для ученых, в частности историков, важны не только события, но и тип мышления людей, который обеспечивал существование и функционирование его выражения.

Таким образом, герменевтика и лингвистические методы имеют большое значение для изучения текста. При этом правомерно встает вопрос об их идентичности в интерпретации текста. В известном смысле утвердительный ответ на этот вопрос не лишен основания: задача герменевтики как и лингвистического подхода, это раскрытие целостности текста на его определенном срезе, определение специфичности текста. Однако если герменевтика, не отрицая социальной сущности текста, детерминирует его рамками научно-рационалистического толкования, то лингвистика исходит из принципиальной невозможности формально-логического определения природы текста.

Правда, это не означает противопоставления герменевтики и лингвистических методов. *Лингвистика занимается изучением природы текста, дополняя тем самым исследовательские усилия герменевтики, собственной задачей которой является интерпретация текста.* Такой комплексный подход расширяет арсенал средств исследования текстов, в частности нарративных источников по истории. Итак, в середине прошлого века в целях исследования текста как социального документа, возник дискурс-анализ, раскрывший возможности изучения содержания текста с опорой на так называемые малые выборки. В последнее время этот дискурс все более привлекает «продвинутых» историков.

Анализ дискурса как реконструкция социального контекста

Дискурс-анализ отличается, по крайней мере, двумя чертами. Во-первых, движение мысли в нем происходит в направлении «от прошлого к настоящему», и, наоборот, «от настоящего к прошлому» – в целях выяснения, почему сделаны такие-то высказывания именно в данный момент и здесь. В этом смысле он *сродни с ретроспекцией* (*обратитесь к соответствующему подразделу данных лекций*), хотя и касается лишь языкового общения. Во-вторых, дискурс-анализ воспринимается не просто как актуальное сообщение (информация о ситуации, постановке задач, об определении средств их решения и т. д.), а *как властное слово*. Он – форма реализации скрытых властных намерений. Власть, по М. Фуко, и есть сама суть речи, как и всего остального. **П. Бурдьё** отмечает, что «основной ставкой в политической игре является не только и даже не столько монополия использования объективных ресурсов политической власти (финансов, права, армии и т. п.), сколько монополия производства и распространения политических представлений и мнений» [16, с. 24].

В лингвистической методологии имеется немало подходов к дискурс-анализу и его использованию. По конечному продукту дискурс-анализа различают его критический и дескриптивный (синхронно описывающий) виды, а по выбору дискурс-категорий, объекта и предмета внимания исследователя, целям и задачам исследования – европейскую и американскую школы.

Характерной чертой критического дискурс-анализа является выявление в языке явных и неявных структурных отношений контроля, напора, господства. В этой связи особый интерес к дискурс-анализу появляется при анализе критических ситуаций в социально-политической жизни общества (например, начало Великой Отечественной войны: отступление Красной Армии, породившее известный хаос в стране). В таких моментах дискурс-анализ может помочь историкам на основе установления связи, возникшей в социальной жизни, критической обстановки с дискурсивными структурами проникнуть в глубину ситуации и убедиться в исключительной целесообразности (или, наоборот, опасности) предлагаемых для выхода из кризиса конкретных действий, мобилизующих массы. Дискурс-анализ – это нашедшее в научном мире, в том числе исторической науке, средство (метод) для установления весьма необходимого в научно-исследовательской работе диалога между аналитиками текстов-речей и их авторами. Этот контакт и предоставляет одну из возможностей «прочсть» нарративный исторический источник «между строк», найти в нем то, что скрыто от прямого наблюдения.

В дискурс-анализе исторических источников фигурируют три понятия: власть, история и идеология. Их не трудно усмотреть в предлагаемой

Е. Е. Чижевской структуре (этапах) дискурса, включающей(их): 1) дескриптивный анализ; 2) историко-контекстуальный анализ; 3) выбор критической перспективы и подхода; 4) анализ полученных результатов [17, с. 176–178]. Рассмотрим реализацию этих положений на примере дискурс-анализа речи И. В. Сталина, переданной по радио 3 июля 1941 г. (*текст речи см. в ч. 3 «Практика», 3-е занятие*).

При проведении этого анализа, предложенного белорусским лингвистом, используем следующие категории одной из американских школ дискурс-анализа:

- *цель* (посредством приемов лингвистики показать всю глубину массового влияния речи Сталина в один из критических моментов Великой Отечественной войны советского народа);

- *персона* (адресант, взявший на себя стратегическую роль);

- *стратегия* (искусство выстраивания речи, которое может варьироваться по разработанности и колебаться от бессознательного до высшей степени осознанного);

- *аудитория* (трудящиеся массы);

- *тон* (отенок голоса, показывающий отношение адресанта к проблеме и аудитории);

- *структура* (взаиморасположение и связь основных частей речи);

- *вспомогательный материал* (примеры, статистические данные, ссылки на авторитетные источники).

Выбор (малая выборка) данного текста (речи) был обусловлен тем обстоятельством, что эта речь положила начало утверждению новой идеологии, в которой делалась ставка на идеях патриотизма и народности. На такой оборот сталинской идеологии повлияли поражения Красной Армии уже в первые месяцы войны (если придется, воевать собирались только не на своей территории), многочисленные попытки врага дестабилизировать советский режим, используя политическое, национальное и социальное недовольство населения, безусловная необходимость воздействовать на патриотические чувства.

Целью речи ставилось рассеять сомнения, недовольство, тревогу в массах и мобилизовать народные силы, способные противостоять фашистскому нашествию:

«Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь Советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины поднимается весь советский народ» [18, с. 7, 15].

Отказавшись от слова «товарищ», звучавшее по-революционному и принятого в официальном обхождении, Сталин избрал традиционное обращение к народу, призывая к национальному единству: «Братья и сестры! Смертельная опасность нависла над Отечеством!» Уже в этом обращении и далее по всему тексту (стратегической линией) Сталин апеллирует к чувству патриотизма как средству преодоления разногласий в обществе.

На протяжении всего выступления Сталин формирует аудиторию, создает имидж, выгодный для него. Он дает аудитории почувствовать свою уникальность, ссылаясь на великий русский народ. Русские ценности, национальные и патриотические, с новой силой прозвучали в его устах:

«И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма».

«Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отомстить за каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу».

Далее Сталин предлагает своей аудитории *активную роль* в борьбе с врагом:

«Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу».

«Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым...».

Принятие активной роли означало обязательство активного участия в войне каждого отдельного человека, что являлось основной *задачей*, поставленной Сталиным. В дальнейшем именно личная инициатива каждого гражданина стала играть решающую роль в жизни воюющей страны. Наступило время частной инициативы каждой личности.

В дискурсе Сталина подчеркиваются положительные качества «Мы группы» и отрицательные качества «Они группы», т. е. используется *дискурсивная стратегия положительной саморепрезентации и диффамации* (опозорение) *врага*. Дискурс изобилует местоимением «Мы». Оно как бы объединяет лидера и аудиторию в одно целое.

Тон в данном дискурсе можно охарактеризовать как серьезный, обращение выдержано в простом и понятном стиле. Все это создает впечатление прямоты и откровенности.

Апелляция к таким чувствам, как патриотизм, создание привлекательной роли для аудитории, интимизация были основными стратегиями, которые наилучшим образом иллюстрируют, как Сталин риторически добивался поддержки народа. Упор на всенародное единство вокруг идеи Советской Родины стал устойчивым элементом идеологии военного периода. И он ... исчез с окончанием войны.

Не только вывод об этой идеологии расширяет наши знания войны. Дискурс Сталина позволяет глубоко проникнуться той большой опасностью, которая нависла над страной и которую важно осознавать всем и помнить всегда. Нам необходимо единство, строящееся на демократической основе, – во избежание больших потерь, понимание того, что решающую роль в жизни общества играет личность каждого человека, особенно лидера, в нашем случае это далеко незаурядная личность И. В. Сталина при всем его коварстве.

Библиографические ссылки

1. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2. Минск : БГУ, 2000.
2. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М. : Республика, 1993. 590 с.
3. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс, 1997. 406 с.
4. *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. 220 с.
5. Методология исторического познания и буржуазная наука. Казань, 1977.
6. *Шутова О. М.* На пути к Истории людей (Заметки по истории исторической мысли в конце XX века). Минск : ПолиБиг, 1999. 107 с.
7. *Андреева К. А.* Текст-нарратив: опыты структурно-семантической интерпретации. Тюмень : ТюмГУ, 1993. 110 с.
8. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / редк. : А. М. Прохоров (глав. ред.). М. : Сов. Энциклопедия, 1971. Т. 6: Газлифт – Гоголево. 1971. 624 с.
9. Герменевтика и музыковедение. М. : Информкультура, 1984.
10. *Сидорцов В. Н.* Методология исторического исследования (механизм творчества историка). Минск : БГУ, 2000.
11. Жизнеописание трубадуров / ред.-сост. М. Б. Мейлах. М. : Наука, 1993. 734 с.
12. *Маслова В. А.* Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Минск : Высшая школа, 1997. 156 с.
13. *Соколов А. К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1998/1999. М. : РОС-СПЭН, 1999. С. 39–76.
14. *Брудный А. А.* Психологическая герменевтика. М. : Лабиринт, 1998. 335 с.
15. *Парандовский Ф.* Алхимия слова. Петрарка. Король жизни. М. : Правда, 1985. 656 с.
16. *Бурдые П.* Социология политики. М. : Socio-Logo, 1993. 336 с.
17. Популярная интерпретация дискурс-анализа в обработке автора лекций дана в публикации: Е. Е. Чижевская. Критический дискурс-анализ в историческом исследовании // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып.5. Дискурс в современном гуманитарном знании. Сб. науч. трудов. Минск: Изд. центр БГУ, 2008.
18. *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. : ОГИЗ, 1944.

Лекция 10

МЕТОДЫ СЕМИОТИКИ, ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Если правое полушарие нашего головного мозга побуждает нас к образному, циклическому мышлению, то левое полушарие – к логическому, линейному мышлению. Важно обеспечивать гармоническое развитие обоих полушарий.

Искусствоведческий анализ необходим также в познании социальной истории. Он расширяет исследовательское поле, развивает мышление, позволяет глубже проникнуть в суть исторических явлений, повысить их значимость.

- ✦ Назначение семиотики.
- ✦ Порядок семиотического анализа.
- ✦ Применение семиотического подхода.
- ✦ Искусствоведческий анализ в социальной истории.

Назначение семиотики

Текст важно проанализировать и с позиции **семиотики** учения о знаках. Согласно этому учению в виде знака можно представить различные предметы и действия:

- *слово* (например, «Белоруссия» → «Беларусь»), предложение или весь текст;
- *визуальные предметы* (памятники, белое подвенечное платье, удостоверявшее чистоту и невинность невесты, знамя Победы и др.);
- *символы* (свастика и звезда, черный цвет одежды монаха как знак его отрешения от мира, катана в Японии как знак принадлежности к самураям, мундир и т. д.);
- *символы-фетиши* (при смене эпох одни из них подвергаются уничтожению/диффамации и утверждаются другие, как это было в 1917 г. и в связи с падением СССР);
- *ритуальные действия* («миропомазание», или «рукоположение» у священников, обмен кольцами как знак нового социально-правового статуса, револьвер от командира полка офицеру, опозорившему мундир полка, приказ застрелиться и др.).

Знак обозначает нечто находящееся вне системы, но его функционирование определяется правилами системы [1, с. 29]. Простейший при-

мер такой системы – шахматы: их фигуры, символизирующие знаки, могут быть любой формы и называться по-разному. Однако их значимость определяется правилами игры. Знак, таким образом, имеет двойственный смысл: понятие знака как формы и понятие знака как языка (системы).

Для знаковой системы характерна некая *запрограммированность*. Наиболее ярко это проявляется при рассмотрении умственного развития человека. Под влиянием этого развития складывается особый, неповторимый психологический тип каждого человека: он приобретает индивидуальный характер. В исторической науке наиболее показательным может быть процесс становления и развития знаковой системы вообще, например, решение проблемы выработки и определения понятия числа.

Экономическое и политическое развитие требовало появления счета в самых простых повседневных делах. Однако на первых порах вместо абстрактного оперирования числами использовался счет в действии. Естественно, что люди, не владея числами, должны были регулировать количество при помощи «образов» зарубок или нарезок на деревянных изделиях, глиняных табличках и т. п. И лишь на более поздней стадии человечество изобрело системы (римскую, арабскую) записи чисел и манипуляции с ними. Характерно, что обе системы взаимодействуют и поныне: старая система (в нашем случае, римское обозначение чисел) продолжает действовать на каком-то определенном уровне, а новая (арабская числовая система) как бы надстраивается над старой. Другим примером такой надстройки может быть реалистический рисунок и появившаяся позднее фотография.

В научной литературе за такими визуальными знаками закрепилось название иконических знаков, т. е. тех, которые обозначают репродукцию объекта. Вследствие своей схожести с изображаемым они понятны всем категориям пользователей, не умеющим читать или не знающим языка страны, где они находятся (например, дорожные знаки).

Так или иначе, это касается и знаковой системы жестов, которые сопровождают нашу речь и несут чисто эмоциональную нагрузку, выражая радость, боль, горе, печаль и др. При частых повторях в определенной ситуации они получают статус принятого в данном обществе символа.

Современные исследователи исходят из того, что существует некая особая коммуникативная форма существования общества, для которой характерны непрерывность пространства, образуемого системой знаковых средств. В отличие от привычного представления об отдельности знаковых систем популярным стал тезис, что в изолированном виде функционально однозначные семиотические образования, например, собственно язык и разные искусства, не существуют и что вычленение их из общей сферы возможно лишь в целях анализа [2, с. 61].

Понятие «*вычленение*» указывает только на самостоятельность данной семиосферы относительно иных семиотических пространств. Так, семио-

сфера европейской культуры дифференцируется от семиосферы Востока. Отсюда следует понятие однородности и индивидуальности, которые позволяют говорить о национальном характере семиосферы.

Сама по себе семиосфера может быть неравномерно организованной, когда ее центральная часть воздействует на периферию столь активно, что следует говорить о своеобразной экспансии. Наглядно это видно на примере языка как средства общения и основы культуры, в частности языка в современной Беларуси, где город говорит по-русски, а деревня является белорусскоязычной.

Здесь сложилась уникальная языковая (семиотическая) ситуация, когда язык определяет восприятие тех или иных фактов в соответствующем историко-культурном контексте [3, с. 10]. С одной стороны, функциональные возможности действующих двух государственных языков далеко не одинаковы – терминологическая и стилистическая системы белорусского языка не равны соответствующим системам русского; с другой – их относительное генетическое родство обеспечивает взаимопонимание русскоязычного и белорусскоязычного гражданина во всех сферах общения, вплоть до научной. Имеющиеся различия, например, в лексическом составе, ведут к расхождениям в дифференциации лексики применительно к сферам ее функционирования. То, что для россиянина означает только номинацию, для белоруса сопровождается коннотацией (мэр, губернатор), а то, что для белоруса представляет номинацию (облисполком), для россиянина стало историзмом.

Само собой разумеется, что подобные расхождения сказываются на продуцировании и восприятии текстов на обоих языках. Поэтому важную роль играет историческое сознание, предполагающее семиозис. Под последним подразумевается процесс, в котором «нечто» функционирует как знак [4, с. 46].

Семиотическое представление истории должно основываться не только на семиотике языка, но и на семиотике знака, т. е. той области науки, для которой первичным является понятие знака, тогда как понятие языка (системы знаков) выступает как более сложное и производное.

В более узком смысле *семиозис* в истории – это превращение образных, обыденных событий в события исторические, являющиеся объектом исторического анализа. При этом они могут выстраиваться в линейный ряд и организовываться в текст, прочитываемый в перспективе настоящего. Так образуется исторический опыт, который включает не только реальные знания, постепенно откладывающиеся, но и причинно-следственные связи. При отсутствии последних историческое описание превращается в простую хронологическую или генеалогическую последовательность.

Предмет семиотики это не что иное, как отношения между человеком и миром. Эвристическая ценность семиотики состоит не только в осуще-

ствимости с единой точки зрения рассматривать разные знаковые системы, но и в возможности обнаружить знаковый характер различных ситуаций в человеческом обществе и тем самым увидеть наиболее важный аспект этих ситуаций. По своей природе семиотический аспект никогда не исчерпывает природы изучаемых явлений, но позволяет увидеть существенные структуры в изучаемых знаковых системах.

Порядок семиотического анализа

Все исторические источники, используемые в исследовании, носят знаковый характер. Письменные источники состоят из знаков письменного языка (алфавита), изобразительные источники из знаков языка искусства (фон, светотень, перспектива), материальные являются символами технологии, инженерной мысли. Важную информацию о прошлом могут дать церемониальные образные системы, к которым относятся обряды религиозных культов, шествия, демонстрации, турниры и состязания, праздники и связанные с ними церемонии, четко структурированные и построенные на национально-культурной символике визуальной либо языковой и т. д. Главная проблема их семиотического толкования это установление соотношения языка и реального мира, который лежит за пределами языка и проходит через язык, наполняясь содержанием, смыслом и образуя текст, по которому мы можем судить о предыдущей эпохе.

Исследователь должен использовать достижения семиотики в историко-кведческом анализе. *Анализ осуществляется по следующей схеме:*

- *вычленение знаков* в поле исторического исследования;
- *разделение знаков и «означаемого» значения* знаков;
- *изучение способов кодировки* и перекодировки знаков, т. е. присвоения им смысла или замена одного смысла другим;
- *складывание из знаков нового исторического построения* (гипотезы, монографии, статьи) и присваивание ему определенного смысла, посредством которого интерпретируется текст.

Например, при анализе слов Святослава о перенесении столицы в Переяславец на Дунае (Болгария), т. е. «яко то есть середя в земли моей, яко ту все блага сходятся», выявляются два смысла:

1. Агрессивность замыслов Святослава – создание нового языческого государства с центром в Переяславце. Здесь срабатывает семиотический код, когда существующее (Киевская земля) объявляется несуществующим, а то, что должно появиться (Переяславская империя) единственным истинно существующим.

2. Ольга была болгаркой из Плескова (Плиска). Следовательно, Святослав, ее сын, один из полновластных претендентов на болгарский престол (болгарские историки) [4, с. 46].

Другой пример. Известный средневековый литературный памятник *«Жизнеописание трубадуров»* [5, с. 181] подробно рассказывает про куртуазное поведение провансальных трубадуров. Зачастую трубадур, поступающий на куртуазные службы к пани, получал поцелуй, который, бесспорно можно определить как символическое действие. Знак, на первый взгляд, кажется романтическим, символом куртуазной любви. Проанализировав с помощью герменевтики все стадии куртуазного ухаживания трубадура за пани, очевидно, что поцелуй между субъектами куртуазной любви своим прототипом имеет другой поцелуй, который закрепил феодальный контракт между сеньором и его вассалом. В результате нет оснований считать его романтически окрашенным знаком.

Применение семиотического подхода

Методы семиотики, как правило, используются в таких отраслях исторической науки, как:

1. **Источниковедение:** а) на фазе интерпретации текста письменного источника (в сочетании с процедурами герменевтики); б) при интерпретации изобразительных источников (картин, гравюр, литографии и т. д.) или символов, которые встречаются в письменных, изобразительных или на вещественных источниках. Применение методов семиотики помогает понять знаковый характер источников, правильно истолковать их смысл.

2. **Геральдика** – наука о гербах. Методы семиотики позволяют раскрыть смысл изображения на гербе. Так, например, герб Великого княжества Литовского «Погоня», который «измыслил» себе князь Витень в 1291 г., представляет собой вооруженного всадника с занесенным мечом и щитом, на котором изображен не совсем христианский шестиконечный крест («крест Яриль»). В общеземском привилее Ягайлы от 20 февраля 1387 г. раскрывается смысл названия герба *«Погоня»*. Это народный обычай преследования врага всеми вооруженными мужчинами. В данном случае семиотик фиксирует несовпадение значения изображения («копную рыцаря») и смысла термина (преследование врага всеми, в том числе пешими и плохо вооруженными воинами), что может быть объяснено заимствованием изображения герба у тех же немецких рыцарей. По этому поводу следует отметить, что во время Грюнвальдской битвы 15 июля 1410 г. против войск Тевтонского ордена были выставлены хоругви литовцев с громадными дубинами, одетых в медвежьи шкуры и с медвежьими черепами на головах, как об этом писал краковский каноник Ян Длугош.

3. **Историческая психология**, в т. ч. **психоистория**. Здесь в качестве знаков выступают поведенческие реакции людей. Стремление простых людей прикоснуться к французским королям (знак) объясняется другим знаком – французские короли, по убеждению средневековых людей, получали власть от Бога и были способны исцелять от некоторых болезней,

например, золотухи (об этом лидер французской школы «Анналов» М. Блок написал книгу «Короли-целители»). Образцом для подражания был знак, взятый прямо из Евангелия, в котором говорится, что Христос своими прикосновениями лечит страшные заболевания.

Сферой интереса представителей исторической психологии может быть «язык жестов», каждый из которых можно интерпретировать как знак. Например, Иван III бросил на землю и затоптал грамоту золотоордынского хана Ахмета в присутствии его послов, что символизировало разрыв в 1480 г. вассальных отношений с Золотой Ордой. Анна Иоанновна в 1730 г. надорвала кондиции (договор с Верховным тайным советом), что символизировало победу принципа самодержавия над принципом дворянской олигархии. Когда в 1700 г. под Нарвой некоторые офицеры русской армии (иностранцы по происхождению) попали в плен к Карлу XII, они, символизируя сдачу, отдали шведскому королю свои шпаги; те же из русских офицеров, которые не желали лишиться чести, ломали свои шпаги о колено.

Возможно психолингвистическое конструирование текста, нацеленное на получение модели зарождения и восприятия речевых высказываний (7, с. 114–118).

4. *История культуры* (культурология), которая в семиотике представляется как система знаков чистых фикций, имеющих значение, устанавливаемое в результате конвенции (договора) между людьми. Так, символами победы являются: статуя Ники Самофракийской, установленная в Лувре; иконы Христа Пантократьера; изображения современных кинозвезд (А. Шварцнегера, Д. Лундгрена, Жака Клода Ван Дамма, Брюса Ли) или звезд спорта (М. Тайсона, М. Джордана) и т. д.

5. *Преподавание истории*. Проблемой приобретения знаний в целом и исторических знаний в частности в условиях бурного роста информации все более актуальным становится поиск средств их представления как в научном мире, так и в образовательной среде. Соискатели диссертаций стремятся охватить как можно больший объем источников и литературы. Их перечень в кандидатских диссертациях доходит до 400 наименований, хотя только на 1/3 из них имеются ссылки в основной части текста диссертаций.

Остро стоит эта проблема в школьном образовании. Идут усиленные поиски ее решения. В Академии последипломного образования (АПО) в этом направлении разрабатываются дидактические модели, «умные» карты, соответствующие сценарии уроков. В Центре развития инновационного образования АПО А. И. Добриневской создан компьютерный семинар «Инновационные технологии инновационным школам», в основу которого положены когнитивные модели Н. И. Миницкого [6]. Представление его материала тесно связано с семиотической системой, только что рассмот-

ренной нами. (Попробуем установить такую связь с представленной далее информацией.)

В семинаре представлена многомерная дидактическая технология (МДТ). Это есть технология:

- наглядного системного и последовательного представления;
- логичного представления;
- восприятия, переработки, усвоения, запоминания учебного материала;
- воспроизведения и применения учебной информации;
- развития интеллекта, связной речи;
- системного мышления и всех видов памяти человека [7].

МДТ вводится в действие инструментарием в виде «умной карты», логико-смысловых моделей и других средств. Исходными позициями такого представления являются две позиции:

1. Люди способны вспоминать лишь 20 % из того, что прочитали; 30 % из того, что услышали; 40 % из того, что увидели; 50 % из того, что сказали; 60 % из того, что сделали; 90 % из того, что услышали, увидели, сказали, сделали.

Из этих показателей памяти в качестве отправного показателя, естественно, берется последний, требующий творческого, системного и многомерного, подхода, что проиллюстрировано на рис. 2.

2. При совершении творческих действий интеллекту необходима полная свобода, гармоничное развитие обеих полушарий головного мозга. Эту потребность, о которой мы уже говорили, доказал нобелевский лауреат американский психолог и нейрофизиолог **Р. У. Сперри**.

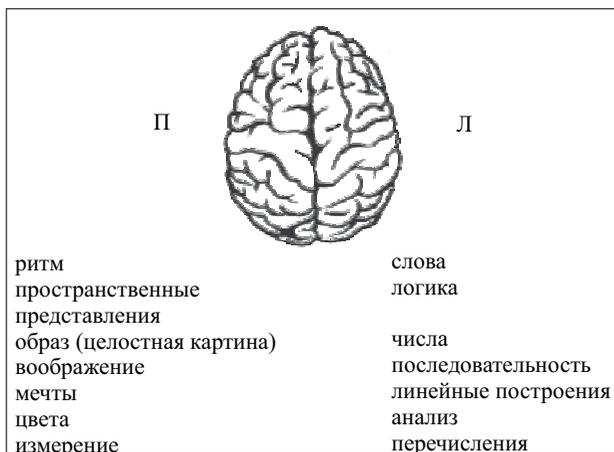

Рис. 2. Два полушария мозга (вид спереди) и преобладающие в них процессы

При этом мы должны учитывать тот или иной вид человеческого интеллекта. Открыто **7 типов интеллекта человека**. Вот они (с названием имен их носителей):

1. Логико-математический (Н. Ньютон, М. Кюри);
2. Словесно-лингвистический (У Шекспир, А. Чехов);
3. Пространственно-механический (Микеланджело);
4. Физический (Мухаммед Али, Ольга Корбут);
5. Межличностно-социальный (мать Тереза);
6. Музыкальный интеллект (Моцарт, Бах);
7. Внутрличностный, духовный (Н. Мандела, М. Ганд).

Интеллекту свойственны те или иные принципы мышления. **Леонардо да Винчи**, например, выделял **7 основополагающих принципов мышления**:

- ненасытно-любопытный подход к жизни, неустанный поиск и неистребимая жажда учения;
- глубоко укоренившаяся привычка проверять свои знания реальным опытом жизни, настойчивость и готовность учиться на собственных ошибках;
- постоянное совершенствование органов чувств, особенно зрения, с целью достичь большей свежести и непосредственности нашего чувственного опыта;
- готовность безропотно принять всяческую неопределенность, что означает парадоксальность и двойственность;
- стремление уравновесить науку и искусство, логику и воображение, т. е. обладать целостным мышлением, основанном на гармоничном и сбалансированном взаимодействии обеих полушарий;
- влечение к правильной осанке, способность свободно действовать двумя руками, физическая выносливость и умение владеть своим телом;
- глубокое осознание взаимосвязи всех вещей и явлений, характерное для системного мышления.

Сегодня гарднеровская (**Г. Гарднера**) теория множественности интеллектов является общепризнанной во всем мире (подумайте, что может дать Вам такая информация?).

На основе вышесказанного и опыта преподавания истории и других гуманитарных наук, а также с учетом потребностей сегодняшнего дня и были разработаны различные **когнитивные карты** (их «советское» название – **структурно-логические схемы – СЛС**). Они описаны в ряде работ **Н. И. Миницкого**, в том числе в его докторской монографии [7]. Это так называемые **карты памяти** («**умные карты**», как окрестили их учителя, что вполне приемлемо для учащихся).

Карта памяти простой и наиболее эффективный способ организации мыслительной деятельности в условиях постоянного нарастания информации и возникшей проблемы ее усвоения.

Рис. 3. Два первых уровня карты «Методология истории»

На рис. 3 показаны два первых уровня карты, отражающей сущность учебной дисциплины «Методология истории» (разделы и подразделы, т. е. базовые элементы, с которых начинается раскрытие курса). Третий уровень предполагает представление ключевых слов их содержательного наполнения.

Карты памяти применимы ко всем случаям жизни. **Они помогают:**

- развить творческий потенциал;
- сэкономить время;
- решить проблемы;
- сконцентрироваться;
- упорядочить мысли;
- уверенно сдавать экзамены;
- улучшить память;
- быстро и эффективно усваивать новые знания;
- учиться без напряжения и с удовлетворением;
- владеть ситуацией в целом;
- спланировать день, неделю, год, жизнь;
- эффективно общаться;
- выжить в современном мире с его высокими ритмами и требованиями;
- отказаться от «толстых» конспектов и записных книжек.

Научным основанием для карты является особенность функционирования нашего мозга. Он работает одновременно во всех направлениях, с образами, от которых во все стороны расходятся ассоциативные связи (рис. 4). Реакция мозга на слова выражается в образах и ассоциациях, которые образуют трехмерную картинку.

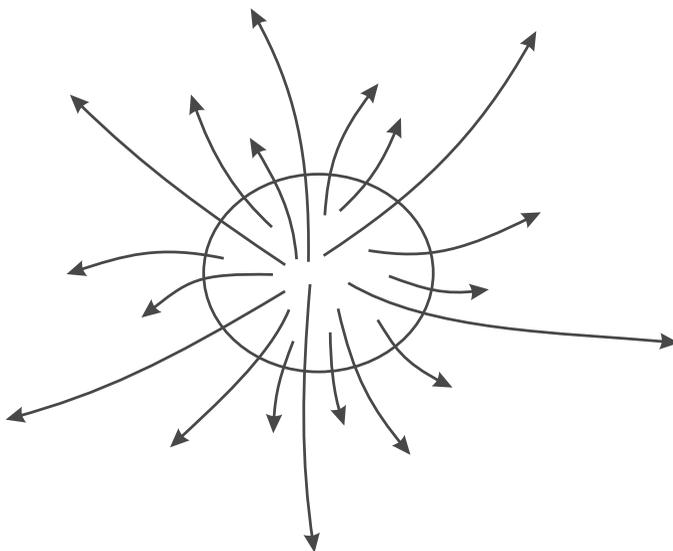

Рис. 4. Особенность функционирования головного мозга

Примером карты с высокой степенью образности значения и запоминания может быть развернутая карта нашего курса методологии истории, как научной и учебной дисциплины. На рис. 5 представлен ее возможный вариант.

Подобные карты могут быть полезны в нашей деятельности, требующей участия памяти и мышления, планирования и творчества, а именно:

- при подготовке речей;
- при составлении эссе типа экзаменационной работы, сочинений и т. д.;
- при проведении встреч и бесед;
- для ведения записей;
- для генерирования идей;
- для планирования;
- для обучения.

При разработке карты следует руководствоваться следующими «законами картографии памяти»:

- начинать с цветного изображения в середине;
- **наносить знаки (рисунки) по всей карте;**
- **слова писать печатными буквами;**
- каждое слово писать возле линии, а каждую линию соединить с другой линией;
- слова должны быть единичными;
- использовать различные цвета.

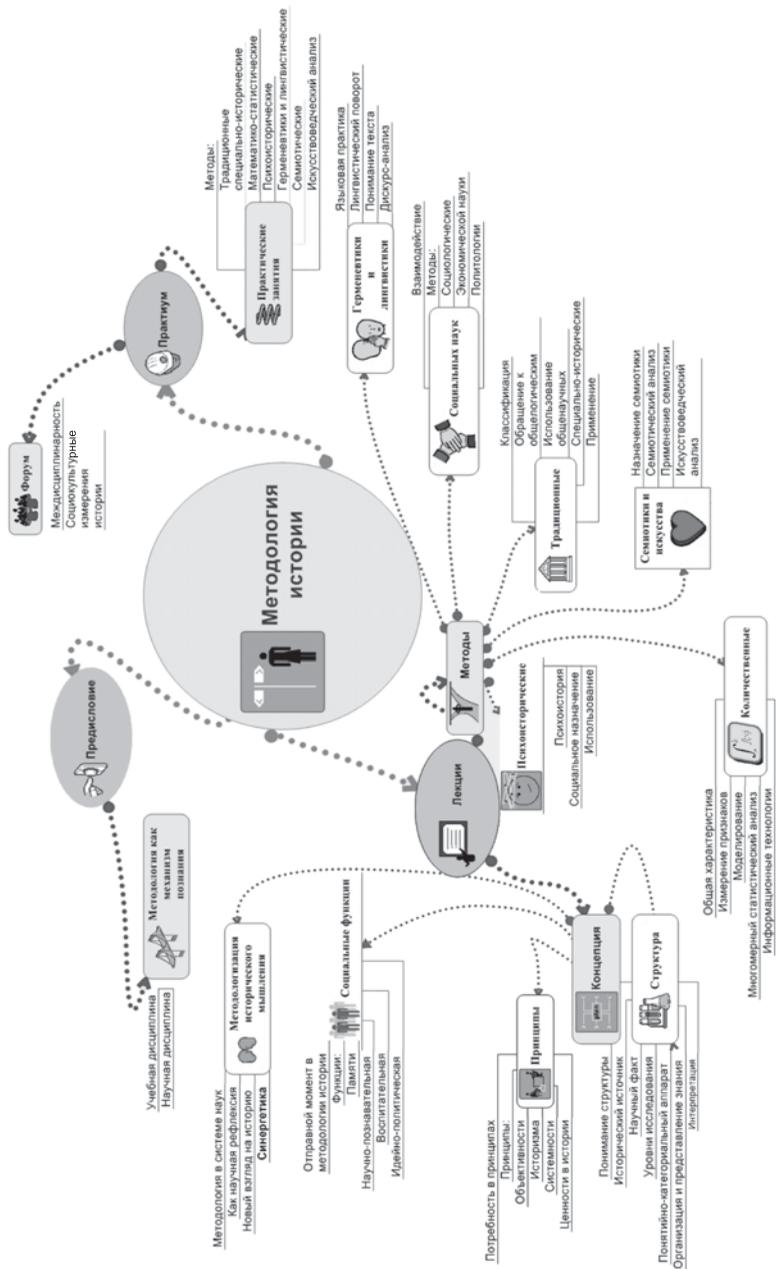

Рис. 5. Карта познания истории

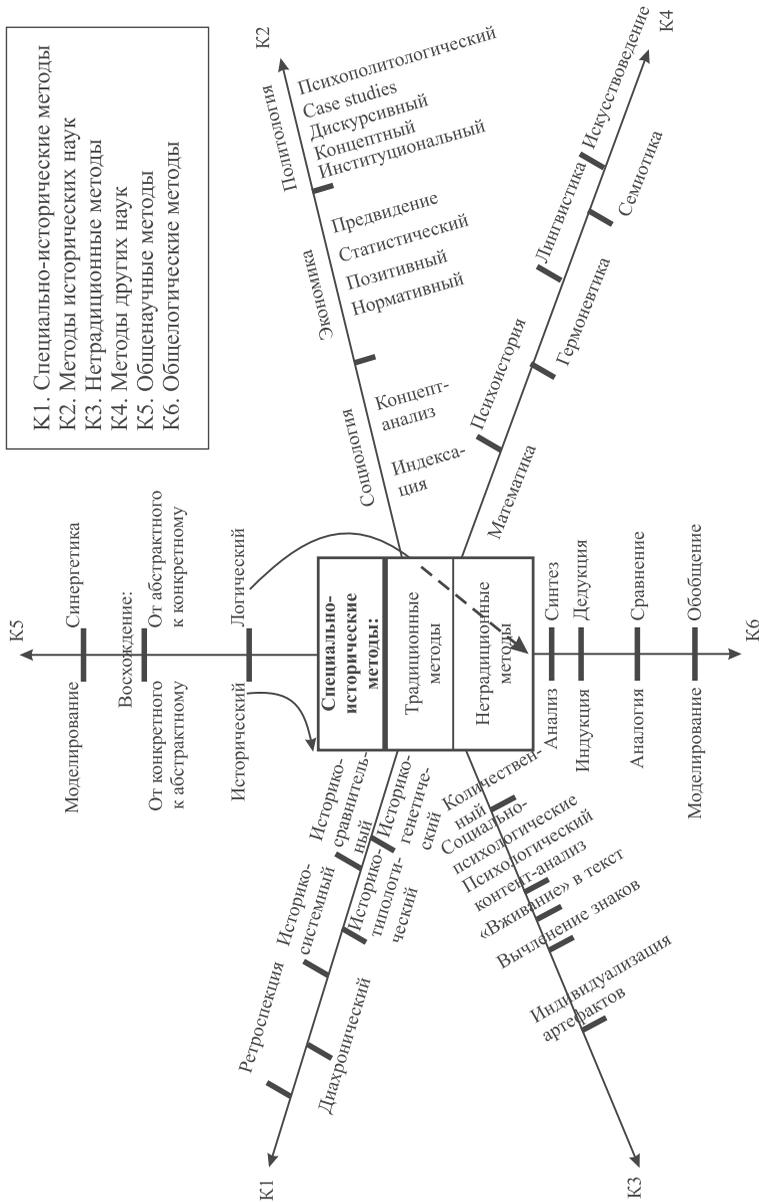

Рис. 6. Модель методов исторического познания

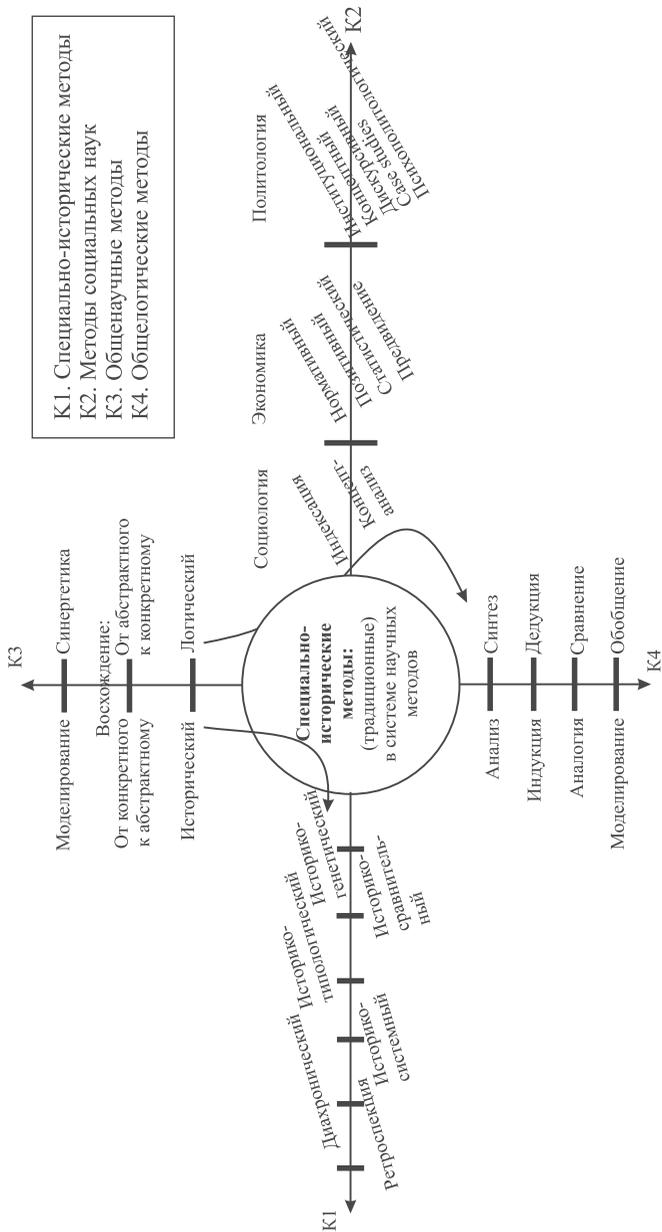

Рис. 7. Пошаговое конструирование методов познания истории

На основе **карт памяти** целесообразно и легко создавать **когнитивные модели**, последовательно заполняемые студентом (преподавателем, учащимся) по ходу представления (объяснения, уяснения) изучаемого объекта. Их образец представлен на рис. 6:

Изучающим методологию истории предлагаем пошаговым образом, последовательно заполнить «лучи»: К1, К2, К3, К4 (1-й уровень), К5, К6, К5 (последующие уровни).

В условиях явного дефицита времени при обилии изучаемого материала целесообразно прибегнуть к идее МСА, смысл которого, как мы уже отмечали ранее, состоит в сжатии информации.

У заочников, как известно, почасовой фонд аудиторных занятий составляет 1/3 по отношению к студентам дневного отделения. Значит, на темы по методам исторического познания мы должны отпустить не более 4 часов. Руководствуясь таким подходом, мы определяем две темы, охватывающие все вопросы раздела о методах (рис. 7): 1) *Традиционные методы исторического познания в системе научных методов*; 2) *Нетрадиционные методы исторического познания в системе научных методов*.

Структура первой лекции будет состоять из: а) анализа динамического ряда основных традиционных методов (историко-генетического, – сравнительно-типологического, системного, диахронического и ретроспекции) [*К1*]; б) обращения к общенаучным методам, на основе которых и с учетом специфики истории сложились специально-исторические методы, к общелогическим (исторический/исторические и логический/общелогические) [*К3– К1– К4*], а затем к методам восхождения от конкретного к абстрактному и восхождения от абстрактного к конкретному [вновь к *К3*]; в) учета взаимодействия истории и социальных наук (социологии – контент-анализ и, возможно, индексации; политологии – институциональный метод и, возможно, *case-study*; экономической науки – методы позитивный и нормативный и др [*К2*].

Структура второй лекции – аналогична.

Искусствоведческий анализ в социальной истории

Произведение искусства в теории называют **артефактом**. В конечном счете артефакт – цель процесса созидания. Его результат не обязательно должен быть тем, что можно назвать только воображаемой вещью. Беспорядки, дебош и др. вообще не сотворятся, пока они не устроены как вещи, присутствующие в реальном мире. Однако произведение искусства может быть уже сотворено как вещь в сознании художника.

Когда речь идет о создании артефакта, имеется в виду его собственное создание. Если, например, инженер говорит, что построил мост, имеется в виду то, что он строил его по определенному плану, существовавшему в его сознании. Создание плана моста это еще не наложение определенной формы на какой-то материал, это создание, которое ничего не преобразует, т. е.

творчество. Такое созидание обладает и другими специфическими чертами. Дело в том, что творчество не служит средством достижения цели, поскольку человек может создавать планы без намерения воплотить их в реальность.

Таким образом, созидание артефакта, или произведения искусства, состоит из двух этапов: а) создание плана, который представляет собой *творчество*; б) наложение этого плана на определенный материал, что является изготовлением, т. е. *материализацией*. Когда же мы говорим о произведении искусства, то обычно понимаем под ним нечто реальное, вызывающее особую эмоциональную реакцию аудитории [6, с. 130].

При интерпретации произведения искусства необходимо убедиться, находится ли оно в том состоянии, в каком вышло из рук своего творца. Если нет, произведение должно анализироваться как находящееся в своем первоначальном состоянии, т. е. в воображении. Хорошо, если оно реставрировано.

Интерпретация произведения должна указывать на нечто его неповторимое, *индивидуальное*, а не констатировать как экземпляр некоего семейства. Процесс индивидуализации включает в себя и сравнение. Не выходя за пределы произведения, он все-таки предполагает взгляд и на другие, но сходные предметы. При этом главным условием является сходство с другой структурой в целом, что позволяет выбрать одно из нескольких произведений. Критерием отбора является ценностная перспектива необходимости данного произведения. «*Необходимость* – это высшее, что может быть сказано о картине, ведь она свидетельствует о том немаловажном, что позволяет развивать игру художественных средств, изобразительного ритма в полном соответствии с темой изображения. Она обозначает совершенную концентрацию на одной мысли, оживляющей всю картину равномерно» [8, с. 127].

Считается и это очень важно в нашем случае, что произведение искусства является не только иллюстрацией уже открытого через текст знания, но и обладает своей *информативной ценностью*. Это очень справедливо для таких специфических источников, как фотография или кинофильм. Важность фотографии, например, показали современные немецкие исследователи при изучении периода 20–30-х гг. XX в. [9, с. 84].

Как вид источника произведения искусства и визуальные объекты можно рассматривать в различных аспектах. В аспекте реального искусства, скажем, на примере одежды. Исследователи Института реального искусства средневековья Австрийской академии наук установили, что уже в XIII в. молодые люди одевались в соответствии с модой. А в позднем средневековье одевание пожилых и молодых королей было весьма различным: первые предпочитали длинные, достающие до пола платья, у вторых же, наоборот, популярностью пользовались плотно облегающие чулочные брюки или короткие платья [8, с. 85].

С точки зрения иконографического аспекта все эти объекты должны рассматриваться с использованием письменного источника. Так, исследуя проблему жизни и смерти в XVI–XVIII вв., немецкий антрополог А. Кройкс

анализировала как тестаменты (завещания), так и репрезентации вечного покоя (памятники, могильные плиты, склепы, подсвечники, триумфальные арки и др.). Такой подход позволил ученой изучить, с одной стороны, процесс демографии, голода и смерти, с другой – прийти к выводу, что в XVI в. существовавшие ранее народные представления о смерти и дьяволе были полностью вытеснены церковными [8, с. 85–86].

В семиотическом аспекте для произведений искусства и визуальных объектов характерны *синтаксис* (стиль, форма), *семантика* (содержание) и *прагматика* (социальная функция). Причем все три связаны воедино. С помощью форм и стилей мозаики на серебряных сундуках и других предметах Древнего Рима, например, немецкий археолог **Л. Шнейдер** не только показал хозяйственные формы римского домена, но и раскрыл образ жизни, представления имущих классов [10, с. 91].

Таким образом, произведения искусства и визуальные объекты уже представляются как исторические источники. Однако в любом случае они не автоматически раскрывают следы исторической деятельности. Поэтому исследование должно реконструктивно объединить отдельные элементы в единую сеть их взаимосвязей. Одной из таких сетей может быть, например, база данных, созданная сотрудниками вышеупомянутого австрийского института с указателями таких объектов, как одежда, мебель, предметы повседневного обихода.

В качестве исторического источника попробуем представить памятники культового зодчества XIX в. На территории Беларуси отправными положениями в этой попытке были следующие:

Возможность использования произведений архитектуры в качестве исторических источников исходит из понимания искусства как специфической формы отражения действительности. Здания и сооружения являются носителями социальной информации, так как возникают в процессе отражательно-информационной деятельности людей и представляют собой накопление, хранение и передачу информации. Их специфическая черта как исторических источников заключается в наличии художественно-образительных средств, которыми «кодируется» социальная информация.

Первичная информация об архитектурном объекте поступает во время его визуального анализа: вначале здание воспринимается в целом, а затем его составные части, в т. ч. главный, боковые и задний фасады, портики, фронтоны и всевозможный внешний и внутренний декор.

Основная информация извлекается из памятника, во-первых, как культурной ценности и, во-вторых, как документальном свидетельстве событий, характеризующих социально-политическое положение государства, его политику. Форма и средства выражения произведения являются производными от его назначения, времени и места строительства.

Наличие в первой трети XIX в. в Беларуси различных храмов и монастырей свидетельствует о существовании здесь православной, католической и

униатской конфессий. Соотношение в количестве католических и православных строений, возведенных до 1830 г. И дошедших до настоящего времени, было примерно равным: 13 православных и 12 католических. Большинство православных церквей построено в центральной и восточной части Беларуси и лишь две в западной – Петропавловская церковь в г. П. Шерешево Пружанского района (1824) и церковь Рождества Богородицы в д. Дубое Пинского района (1811). Католические костелы строились главным образом в западной части Беларуси. Исключение составляют фарный костел в г. Могилеве (1810) и костел Казимира в д. Расна Горецкого района. В православном и католическом строительстве использовались классицистические традиции.

Можно предположить, что господствовавший в то время стиль носил прогрессивные черты, так как воспринимался всеми без исключения. Кроме того, использование одного и того же стиля могло указывать и на взаимную лояльность конфессий по отношению друг к другу, пусть даже чисто внешнюю и временную.

Классицизм внедрялся как государственная доктрина. Он шел с востока на запад. С другой стороны, католики, воспринимая идеи русского классицизма, проникали на восток, например, в Могилевскую губернию. Однако основным было продвижение православия на запад, причем не быстро, чтобы не вызывать сопротивления католического большинства. Классицизм делал храмы похожими друг на друга, и при соответствующей политике это вполне могло служить делу обращения католиков в православие. Этому могло способствовать и сохранение в западных районах черт барокко.

С 1830 г. наблюдаются значительные изменения в архитектурной стилистике храмов. Количество культовых построек в стиле классицизма заметно уменьшается, все чаще применяется *готический стиль* в костельном строительстве и распространяется *русско-византийский* стиль. Последний становится обязательным в православном строительстве: церковь Марии Магдалины в Минске (1847), Спасо-Преображенская церковь в д. Деречин Зельвенского района (середина XIX в.), Покровская церковь в д. Кищицы Шкловского района (1845), Петропавловская церковь в г. Узда (1840).

Период 30–40-х гг. XIX в. можно считать переломным. Для него характерно «затухание» классицизма в православном строительстве и продвижение на запад традиций древнего русского зодчества, сохранение классицизма в костельном строительстве и появление «готики» преимущественно в западных и северо-западных районах Беларуси. Внедрение традиций русско-византийского зодчества и постепенное упразднение униатской церкви явились одним из последствий подавления восстания 1830–1831 гг. [11].

Во второй половине XIX в. строительство православных храмов в количественном отношении превалирует над строительством католических. **Соборы распространяются по всей территории Беларуси**, а в конце XIX в. начинают доминировать в западных районах. Утверждается «готика».

Культовые объекты, особенно после подавления восстания 1863–1864 гг., становятся центрами идеологической борьбы. В условиях ликвидации униатской церкви обострилось соперничество двух конфессий православных и католиков. В борьбе использовалось и внешнее убранство храмов, посредством которого можно было либо увеличить либо уменьшить число прихожан. В этом плане *неназойливость православных* храмов была неслучайной: она противопоставлялась католической помпезности, чтобы убедить подданных в веротерпимости.

Господствующая церковь предпочитала действовать *методом убеждения*, а не насилия. Ее наступление проводилось не в такой грубой форме, как представляется, а в стиле обычной государственной практики того времени.

Введение в социально-историческое исследование визуальных источников и искусствоведческого анализа обогащает имеющиеся представления об исторических событиях и явлениях, расширяет сферу их обозрения и уточняет их место в социальной эволюции. В приведенном примере о памятниках культового зодчества XIX в. в Беларуси это может касаться восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. и политики царизма.

Искусствоведческий анализ – неременный атрибут музееведов, однако игнорируемый социальными историками. И напрасно его использование, как мы убедились, расширяет поле социальных исследований, усиливает их значение, навевает новые мысли и прочее.

Библиографические ссылки

1. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М. : Молодая гвардия, 1995. 352 с.
2. Лотман Ю. М. О семиосфере // Избр. ст.: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 11–24.
3. Успенский Б. А. Семиотика истории, семиотика культуры. М. : Гнозис, 1994. Т. 1. 432 с.
4. Семиотика. Общие вопросы: Хрестоматия. Минск : МГЛУ, 1995. 85 с.
5. Жизнеописание трубадуров / ред.-сост. М. Б. Мейлах. М. : Наука, 1993. 734 с.
6. Добриневская А. И. Многомерная дидактическая технология. Семинар. Минск : АПО, сайт.
7. Минуцкий Н. И. Методы построения научного и образовательного исторического знания: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Минск, 2007. 233 л.
8. Коллингвуд Р. Дж. Принципы искусства. М. : Языки русской культуры, 1999. 352 с.
9. Зельмайр Х. Искусство и истина. М. : Аксиома: Наследников, 1999. 272 с.
10. Talkenberger H. Historische Erkenntnis durch Bilder / Geschichte. Ein Grudkurs. Reinbek. 1998.
11. Архітэктурa Беларусі: Энцыклапедычны даведнік. Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 1993.

Лекция 11 _

МЕТОДОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

Историк должен профессионально владеть теорией, методологией и методами научного познания не только исторической науки, но и тех наук, которые специально изучают исследуемые и.л. явления и процессы [1, с. 44].

И. Д. Ковальченко

- ✦ Взаимодействие истории и социальных наук.
- ✦ Социологические методы в историографии.
- ✦ Использование методов экономической науки.
- ✦ Методы политологии на службе у истории.

Взаимодействие истории и социальных наук

Весьма плодотворной может быть интеграция истории и социальных наук, использование в историческом анализе научных методов, характерных для социологии, экономической науки, политологии. Если **философия** помогает истории в определении ее мировоззренческих, теоретических и методологических аспектов, то **социология** вместе с **экономикой** дают возможность сориентироваться в закономерностях развития общества и изменениях роли человека в социальных и экономических процессах, а **политология** выводит историю на современность в своем анализе политических объектов (например, демократии). В этих науках к настоящему времени образовалось немало направлений и школ, использующих самые различные методы, часть которых являются общими (исторический, сравнительный, системный, математико-статистический и др.), а часть заимствованы историками.

Близость истории к социальным наукам объясняется не только тем, что поля их исследования (в данном случае обращает внимание новейшая история) пересекаются. Социальные науки не могут не проникать в глубину времени (≈ 50 лет), решая свои проблемы, корни которых, однако, могут скрываться и в более отдаленном времени. Им нужна выверенная тенденция развития, которой их может снабдить история. Более того, и историю и социальные науки, объединяет их прямое отношение к человеку, его сообществу.

Реконструкция исторического прошлого должна учитывать и применять междисциплинарные связи, которые не нивелируют или поглощают, а дополняют одна другую. Изолированность исторической науки, воплощенная в консерватизме ученых, методологических и тематических барьерах и границах, неизбежно вызывает неполноту или отрывочность полученных результатов. Понимание и внедрение междисциплинарного подхода в исторических исследованиях основаны на необходимости преодоления, особенно в наш интеграционный век, традиционных границ и сложившейся ранее технологии исторической реконструкции, на потребности поиска дополнительных по отношению к истории практик исследования. Достижение этих целей и будет означать *суть междисциплинарности (полидисциплинарности)*.

Междисциплинарность как феномен не является чем-то гомогенным, а обладает своеобразными особенностями, которые отображаются в сетях методологических и категориальных различий. Дифференциация ранее «однородной» истории вызывает вполне понятные опасения историков, как бы не утратить ей социальной идентичности. Но, с другой стороны, такой широкий подход исключает возможность господства одной универсальной концепции или идеологии. А заимствование не должно носить характер бездумного переноса на новую «почву». Во всем нужна мера и тщательно продуманная адаптация.

В настоящее время историческая наука все более опирается не на идеологическое единство, а на взаимосвязь, взаимное переплетение концепций, категорий и методов. *(Это вопрос о междисциплинарности, который предполагается отработать на лабораторных занятиях с использованием платформы для дистанционного обучения e-University.)*

Одновременно возникает и другой вопрос. Опыт подсказывает, что нельзя разрывать ту внутреннюю связь, которая объединяет историков, архивистов и музееведов. Всем Вашим специальностям присуща одна теоретико-методологическая основа. По большому счету, Вы все историки должны знать и оперировать общеисторическими методами. Выводить из них специфические методы Вашей специальности, с одной стороны, и обогащать общеисторические методы практикой своей профессиональной деятельности, с другой. Развитие этих взаимосвязей поможет Вам стать современными специалистами, для которых характерна широта мышления, обеспечивающая творческий подход к своему делу и умножающая радость жизни. *(На предыдущих лекциях мы отчасти говорили о необходимости такого обогащения).*

Продолжая мысль, когда-то высказанную В. И. Пичетой [2, с. 7], так и напрашивается дополнить ее, указывая на то, что историк обязан быть и социологом, и экономистом, и политологом, и, само собой разумеется, архивистом, музееведом, документоведом.

Социологические методы в историографии

Социологические методы представляются как одна из составляющих нетрадиционные методы (инновационные) исторического исследования в белорусской историографии (наряду с методами психоистории, герменевтики, лингвистики и т. д.). Они могут применяться как в сочетании с другими методами, так и самостоятельно, будучи адаптированными к историческому источнику и задачам исследования. Эффективным может оказаться **метод индексации гражданского общества**, используемый международной организацией Civicus (World Alliance for Citizen Participation) для оценки состояния и характеристики гражданского общества на различных уровнях его развития. Подобное исследование проводилось в Республике Беларусь в начале 2001 г. Полученная по его результатам формула белорусского «Бриллианта» (модели гражданского общества образца 2001 г.) свидетельствовала о наличии здесь гражданского общества со средней (точнее ниже средней) степенью развития по большинству показателей [3, с. 32–38].

Большую роль для социолога, как и для историка, играют документы, которые отражают все сферы жизнедеятельности общества, являются незаменимым источником информации и могут плодотворно использоваться на всех этапах исследования: для изучения проблемной ситуации, всестороннего анализа объекта, максимально полной и глубокой интерпретации полученных результатов.

Под **документом** в социологии (*сравните с историческим нарративным источником*) понимают знаковую или образную информацию (рукописный, машинописный или печатный тексты, стенограмма доклада, магнитофонная запись выступления, фотография, рисунок, кинофильм, видеозапись и вообще социальная информация, зафиксированная на каком-либо материальном носителе). Все чаще для передачи и хранения информации используются такие носители, как микрофильмы, микроафиши, компьютерные дискеты, лазерные диски и др.

Документы классифицируются по различным признакам (*сравните с классификацией исторических источников*):

1. **По способу фиксации** – в этом случае различают документы *письменные*, куда относят всю печатную и рукописную продукцию, содержащую социальную информацию; *иконографические*, как-то кино-, видеозаписи тех или иных социальных событий; *фонетические* аудиозаписи бесед с участниками или свидетелями событий; *базы эмпирических данных* с материалами социологических исследований.

2. **По признаку авторства** (степени идентификации) – документы *личные* (дневники, мемуары, письма) и *общественные* или *безличные*, принадлежащие социальным группам (организациям).

3. **По статусу** – *официальные* документы, т. е. юридически оформленные документы (приказы, постановления, директивы, распоряжения и т. д.), и *неофициальные*, или документы, свободно созданные отдельными лицами (лекции, письма и др.).

4. **По способу получения** – *естественные* документы, функционирующие в обществе, являющиеся составной частью деятельности учреждений, организаций и т. д. и созданные независимо от исследователя; *спровоцированные* (их еще называют целевые) это документы, созданные специально для данного исследования по заказу социолога (анкета, автобиографии и т. д.).

5. **По форме изложения** – *статистические* документы, созданные с учетом требований государственных структур, содержащие данные в числовой форме (различные статистические сборники); *нестатистические* все другие документы.

6. **По источнику информации** – (степени опосредованности) – *первичные* документы, составленные на базе прямого наблюдения или опроса и *вторичные* документы – связанные с обработкой, анализом и обобщением материалов, представленных в первичных документах.

7. С точки зрения **спонтанности появления** – документы *самопроизвольные*, созданные независимо от исследователя, и *заданные, созданные по заданию исследователя*.

8. **По сфере действия** – документы *исторические, юридические, экономические* и т. д. [4].

Что же касается анализа документов, то в социологии принято различать два их основных вида: 1) *качественный*, который называется еще традиционным; 2) количественный (формализованный), который по международной классификации именуют **контент-анализом**.

Первый способ включает все многообразие операций, связанных с отбором и оценкой качества документов, восприятием и интерпретацией их содержания. Такой метод основан на *интуитивном понимании*, анализе и обобщении содержания документов, а также на логическом обосновании выводов. Однако этот метод ограничен возможностью субъективных смещений информации, обусловленных влиянием установок и предпочтений исследователя, сложившихся до начала анализа. Подобные влияния могут не осознаваться, а строгих критериев для их обнаружения и оценки не существует.

Для преодоления недостатков традиционного анализа в социологии осуществлялся поиск новых методов изучения документа, и таким методом стал контент-анализ.

Историка не может не привлечь концепция и практика использования контент-анализа.

Важной предпосылкой развития и распространения этого анализа стала массовизация информационных процессов и связанная с ней необходимость анализа больших объемов информации. Наиболее наглядный эффект контент-анализ давал в сфере журналистской практики. Со временем он был распространен и на изучение других областей социальной реальности. В частности на другой тип документов, как-то невербальные, иконографические (портреты, фотографии и даже сновидения), а также «спровоцированные» (сочинения на заданную тему, психиатрические интервью, ответы на открытые вопросы социологической анкеты). И это не осталось без внимания «продвинутых» историков, расширявших источниковую базу своих научных изысканий, включая в нее историографические источники.

Однако надо помнить, что не все документы пригодны для контент-анализа и не всегда его проведение имеет смысл. Он применим лишь в том случае, когда объект исследования представлен большим массивом однородных документов, в том числе единичных (манускриптов, диссертаций), а интересующие исследователя элементы содержания встречаются в них с достаточной частотой.

При обращении к контент-анализу следует руководствоваться следующими принципами (сопоставьте их с принципами историографии):

- *объективности* (в наибольшей степени она достигается в компьютерном контент-анализе, а в «ручном» может быть достигнута, хотя и в неполной мере, при использовании единой методики кодирования и параллельной работе различных кодировщиков);
- *систематичности* (реализуется в том случае, если все без исключения документы, попавшие в выборку, будут проанализировано по единой методике);
- *обобщенности* (означает, что главный смысл изучения текста состоит в том, чтобы получить из него информацию о внетекстовой реальности, т. е. иметь возможность *корректного* сопоставления одного и другого путем реконструкции: а) событий на основе документа; б) стратегии автора текста; в) информационных потребностей, интересов и предпочтений аудитории).

Процедура контент-анализа как метода качественно-количественного анализа массива документов (блоков документа) в целях получения достоверной информации об объективной реальности состоит: а) в алгоритмизированном выделении в тексте определенных, интересующих исследователя элементов содержания; б) классификации выделенных элементов в соответствии с концептуальной схемой; в) последующем их подсчете; г) количественном представлении результатов. Концепция исследования сформулирована в его программе. На нее-то и ориентируется контент-аналитик,

делая свой *первый шаг*, т. е. выстраивая систему категорий анализа наиболее общих ключевых понятий, отражающих понятийную систему исследования в целом.

Следующий шаг после определения основных ключевых понятий или категорий анализа – их *структурирование*. Эта операция предполагала деление общего понятия на более частные понятия (подкатегории) в соответствии с выбранными классификационными признаками. Важно, чтобы при разработке системы подкатегорий контент-аналитик соблюдал правила деления объема понятий: а) одно и то же деление понятия должно осуществляться по одному и тому же основанию; б) объем членов деления, вместе взятых, должен равняться объему делимого понятия; в) элементы деления должны взаимно исключать друг друга. Допустим, категория «главный герой» может подразделяться с точки зрения такого признака, как социально-профессиональная принадлежность на героя-рабочего, служащего, студента и т. д. Если же в характеристике героя важно зафиксировать его возраст, пол или политические убеждения, категориальная сетка будет иной, т. к. иными являются основания классификации.

Категории анализа жестко заданы проблемой исследования, его концепцией, тогда как подкатегории, как правило, вариативны, гибко приспособлены к тому материалу, который предстоит анализировать, и тем задачам, которые предстоит решить.

Далее необходимо полученную схему, состоящую из категорий и подкатегорий, «наложить» на конкретный текст или, иными словами, найти для всех категорий и подкатегорий адекватное выражение на языке исследуемых документов. Таким их выражением являются единицы анализа. Они то и дадут возможность, опираясь на научный анализ, сделать суждение, закончить мысль, или логическую цепь, в которой обнаружится центральная идея исследуемого массива документов или отдельного документа.

Для количественного описания результатов анализа содержания информации используются те же средства и приемы, что и в любых других социологических исследованиях: процентное распределение, индексы, парные корреляции, различные виды многомерного статистического анализа. (см. лекцию 8). Существуют и специальные коэффициенты для анализа документов. В журналистике, например, таким коэффициентом является коэффициент Яниса, который предназначен для вычисления баланса положительных и отрицательных оценочных суждений относительно избранного объекта высказывания.

Существенным моментом в проведении контент-анализа является выборка информации. Дело в том, что массив вербальных, фонетических или иконографических документов, объединенных общим признаком (источник, автор, тема и т. п.) представляет генеральную совокупность, подлежащую

изучению. Границы генеральной совокупности задаются произвольно, исходя из целей исследования и с учетом естественных временных циклов и периодичности изданий.

Например, в исследовании динамики освещения в прессе Республики Беларусь проблем, связанных с аварией на Чернобыльской АЭС, генеральной совокупностью документов были все газеты, изданные в республике с конца апреля 1986 г. (момента аварии). Если стоит задача провести контент-анализ кампании по выборам президента, то в границы генеральной совокупности будут включены все документы, опубликованные в связи с выборами с момента начала кампании до момента ее завершения.

Нет необходимости обрабатывать всю такую совокупность документов, достаточно ограничиться ее репрезентативной частью, т. е. осуществить выборку. При формировании выборочной совокупности документов (например, сводной выборки) из трех возможных стратегий сплошного, случайного, направленного отбора используются только две первые. Направленный тип отбора исключается, т. к. отсутствуют данные о распределении признаков в генеральной совокупности. При этом чаще всего используется многоступенчатый отбор из уже отобранной информации.

В историографии, *вспомните*, имеются некоторые свои нюансы (см. подраздел в лекции о количественных методах и назовите эти нюансы).

Использование методов экономической науки

Господствующие в экономике методы познания тесно соприкасаются с концепциями позитивизма и прагматизма и вытекают из них. Это **позитивный и нормативный методы**, вызывающие интерес у историков [5, с. 59; 6].

Сторонники позитивного метода рассматривают экономическую теорию как чистую науку, видя ее аналог в естественных науках. Разработка и использование позитивного метода связана с развитием и толкованием учения об эволюции, экономическом равновесии, разграничении социальной статики и динамики, с привлечением аппарата математической логики.

Позитивный метод служит не для исследования причинно-следственных связей реальных процессов и явлений, а для описания и систематизации собранных исследователем фактов, отдельных толкований и результатов эмпирических построений. Наибольший эффект этот метод дает при изучении функциональных связей, что оказалось чрезвычайно важным для исследования рынка, рыночных систем.

Установление истинности или ложности получаемых в ходе исследования знаний связывается с проведением принципов *верификации* (прове-

ряемости) и *фальсификации* (опровержения). Принципы играют роль критерия истинности научного знания и его практической применимости.

В отличие от позитивного метода, не признающего оценочных суждений, нормативный метод предполагает установление связи между познавательной и оценочной деятельностью человека. А поскольку истинность и ценность тождественны и совпадают, итогом всякого исследования должно быть достижение истины, которая и является ценностью. Результат, приносящий практическую выгоду, пользу субъектам хозяйствования, вот главное, на что нацеливают сторонники нормативного метода исследования.

Позитивный и нормативный методы не следует противопоставлять один другому. Они являются взаимопроникающими, что означает возможность использования элементов другого метода при работе посредством одного из них.

Все большее значение в исследовательской деятельности социологов приобретают *математические методы* анализа с использованием соответствующего инструментария. Среди них наиболее распространены метод *формализации и аксиоматический*.

Уже Аристотель исходил из того, что разные по конкретному содержанию мысли могут быть выражены в одной и той же логической форме умозаключений. Пример в символической формуле «Все А – суть В, все С – суть А», следовательно «Все С – суть В». Заменяя символы понятиями, получаем новые по содержанию умозаключения [6, с. 98 и др.].

На основе применения метода формализации с середины XIX в. формируется и становится весьма активной ветвью логического научного метода математическая (или символическая) логика – *логистика*.

Суть аксиоматического метода состоит в том, что все положения какой-либо теории выводятся дедуктивным путем из положений, которые называются постулатами или аксиомами. Этот метод позволяет упорядочить рассуждения, выяснить логические связи между понятиями и суждениями, сделать изложение более стройным. Правда, у этого метода – довольно узкая сфера применения.

Важную роль в экономической теории играет и так называемый *метод предвидения* (теоретического мышления), предполагающий объяснение и открывающий законы. Его сущность лежит в предсказании того, что появится в будущем. Как и всякое предвидение он характеризуется тремя моментами: новизной того, что предсказывается, обоснованностью законом и подтверждением в будущем.

В предвидении различают две конкретные формы: предсказательную (описание возможных или желательных перспектив и достоверное описание, основанное на знании законов и тенденций развития – более обоснованная трактовка) и предугадательную, связанную с практикой, с целена-

правленной деятельностью общества, коллектива, личности (прогнозирование, программирование, проектирование планов).

О *статистическом методе* как таковом мы знаем из лекции 8. Фактически он стал универсальным для научных дисциплин, активно используется и «продвинутыми» историками [7, с. 51–254]. Правда, в каждой из наук имеются свои особенности его применения, обусловленные решением собственных задач. «Родство» с экономической наукой может вызывать повышенный интерес у историков к использованию этих методов экономики, как и социологии, в историческом познании.

Не вдаваясь в подробности статистической методологии экономической науки, отметим только частные случаи ее использования в этой области познания. Это методы статистического наблюдения (отчетность, переписи, выборочные обследования) и методы обработки и анализа данных (группировка, балансы, графики). Группировки связаны с классификацией, номенклатурой, а исчисление средних величин с их анализом, измерением их колебаний по отношению к среднему уровню. Для обработки данных используются известные Вам корреляционные исчисления, дисперсионный анализ и прочее.

Методы политологии на службе у истории

К истории, пожалуй, более других наук близка *политология* [7]. С одной стороны, история как наука о человеке, человеческом обществе во времени предоставляет политологии богатейшие наработки в области истории политических процессов, материал для последующего анализа политики отдельных личностей и объединений, сопоставления государства в различные периоды их функционирования, рассмотрения политических учений и явлений. С другой стороны, политология как наука о демократии, как ее оценивает профессор Хельсинского университета **Э. Бердзон** [8, с. 86–88], анализирует различные теоретические проблемы, создавая целую историю политических и правовых учений, весьма полезных истории. Одновременно она поставляет в распоряжение историков уникальные методы, о которых речь пойдет ниже.

Заметим только, что использование методов политологии в исторической науке и наоборот обусловлено единством интересов для представителей обеих наук. Изучение революций, реформ, войн, насилия, других явлений и процессов, связанных с общественной жизнью человека, входит в компетенцию как политолога, так и историка. Кроме этого, и в политологии и истории свойственны одни и те же тенденции. В обеих науках в 80–

90-х гг. XX в. Образовалось немало направлений и школ, использующих самые разнообразные методы. Часть этих методов являются общими для политологии и истории (исторический и сравнительный методы), часть была заимствована обеими науками из других дисциплин (социологии, экономики, психологии, антропологии и т. д.). Не легко отделить сравнительное политологическое исследование от историко-сравнительного, а после бурного развития квантитативной истории – применяемые ими количественные (математико-статистические) методы.

Появление различных методов политологии связано с определенными теоретическими подходами, характерными для тех или иных стадий в развитии самой политической науки. Так, на формальном и традиционном этапах эволюции политологии возникли институциональный и исторический методы. На бихевиоралистском этапе, когда интерес смещался к изучению поведения индивидов посредством строгих методов сбора и анализа информации, и помимо описания создавались объяснительные теории, начали широко использоваться социологические методы, методы психологии, статистические и математические методы, а также системный анализ. На постбихевиоралистском этапе, когда возобновляется интерес к изучению идеологических аспектов политической сферы и к использованию нестрогих методов, продолжается применение системного метода, развиваются методы неомарксизма, сочетающие экономику с политикой и идеологией, вновь широко используется институциональный метод, распространяются концептный и дискурсивный анализы, проводятся «исследования случая» (case studies).

В историческом исследовании наиболее полезными и действенными могут быть следующие методы:

Институциональный метод. Он направлен на анализ различных политических институтов и поиск закономерностей их функционирования и взаимосвязи. Часто сочетается с историко-генетическим методом в исследовании эволюции изучаемых объектов.

Ярким примером использования институционального метода является монография **П. Меркла** «Происхождение Западной Германской республики» [9]. Смысл метода заключается в отображении различных политических институтов, возникших на территории послевоенной Германии (администраций в четырех зонах оккупации; совместной экономической администрации американского и британского секторов; разнообразных советов и комитетов; правительств земель и федерального правительства). Это отображение происходило с учетом разнообразных политических влияний, маневров, соглашений, лоббирования.

Психополитологический метод. (При знакомстве с этим методом сопоставляйте его с методами психоистории в лекции 9). На основе этого метода зародилась **психополитика**. В отличие от психоистории она кон-

центрирует внимание исключительно на объяснении политического решения. А от академической психологии (клинической, социальной и экспериментальной) ее отличает акцент на исследовании личности в политической деятельности. При исследовании политических решений, особое значение придается процессу взаимодействия между личностями, основанному на понимании их этиологии и динамических моделей.

Психополитическое исследование характерно для работы английского исследователя **Х. Беррингтона** *«Когда личность имеет значение? Лорд Червелл и область бомбардировок Германии»* [10, с. 9, 34]. В этой работе автор убедительно демонстрирует, как в определенных условиях, когда от политического деятеля зависит принятие окончательного решения, особенности его личностного склада имеют решающее значение. Так, в Великобритании в ситуации, когда необходимо было сделать выбор между бомбардировкой мирных городов Германии и военных целей, и баланс сил сторонников и противников обоих вариантов был неустойчив, особое положение лорда Червелла как научного советника Черчилля, позволило ему добиться реализации первого варианта. Этот вариант в большей степени отвечал его авторитаризму, ненависти к немцам и в целом к простым людям, склонности к карательным действиям.

Последствия одного из таких налетов пришлось ощутить и автору курса во время посещения Дрездена в 1958 г. Тогда, будучи студентом 5-го курса исторического факультета БГУ, он воспользовался открывшейся возможностью выезда за границу и с группой других студентов Минска посетил ГДР... В центральной части Дрездена можно было видеть целые не застроенные пустыри. Город все еще залечивал раны, нанесенные ему налетом англо-американской авиации 7 февраля 1945 г. Пострадала тогда и знаменитая Дрезденская картинная галерея. Там, в Цвингере, во время налета скрывался немецкий лазутчик, который корректировал бомбометание союзников по антигитлеровской коалиции [11].

«Исследование случая» (case studies) – один из методов, сравнительно недавно вошедших в практику политологических исследований. Его использование основано на убеждении в том, что нет каких-то единых законов в явлениях общественной жизни, каждый раз любое событие имеет уникальный набор причин, приводящих его в жизнь. Отсюда возникла необходимость детальнейшим образом исследовать каждый конкретный случай для выявления этих причин и реконструкции события в полном объеме. Особенностью такого исследования является обилие гипотез, выдвигаемых на основе различных теорий, находящихся в рамках заданного направления. Если гипотеза не оправдывается, все равно проделанная работа помогает выявить новые уникальные особенности исследуемого случая и сформировать частную теорию, которая может оказаться верной для подобных случаев. При проведении исследования немаловажное значение имеет выяснение мотивации индивидов в реализации их действий. Исследование случая стало популярным не только в политологии, но и в истории и социологии.

Опытом использования этого метода с участниками II Международной научной конференции «Теоретико-методологические проблемы исторического познания», прошедшей в феврале 2001 г. На базе исторического факультета БГУ, поделился журналист из Еревана **А. Ананян**. Он воссоздал политический портрет Э. *Егоряна* – автора Декларации независимости и Конституции Армении, проект которой бы одобрен всенародным голосованием в 1995 г. [12, с. 174–175].

Несколько раньше «исследования случая» пришел в политологию **концептный анализ**, можно сказать, выступающий в «паре» с дискурсивным анализом. Концептный метод используется для объяснения ключевых моментов в развитии различных стран. Его сущность заключается в исследовании эволюции использования таких политических понятий, как *власть, справедливость, порядок, право, демократия* и т. д. Посредством концептного анализа выявляются локальные национальные отличия ключевых общественных терминов, что позволяет судить и о самих социогруппах, обнаруживать их специфику. Важной задачей метода является также упорядочение общественного понятийного аппарата, который содержит множество трактовок каждого термина, что существенно затрудняет проведение научных исследований.

Стандартный вариант концептного анализа предусматривает определение смысла того или иного понятия в исторической перспективе, выявление их национальных оттенков, разграничение с родственными понятиями. И он получает признание. Руководством для его внедрения может быть коллективная монография, открывшая российскую школу концептного анализа [13].

Дискурсивный анализ используется для междисциплинарного изучения социальных проблем. Его центральным представлением является понятие дискурса – формы социального действия, вырабатываемой представителями доминирующих общественных групп, для использования в качестве средства управления и подтверждения своего доминирования. Процесс создания дискурса можно уподобить фрейму – набору убеждений, который организует политическую мысль и формирует дискурс.

Разновидностью дискурсивного анализа является критический дискурсивный анализ, направленный на изучение того, какими способами власть доминирует в обществе и создает неравенство, используя с этой целью тексты и разговоры в социальном и политическом контексте. При изучении исторических процессов дискурсивный анализ может дать ценную информацию о доминировании в определенном обществе и его социальных слоях тех или иных настроений, об эффективности используемых методов убеждения низов.

Ныне в практику вошло понятие политического дискурс-анализа. Ему посвящены научные изыскания, издания специальной литературы, учебные

курсы. Под руководством доктора филологических наук **И. Ф. Ухвановой-Шмыговой** опубликовано пять выпусков специального сборника. Последний выпуск появился в 2008 г. [14]. Он свидетельствует о том, что политический (критический) дискурс-анализ становится достоянием историков, которые связывают его с лингвистическим поворотом в мировой историографии.

Освоение и развитие сравнительного метода в политологии привело к выделению в ней самостоятельной области и даже новой дисциплины **сравнительной (компаративной) политологии**. Обращение к сравнительному методу первоначально ставилось целью заменить отсутствующую в социальных науках процедуру эксперимента. И здесь большую роль, как оказалось, сыграл количественный фактор. В отличие от исторической науки в политологии потребовалось сопоставление значительного числа объектов (как правило, не менее тридцати), что в конечном итоге и обусловило «рождение» нового направления.

Сравнительная политология содержит множество элементов. Из основных наш интерес могут вызвать два: принцип согласования и принцип выявления различий. Принцип согласования предусматривает обнаружение исследуемых случаев с одинаковыми последствиями ставится целью поиск причин событий в их сходстве. Этот принцип требует полного описания всех возможных факторов. Остается лишь отбросить несопадающие факторы. И тогда откроются факторы сходства. Они то и будут искомой причиной.

Сравнительный политический анализ позволяет: 1) разработать поддающуюся проверке систему знаний о политике; 2) дать оценку политическому опыту, институтам, поведению и процессам с точки зрения причинно-следственных связей; 3) прогнозировать события, тенденции и последствия [15].

Сравнительная политология являет собой пример междисциплинарных контактов, взаимодействия политологии и истории. Перед Вами открылось целое богатство исследовательских методов, которыми обладают политология и другие социальные науки. *Постарайтесь сопоставить их с методами, ранее изученными Вами и дать им оценку.*

* * *

Предложенная в лекциях краткая информация ввела Вас в мир методологии истории как теории и практики научного познания, как исследования исторического прошлого и обучения истории. Объем событийных знаний каждого из Вас может быть различным, но умение распорядиться ими и наращивать их должно объединять всех Вас. Для этого, собственно Вы и обучаетесь в ведущем университете страны, который мог бы гордиться подго-

товкой современных специалистов. Далее стоит не менее, если не более, ответственная задача системного закрепления наиболее важных позиций изученных теоретико-методологических основ современного исторического познания на практических занятиях (отчетах, семинарах, форумах).

Библиографические ссылки

1. *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М. : Наука, 1987. 438 с.
2. *Пичета В. И.* Введение в русскую историю (источники и историография). М. [Пг]: Госуд. изд-во, 1923. 205 с.
3. *Загуменов Ю.* Развитие гражданского общества в Беларуси // Аналитический бюллетень Белорусских ассоциаций фабрик мысли. 2001. № 2.
4. *Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. Университетский учебник. М. : Омега-Л, 2007. 567 с.; *Добреньков В. И., Кравченко А. И.* Методы социологического исследования: учебник. М. : ИНФРА-М, 2008. 768 с.
5. *Научитель М. В.* Методология экономической науки. Мозырь : РИФ «Белый ветер», 1990.
6. *Бор М. З.* Основы экономических исследований. Логика, методология, организация, методика. М. : ДИС, 1998. 144 с.
7. *Смоленский Н. И.* Теория и методология истории: учеб. пособие для студентов вуза. 2-е стер. М. : Академия, 2008. 293 с.
8. *Berndtson E.* The Rise and Fall of American Political Science: Personalities, Quotations, Speculations. American Political Science Review. 1987. Vol. 8, № 1.
9. *Merkel P. H.* The Origin of the West German Republic. New York: Oxford University Press, 1963.
10. *Berrington H.* When Does Personality Makes a Difference? Lord Cherwell and the area bombing of Germany. In Case Studies in Psychopolitics. International Political Science Review. 1989. Vol. 10, № 1.
11. Беларускі ўніверсітэт. 1958. 14 сак.
12. *Ананян А.* Case study и устная история: воссоздание портрета политика посттоталитарного общества // Теоретико-методологические проблемы исторического познания: в 2 т. Т. 1. Минск : РИВШ, 2001.
13. Концептуализация политики. Серия «Новая перспектива». Вып. 21. М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
14. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 5: Дискурс в современном гуманитарном знании: сб. науч. тр. Минск : БГУ, 2008.
15. Политология / ред.-сост. М. А. Василика. М. : Гардарики, 2006. 600 с.

Часть III. ПРАКТИКУМ

Занятие 1 _

ТРАДИЦИОННЫЕ СПЕЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

- I. Динамический ряд специально-исторических методов.
- II. Узнавание методов. Собственные примеры использования методов.
- III. Трансформация методов исследования в образовательную сферу.
- IV. Типичные ошибки в применении методов.

I

Вывести динамический ряд традиционных специально-исторических методов, показывая: 1) недостаточность каждого предыдущего метода; 2) чем дополняет каждый последующий метод предыдущего.

Постарайтесь конкретизировать такой ряд на примере событийной истории.

II

Определите, каким из традиционных методов характеризуется каждый из приведенных ниже примеров. Докажите правомерность/ошибочность Вашего ответа.

1

Когда две очередные жены Генриха VIII были казнены, король присмотрел себе следующую супругу в лице миланской герцогини Кристины. Узнав о готовящемся сватовстве, миланская невеста поспешила предупредить Генриха: «У меня всего одна голова, да и ту я хочу сохранить исключительно в собственном пользовании».

2

Когда Людовик XIV решил изгнать протестантов из Франции, то, рассуждая, заметил: «Мой дед любил гугенотов и не боялся их; мой отец не любил их и боялся; я не люблю и не боюсь их».

Герцог Бургундский Карл Смелый, воинственный феодал XV в., в своих ратных делах подражал Ганнибалу, имя которого очень часто поминал. После сражения при Муртене (1476 г.), где он был наголову разбит швейцарцами, удирая с поля брани вместе со своим герцогом. Придворный шут то и дело твердил на бегу: «Ну и отганнибанили нас!»

3

Герцог д'Эпернон с появлением при дворе кардинала Ришелье стал терять значение первого советника короля. Как-то кардинал и герцог встретились на лестнице Сен-Жерменского дворца, когда один шел по каким-то делам к королю, а другой покидал королевскую резиденцию. Что нового, герцог? бросил на ходу Ришелье. Ничего, если не считать того, что вы поднимаетесь, а я опускаюсь.

4

Король Кастилии и Леона Альфонсу X подали по его требованию длинейший список дворцовой прислуги, разделенный на две группы: люди нужные и бесполезные и сказали, что последних можно расчитать. Король решил все оставить как было, пояснив: «Эти мне нужны, а этим – я нужен».

5

Франциск I, несмотря ни на что, любил сравнивать себя с Александром Македонским. Придворные, зная его великую слабость к прекрасным дамам, комментировали это следующим образом: «Александр занимался женщинами, когда не имел других дел. Наш король занимается государственными делами, когда поблизости нет ни одной женщины».

6

(Слово о науке. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. М.: Знание, 1978; и др.)

Правомерно ли приведенное ниже изречение? Докажите или опровергните.

Если и может современный историк разобраться в сложных социальных явлениях, то только на основе **диахронического метода**.

III

Представьте себе: 1) Вашу дипломную работу научным исследованием (очень хорошо, если это так); 2) урок в средней школе по теме, куда может войти Ваша разработка, и осуществите требуемую трансформацию.

IV

Просим построить ответ на примере нескольких авторефератов кандидатских диссертаций, защищенных в последний год (при затруднении их поиска обратитесь к преподавателю).

Занятие 2 _

МАТЕМАТИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- I. Измерение признаков исторических явлений и процессов. Контент-анализ.
- II. Моделирование исторических объектов.
- III. Факторный и кластерный анализы.
- IV. Применение методов корреляции и регрессии.

I

Измерение количественных признаков:

1. Назовите меры уровня и меры рассеяния и раскройте их ценность в историческом исследовании;
2. Продемонстрируйте использование историком выборочного метода. Используйте приведенную ниже табл. 8 достаточно больших чисел.

Таблица 8

**Определение числа наблюдений по данной величине вероятности P
и данной допустимой ошибке $m_{\text{доп}}$**

P	$m_{\text{доп}}$									
	0,10	0,09	0,08	0,07	0,06	0,05	0,04	0,03	0,02	0,01
0,75	33	40	51	67	91	132	206	367	827	3308
0,80	41	50	64	83	114	164	256	456	1026	4105
0,85	51	63	80	105	143	207	323	575	1295	5180
0,90	67	83	105	138	187	270	422	751	1690	6763
0,91	71	88	112	146	199	287	449	798	1796	7185
0,92	76	94	119	156	212	306	478	851	1915	7662
0,93	82	101	128	167	227	328	512	911	2051	8207
0,94	88	109	138	180	245	353	552	982	2210	8843
0,95	96	118	150	195	266	384	600	1067	2400	9603
0,96	105	130	164	215	292	421	659	1171	2636	10544
0,965	111	137	173	226	308	444	694	1234	2778	11112

P	m _{доп}									
	0,10	0,09	0,08	0,07	0,06	0,05	0,04	0,03	0,02	0,01
0,970	117	145	183	240	327	470	735	1308	2943	11773
0,975	125	155	196	256	348	502	784	1395	3139	12559
0,980	135	167	211	276	375	541	845	1503	3382	13529
0,985	147	182	231	301	410	591	924	1643	3697	14791
0,990	165	204	259	338	460	663	1036	1843	446	16557
0,991	170	210	266	348	473	682	1086	1895	4264	17057
0,992	175	217	274	358	488	703	1098	1953	4395	17583
0,993	181	224	284	371	505	727	1136	2020	4545	18182
0,994	188	233	294	385	524	755	1179	2097	4718	18875
0,995	196	243	307	402	547	787	1231	2158	4924	19698
0,996	207	255	323	422	575	828	1294	2301	5177	20709
0,997	220	271	344	449	611	880	1376	2446	5504	22018
0,998	238	294	373	487	751	954	1492	2652	5968	23873
0,999	270	334	422	552	963	1082	1691	3007	6767	27069

Осуществите измерение качественных признаков:

1) проведите контент-анализ диссертации, близкой по содержанию к теме Вашей дипломной работы (воспользуйтесь услугами Национальной библиотеки Республики Беларусь);

2) по результатам анализа сформулируйте тезис для историографической части Вашей дипломной работы.

II

Определите понятие модели. Какова их ценность в историческом исследовании.

Дайте классификацию моделей по различным критериям. Осуществите выбор модели для выполнения Вашей дипломной работы.

III

Определите факторный и кластерный анализы.
В чем ценность этих анализов для исторического исследования.

IV

Переведите нижеприведенное извлечение из инвентаря в табличную форму, разместив крестьянские хозяйства по службам, рассчитайте коэффициент корреляции и уравнение регрессии между числом крестьян в хозяйствах, количеством у них земли и скота и дайте историческую интерпретацию полученным результатам.

Извлечение из инвентаря Мядельской волости от 3 августа 1545 г.

«Старец мядельский Овдей Тиманович, сын у него Прокоп, служба, статку кляч двое, земли под ними навоза на бочку, простое на 10 бочок, сеножателей 4 возы...

Ходор Круты сына маеть 2 Алексей, Амелян, а брат у него Прокоп, сына у него 2 Василь, Ивашко, служба, статку у них волы 2, кляч 3... земли под ними навоза на 3 бочки, простое на 20 бочок, сеножателей на 10 воз...

Грыц Родивонович детей не маеть, статку кляч 2, служба, земли под ним навоза на полбочки, простое на 3 бочки, сеножателей на 10 воз...

Курило Коробеник з братом Овдеем, служба, сыны у Курила 2 Василь, Трохим, статку у них кляч 2, Семен, Андрей (сыны у Овдея), статку у них кляч 2, ... земли под ними навоза на полбочки, простое на бочку, сеножателей на 5 воз.

Трихон Прокопов, сын у него Марко, служба, статку волы 2, кляч 3, ... земли навоза на бочку, простое земли на 10 бочок, сеножателей 15 воз...

Игнат Радивонович, пасынок у него Хвеско, служба, статку у них кляч 2, земли под ним навоза на бочку, простое на 5 бочок, сеножателей на 6 воз...

Мартин Мехович, сын у него Грышко, а браты у него 2, Степан и Иван, у Степана сыны 2 Микита и Левон, служба, статку у них волы 2, кляч 2, земли под ними навоза на 2 бочки, простое на 10 бочок, сеножателей 10 воз...

Радивон Онанич, сын у него Яков, а брат у него Ходор, служба, статку у них кляч 2, земли под ними навоза на полбочки, простое земли на 6 бочок, сеножателей на 7 воз...

Ничипор Захарыч, сын у него Хома, а брат Конон, у Конона сын Денис, служба, статку у них волю 2, кляча, земли под ними навоза на бочку, простое земли на 15 бочок, сеножати на 2 возы...

Иван Прокопич и з дядковичи своими Наумом и Лаурином, служба, статку у них волю 2, кляч 2, земли по ним навоза на полторы бочки, простое на 10 бочок, сеножателей 5 воз...

Трихон Мехович, сынов у него нет, служба, статку не маеть, земли под ним навоза на бочку, простое земли на 5 бочок, сеножателей 6 воз...

Занко Субачович, сын у него Денис, служба, статку вол, земли под ним навоза на полбочки, простое 10 бочок, сеножателей 5 воз...

Иван Шикович з братаничом Трохимом, у Трохима сыны Хома, Мишко, служба, статку у них волю 2, кляч 2, земли по ним навоза на бочку, простое земли на 15 бочок, сеножати на 2 возы...

Ивашко Шикович, сын у него Игнат, а брат у него Арехва, сын у него Дорохвей, служба, статку у них волю 2, кляч 2, земли под ними навоза на полбочки, простой земли на 15 бочок, сеножателей на 2 возы...».

Коэффициент корреляции рассчитывается по формуле

$$R_{xy} = \left[\sum (x_i - x_{cp}) * (y_i - y_{cp}) \right] / \sqrt{\sum (x_i - x_{cp})^2 * \sum (y_i - y_{cp})^2}$$

где x_i и y_i значения признаков x и y ; x_{cp} , y_{cp} – их средние величины, равные $x_{cp} = 1/n \sum x_i$; $y_{cp} = 1/n \sum y_i$; n – общее число ответов.

Предлагаемые количественные методы и компьютерные технологии их реализации находят воплощение в практике работы историка и «воспеваются» в стихах. Вникните в содержательный смысл приведенных ниже стихов и ответьте на вопрос, какие черты: 1) методов; 2) технологического инструментария воспеты и какие, на Ваш взгляд, не нашли такого воплощения, но должны были найти его. Попробуйте восполнить «пробел» и получить высокую оценку:

...Математика с историей союз

*Уже давно неоспоримо мнение,
Что поступательно из года в год
Количественных методов значение
В науке исторической растет.*

*Огромные потоки информации
Полнее обработать и понять,
Обширнее, чем есть интерпретацию,
Имеющимся сведениям дать.*

*Такую цель давно решил на практике,
В методике поставив жирный плюс,
Тому назад полвека математики
С историей подписанный союз.*

*Задача этих методов: 1) создание
События модели цифровой,
2) Теорий новых новые искания,
Анализ тех, уже вошедших в строй.*

*Измерить исторические данности
(Меж ними однотипность лишь была б)
Предельно ясно, обойдя туманности,
Поможет специальная шкала.*

*3) В реальности исследуемой главное
Предметы в точных цифрах воплотить,
Чтобы границы качеств стали явными,
Чтоб меру их точнее осветить.*

*Причем аналог фактов исторических
Первичным можно уровнем назвать,
Затем модели суть математической
На уровень вторичный прошагать.*

*Из многих черт мы в сущности немногие
Тех методов сумели передать.
Вы сможете о них в «Методологии»
Подробнее, но в прозе прочитать.*

И ветер эры электронной...

*Упал заветной каплей строк,
И ветер эры электронной
Ворвался тысячью дорог
В мир манускриптов запыленных.*

*Презрев столетний карусель,
Вы в силах, если захотите,
Создать абстрактную модель
Давно случившихся событий.*

*Она сумеет совместить
В себе наглядность и словесность
И строгих формул сохранить
Математическую четкость.*

*А чтоб в порядок привести
Массивы сведений пространных
Казалось, лучше не найти
Реляционной базы данных.*

*Но для историка, увы,
Не все подвластно рамкам схемы,
И лишь с программой КЛИО вы
Решите данные проблемы.*

*На первом месте у нее
Стоит источник нарративный,
Своеобразие свое
Нам представляя объективно.*

*Здесь сохранен наверняка
Пакета вид первоначальный,
Что помогает извлекать
Известный факт или случайный.*

*А если текст уныл для вас
В его стандарте неизменном,
Вам мультимедиа тотчас
Его украсит непременно.*

*Чтоб наш традиционный труд
Не стал рутинной монотонной,
Вперед историка зовут.*

В целях закрепления материала просим **несколько** раз пройти ниже следующий тест (по нисходящему тренду вплоть до нуля):

Тесты

1. Сущность количественных методов (применительно к истории):

- а) измерение количественных и качественных признаков исторических событий и явлений;
- б) расширение и углубление анализа исторических источников;
- в) охват нарастающего потока информации;
- г) анализ массовых источников.

2. Цели использования количественных методов в историческом исследовании:

- а) обеспечение диалога предметника с ПК;
- б) организация поиска информации;
- в) количественное выражение качественных признаков исторических событий и явлений;
- г) количественный анализ и математическое моделирование.

3. Области применения количественных методов в работе историков:

- а) определение факторов исторического развития;
- б) количественное выражение качественных признаков;
- в) поиск, хранение и обработка исторической информации;
- г) массовые исторические источники.

4. Какой из приведенных ниже рядов соответствует пропорциональной шкале (шкале отношений)?

- а) ассоциативные связи, простые качественные признаки, арифметическая обработка не допускается, степень информативности показателей низкая;
- б) связи очередности, ранговые признаки, арифметическая обработка не допускается, степень информативности показателей средняя;
- в) связи количества, количественные признаки, арифметическая обработка допускается, степень информативности показателей хорошая;
- г) связи количества, количественные признаки, арифметическая обработка допускается, степень информативности показателей высокая.

5. Какой из приведенных ниже рядов соответствует номинальной шкале (шкале наименований)?

- а) ассоциативные связи, простые качественные признаки, арифметическая обработка не допускается, степень информативности показателей низкая;
- б) связи очередности, ранговые признаки, арифметическая обработка не допускается, степень информативности показателей средняя;
- в) связи количества, количественные признаки, арифметическая обработка допускается, степень информативности показателей хорошая;
- г) связи количества, количественные признаки, арифметическая обработка допускается, степень информативности показателей высокая.

6. Какой из приведенных ниже рядов соответствует шкале интервалов?

- а) ассоциативные связи, простые качественные признаки, арифметическая обработка не допускается, степень информативности показателей низкая;
- б) связи очередности, ранговые признаки, арифметическая обработка не допускается, степень информативности показателей средняя;
- в) связи количества, количественные признаки, арифметическая обработка допускается, степень информативности показателей хорошая;
- г) связи количества, количественные признаки, арифметическая обработка допускается, степень информативности показателей высокая.

7. Какой из приведенных ниже рядов соответствует шкале порядка?

- а) ассоциативные связи, простые качественные признаки, арифметическая обработка не допускается, степень информативности показателей низкая;
- б) связи очередности, ранговые признаки, арифметическая обработка не допускается, степень информативности показателей средняя;
- в) связи количества, количественные признаки, арифметическая обработка допускается, степень информативности показателей хорошая;
- г) связи количества, количественные признаки, арифметическая обработка допускается, степень информативности показателей высокая.

8. Роль группировки в историческом исследовании:

- а) приведение материала в «рабочее состояние»;
- б) уникальное средство для исследования и структуры и типа исторических явлений;
- в) возможность установления и изучения связей между признаками;
- г) выявления тенденций развития.

9. Значение вариационного динамического ряда в историографии:

- а) представление временного тренда;
- б) наглядное представление материала первоисточника;
- в) табличное представление данных;
- г) графическое изображение данных.

10. Необходимость определения средних мер уровня:

- а) раскрытие общих свойств совокупности статистических данных;
- б) выявление тенденции развития явления или процесса;
- в) сравнение вариационных рядов;
- г) нивелирование случайных отклонений.

11. Необходимость определения средних мер рассеяния:

- а) раскрытие общих свойств совокупности статистических данных;
- б) выявление тенденции развития явления или процесса;
- в) сравнение вариационных рядов;
- г) нивелирование случайных отклонений.

12. Определение объема выборочной совокупности массового источника:

- а) использование таблиц больших чисел;
- б) представление каждой из частей совокупности;
- в) типичный отбор;
- г) серийная или гнездовая выборка.

13. Способы измерения качественных признаков нарративных источников единичного характера:

- а) коэффициент для не альтернативных признаков;
- б) контент-анализ;
- в) коэффициент корреляции;
- г) коэффициент ассоциации и сопряженности.

14. Укажите виды математических моделей, употребляемых в историческом исследовании:

- а) корреляционные и регрессионные модели;
- б) сущностно-содержательные модели;
- в) имитационно-альтернативные (контрафактические) модели;
- г) отражательно-измерительные модели.

15. Сущность математического моделирования:

- а) установление системы отношений в понятийно-знаковой форме;
- б) выражение отношений в математическом виде;
- в) статистический анализ взаимосвязей системы;
- г) сопоставление моделей.

16. Возможности математического моделирования:

- а) установление главных и второстепенных факторов воздействия;
- б) создание вариантной реконструкции явлений и процессов;
- в) корректное использование моделей;
- г) определение степени взаимодействия признаков событий и явлений.

17. Необходимость обращения к математическому моделированию:

- а) для определения количественных воздействий признака-фактора на результат;
- б) для установления совокупной связи всех признаков;
- в) для выяснения возможностей альтернативного развития;
- г) для построения формально-количественных моделей.

18. В чем заключается сущность многомерного статистического анализа (МСА)?

- а) выявление факторов развития исторических явлений и процессов;
- б) интегральный анализ на основе «сжатия» информации;
- в) группировка объектов с одинаковыми свойствами;
- г) установление принадлежности объектов к определенному типу.

19. Сущность факторного анализа:

- а) выявление значимости каждого фактора функционирования объекта;
- б) определение условия развития объекта по определенному принципу;
- в) группировка объектов с одинаковыми свойствами;
- г) установление принадлежности объектов к определенному типу.

20. Реализация кластерного анализа:

- а) установление принадлежности объектов к определенному типу;
- б) выявление факторов развития исторических явлений и процессов;
- в) вероятностная классификация объектов;
- г) выделение групп объектов со сходными признаками.

21. Как распознаются образы в многомерной классификации?

- а) выявляется группа объектов с концентрированным выражением характерных признаков;
- б) осуществляется вероятностная классификация объектов;
- в) сопоставляются две категории символов, отражающих постоянную и переменную характеристики объекта;
- г) определяется степень сходства и различия между типами изучаемых явлений.

Занятие 3 _

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. ДИСКУРС-АНАЛИЗ

- I. Лингвистический поворот в мировой историографии.
Ситуация постмодерна.
- II. Методы современной лингвистики.
- III. Условия и целесообразность применения дискурс-анализа.
- IV. Собственные примеры дискурс-анализа.

I

Когда и в связи с чем произошел лингвистический поворот в мировой историографии?

Какое отношение имеет лингвистический поворот к антропологическому?

Покажите, что антропологический и лингвистический повороты затронули белорусскую историческую науку.

Охарактеризуйте ситуацию постмодерна. Дайте по возможности полный перечень историй (направлений в истории) возникших в середине второй половины XX в.

Как Вы думаете, каким параметрам должно отвечать то или другое направление в исторической науке, чтобы называться самостоятельным?

Какие проблемы ставит постмодернизм перед исторической наукой?

II

Назовите современные методы лингвистики. Чем они отличаются от прежних методов? Чем они вызваны? На какие мысли они наводят историка?

В чем Вы видите отличия герменевтики (методов герменевтики) от современной лингвистики (методов лингвистики)? А что общего?

Чем ценна современная лингвистика для истории?

III

Когда целесообразно применение дискурс-анализа в историческом исследовании?

Что может дать историкам дискурс-анализ?

Внимательно прочтите приведенный в лекции дискурс-анализ речи И. В. Сталина 3 июля 1941 г. и дайте более подробный анализ этой речи:

Товарищи! Граждане!
Братья и сестры!
Бойцы нашей армии и флота
К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не было. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется глав-

ным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 г. между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское Правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского Правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 г. Могло ли Советское Правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии, если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является

серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией. Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому Правительству, одобряют поведение Советского Правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом – германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, полных нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха, в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага. Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отомстить за каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу. Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысяч-

ного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою родину в нашей отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу родину, создан Государственный Комитет Оборона, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Оборона приступил к своей работе, и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина, Сталина, вокруг Советского Правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне
Советского Союза. М. : ОГИЗ, 1944. С. 715.

Констатируйте новое, что Вы обнаружили в речи по сравнению с информацией, предложенной в лекции.

IV

Предложите свой (лучше из источников дипломной работы) текст для дискурс-анализа и осуществите анализ с предоставлением текста и выводов.

ЗАНЯТИЕ 4

Междисциплинарность в историческом познании (форум-1 на базе ДО e-University)

Хочешь быть умным, научись разумно спрашивать, внимательно слушать, спокойно отвечать и переставать говорить, когда нечего больше сказать.

И. Лафатер

- I. Сценарий форума «Междисциплинарность в историческом исследовании».
- II. Форум на базе ДО e-University «теста».
- III. Прохождение «незавершенного» теста.
- IV. Модульно-рейтинговый итог форума.

I

Познакомьтесь с предложенным сценарием форума, уясните его, имея в виду теоретический характер занятия, но базирующегося на практике исследовательской работы.

Сценарий форума

Междисциплинарность в историческом познании

Мне не хотелось бы ставить перед Вами общий вопрос, почему историке необходимы знания и умения, которые дает методология истории. Я предлагаю более узкую, но специальную тему (проблему) «Междисциплинарность как объект исторического исследования». Здесь, на мой взгляд, возможны следующие вопросы:

- 1. С чем связана постановка этой научной проблемы?**
- 2. Макро- и микроуровень в изучении междисциплинарности.**
- 3. Возможная модель междисциплинарных исследований.**
- 4. Условия, при которых возможны такие исследования.**
- 5. Практические выгоды междисциплинарных изысканий.**
- 6. Границы и тенденции междисциплинарных контактов.**

А на Ваш взгляд, какие еще вопросы можно поставить по этой проблеме?

Попробуем ответить на поставленные вопросы, не претендуя, разумеется, на должную полноту и всесторонность ответов, так сказать, в первом приближении, чтобы: а) знать, в каком направлении рассуждать; б) какие в действительности результаты мы получим.

Итак, вопрос 1-й – неостребованность истории, интеграция наук, противовес былому идеологическому единству, способ активного межнаучного диалога, повышение научного статуса истории (прошу продолжить ответ);

2-й – на макроуровне потребность в междисциплинарности уже стала реальностью (появились различные направления в мировой исторической науке...), на микроуровне нет, мы не имеем вариантов взаимодействия, анализа ее почвы, представлений о ее глубине, границах возможных заимствований, анализа итогов междисциплинарного воздействия...;

3-й – установка исследователей, формирование коллектива, поиск и оценка проблем, разработка метаязыка, проведение исследований, интерпретация результатов...;

4-й – выявление объекта исследования, сохранение его свойств, разработка методической схемы его анализа...;

5-й – расширение методологической базы исследования, развитие теории, возможность проведения эксперимента в целях подтверждения истинности результата, его адекватности реальности, прогноз развития сконструированного междисциплинарного объекта, эффективное использование результатов в научной и практической деятельности..., а для преподавателя (учителя) проведение интегрированных занятий...;

6-й – предел имплантации «чужой» науки, устанавливаемый конкретными историческими и социальными условиями, и обусловленный задачами, решаемыми ею....

Возможно, продолжить рассуждения Вам поможет обращение к текстам.

Тесты

1. В чем состоит природа исторического познания?

- а) в концептуальном видении исследователем своего объекта исторической действительности;
- б) в реконструктивном характере исторического познания;
- в) в ретроспективном характере исследования;
- г) в субъектно-объектных отношениях в исторической науке.

2. В чем заключаются принципы исторического познания?

- а) в их качестве выступают исходные понятия науки;
- б) это основные способы решения научных проблем;
- в) они заключаются в определенных требованиях, которыми должен руководствоваться исследователь;
- г) это категории – общие понятия, в которых концентрируются важнейшие знания истории.

3. В чем сущность методов исторического анализа?

- а) они выступают в качестве средств познавательной деятельности;
- б) это совокупность приемов и операций, которые регулируют деятельность историка;
- в) это та же совокупность приемов и операций, которая обеспечивает решение исследовательской задачи;
- г) в анализе исторических объектов как с позиции их внешнего, так и внутреннего представления.

4. Какой метод из числа традиционных, на Ваш взгляд, чаще других используется историками?

- а) генетический;
- б) сравнительный;
- в) типологический;
- г) системный.

5. Чем вызвана потребность в инновационных методах исторического исследования?

- а) информатизацией общества;
- б) введением в научный оборот новых источников;
- в) недостаточностью объяснительных функций исторической науки;
- г) интеграцией наук.

6. Укажите, какое сочетание нижеуказанных понятий ближе к исторической действительности?

- а) методология – источниковедение;
- б) методология – историография;
- в) методология – эпистемология;
- г) методология – прикладная математика.

7. Заполните отсутствующие места в следующих фразах:

- а) методология истории как учебная дисциплина зародилась ...
- б) в советской исторической науке методологические исследования начались в ...

- в) с самого начала определилась ... школа методологии истории;
- г) в СНГ специализация студентов исторических факультетов была впервые введена на ...

8. Установите наиболее адекватное соотношение следующих понятий, имея в виду основной источник появления того или иного направления в историографии:

- а) сфера исследования – историческая информатика;
- б) методы – экологическая история;
- в) источники – психоистория;
- г) проблемы – гендерная история.

9. Разъясните фразу «Междисциплинарность определена как онтологический объект исторического исследования», построив четыре предложения с использованием следующего набора слов:

- а) интеграция», невостребованность, единство;
- б) задача, модель, границы;
- в) выявление, схема, привлечение;
- г) опыт, предсказание, объединение.

10. Каким требованиям должен отвечать междисциплинарный объект исторического исследования?

- а) обладать возможностью для межнаучного диалога;
- б) являться микрообъектом;
- в) представлять самовоспроизводящую систему;
- г) вписываться в концепцию длительной временной протяженности.

Убедились ли Вы, что поставленная задача творческая и, чтобы ее решить, необходима достаточная мобилизация мышления. И она вполне решаема, о чем убеждает опыт проведения форума в течение нескольких лет. На организованном одновременно для студентов БГУ и студентов Гродненского государственного университета дистанционном обучении к шести пунктам плана был добавлен еще один пункт и расширены ответы по пунктам № 1, 3, 5. А всего на данный момент зарегистрировано восемь пунктов плана и дополнительная информация по всем шести первоначальным пунктам. *Держайте!*

II

По курсу «Основы информатики» Вы познакомились с системой (платформой) ДО *e-University*, с ее опцией «форум» (для входа в систему необходимо иметь собственный пароль).

Если Вы забыли, как работать с системой, обратитесь к лаборанту.

Постарайтесь использовать все достоинства такой формы занятий, как форум e-University, который так или иначе побуждает всех *включиться* в работу, *проявить себя, получить удовлетворение, быть полезным в деле* дальнейшего углубления изучаемой научной проблемы и совершенствования обучения.

III

Каждый работает самостоятельно. Оппонирует, развивает или дополняет предложенные ответы, дискусирует с товарищами по группе.

Роль преподавателя сводится к регулированию ответов по времени, к тому, чтобы никто из Вас не уходил далеко за пределы темы, и к адресным замечаниям по существу.

IV

Учитываются все Ваши выходы на экран по теме занятия, причем каждый ответ оценивается по 10-балльной системе, а наиболее удачный ответ, дополняющий уже предложенный (предложенные) в сценарии «для побуждения», наивысшим баллом 10.

По итогам работы подсчитывается общее количество набранных баллов. Полученная сумма может доходить до 60 и более баллов. Затем к этому количеству (например, от 10 до 60 баллов) прибавляются баллы, набранные на обычных занятиях. Итоговая сумма баллов приводится в соответствие с действующей 10-балльной системой оценок, и полученная оценка является контрольной на экзаменах. Ее можно увеличить, подтвердить или даже уменьшить, что нежелательно не только для Вас, но и для преподавателя.

Из-за возникших трудностей в организации занятия студентам предложим принять участие в одном из двух предложенных форумов.

Сравнительная модульно-рейтинговая оценка работы студентов
по курсу «Методология истории» в 2009/10 учебном году

№ п/п	ФИО	Курс	Группа	Лекции	Практич.	Форум 1	Форум 2	Всего	Рейтинг	Экзамен	Общая
		V	№	баллы	баллы	баллы	баллы	баллы	оценка	оценка	оценка
1	Абдуллаева Эльвира Габидуллаховна	5	4	28	10	0	24	62	8		
2	Андреев Николай Анатольевич	5	4	24	6	0	25	55	7*		
3	Варган Антонина Анатольевна	5	4	20	5	0	0	25	1		
4	Войтехович Константин Геннадьевич	5	4	30	11	16	0	57	6		
5	Вологович Юлия Александровна	5	4	26	9	0	0	35	2		
6	Гасюк Виталий Владимирович	5	4	28	4	0	17	49	5		
7	Грибовская Александра Владимировна	5	4	26	7	8	6	47	5		
8	Гуринов Евгений Александрович	5	4	24	6	0	4	34	2		
9	Демидович Ольга Владимировна	5	4	26	9	0	0	35	2		
10	Дмитриев Ярослав Алексеевич	5	4	26	10	17	0	53	7*		
11	Дубровская Елена Валерьевна	5	4	28	11	0	23	62	9*		
12	Дырко Евгений Вячеславович	5	4	20	2	0	8	30	2		
13	Жук Анастасия Владимировна	5	4	28	3	8	8	47	5		
14	Ковалев Антон Владимирович	5	4	22	2	0	9	33	3*		
15	Ковалевская Ольга Игоревна	5	4	28	10	36	15	89	10		
16	Орешко Светлана Владимировна	5	4	20	7	10	8	45	5		

* Плюс 1 балл за оригинальный ответ.

Анализ распечатки протокола форума-1 показал, что студенты 4-й группы, участвовавшие в этом форуме, давали достаточно обдуманные ответы (табл. 9). Оригинальными из них оказались рассуждения **О. И. Ковалевской**. Она убедительно связала *постановку* данной проблемы: 1) уже имевшейся практикой взаимодействия научных дисциплин; 2) антропологическим и лингвистическими поворотами в мировой истории. Раскрывая *модель* междисциплинарного исследования, подчеркнула необходимость включения в нее такой составляющей, как исходные данные об объекте исследования. Говоря *об условиях* такого исследования, указала на необходимость выявления смежной дисциплины, в большей мере отвечающей этим условиям.

Примечательно, что **Я. А. Дмитриев** проявил убежденность в том, что специальность историка требует широких познаний в самых различных областях современного научного знания, что междисциплинарный подход, обеспечивая доступность к широкой источниковой базе и современному технологическому инструментарию, создает возможность думать, выходя за пределы принятой (официальной) исторической парадигмы. Я. А. Дмитриев призвал студентов не скатываться к «*поп-истории*».

Занятие 5 _

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ИСТОРИИ

(форум-2 на базе ДО e-University)

- V. Отечественная история XX в. с позиции модернизма.
- VI. Сценарий форума «Социокультурные измерения истории: новые проекты».
- VII. Форум на базе ДО e-University.
- VIII. Модульно-рейтинговый итог форума.

I

Исходя из модернистской концепции выделите в истории XX в. несколько периодов, различающихся по следующим признакам: 1) соотношение внешней и внутренней сторон исторического процесса; 2) социальные структуры и собственно человек – творец истории; 3) история в ее цельном представлении и истории как самостоятельные направления; 4) пропорция использованных традиционных и нетрадиционных методов.

Назовите особенности современного периода в развитии мировой исторической науки. Какие проблемы стоят сегодня перед исторической наукой?

Попробуйте охарактеризовать современное состояние отечественной историографии.

Суть понятий «социальная история» и «культура». Их соотношение? Что значит «социальные измерения истории»?

II

Сценарий форума

Социокультурные измерения истории

Предлагая тему для форума, мы стремились освободить Вас от условий изначальной «заданности» образовательного процесса. Поэтому тема, внесенная на обсуждение, сформулирована так, чтобы быть максимально «открытой» и свободной для Ваших гипотез, наблюдений, выводов и, возможно, прогнозов.

I этап. На этом этапе предлагаем обсудить следующую совокупность вопросов:

1. Всемирная историография в первой половине XX в.: конец «золотого века», объективизм, структурализм и социальная история.
2. Социальные перемены 1960–1990-х гг. как фактор историографии.
3. Нужна ли сегодня «апология истории»?
4. Перемены в историческом познании и сознании, 1960–2000-е гг.
5. История в начале XXI в. : продолжение следует...

Просим продолжить перечень возможных вопросов по поставленной проблеме.

II этап. На этом этапе предлагается прокомментировать поставленные вопросы. Интерпретация может включать следующие параметры:

По 1-му вопросу:

а) время методологических сомнений и философско-исторических споров;

б) социализация историографий в первой половине XX в. (социальная история во Франции, Великобритании, США, Германии, России, Беларуси);

в) проекты модерна: тотальные объяснения и их социально-культурные вариации (Советский Союз, США, нацистская Германия и др.);

в) история коллективных ментальностей и «Анналы социальной и экономической истории»...

По 2-му вопросу:

а) процессы демократизации, социальные волнения, «сексуальная революция» в странах Запада;

б) явления «оттепели» и их культурные выражения в странах социалистического лагеря;

в) попытка «перестройки» и распад СССР, «бархатные» революции, социальная поляризация в Беларуси и проблемы «гражданского общества»;

г) ситуация постмодерна и процессы глобализации...

По 3-му вопросу:

а) советская историография: проблема «объективности» историка и зависимости от идеологии (можно иметь в виду примеры интерпретации белорусской истории);

б) проблемы постнеклассической философии в отношении истории (объект/субъект, прошлое/история, событие/факт, нарратив/интерпретация, постижение/отражение и т. п.);

в) белорусская историография после перестройки: зеркало перемен или последний «форпост» модерна...

По 4-му вопросу:

а) антропологизация исторического знания (постановка человека и его многообразных жизненных проявлений в центр истории, использование методов и подходов культурной антропологии, культура как вмещилище символов человеческой деятельности);

б) влияние постмодернистской «чувствительности» на историографию (лингвистические «трудности», анализ дискурсивных практик, проблема релятивизма, деконструктивизм...);

в) новые предметы и направления исследований (история женщин и гендерная история, история повседневности, устная история, история ментальностей, историческая демография...).

По 5-му вопросу:

а) «класс», «нация», «дискурс», «культура...

б) исторический нарратив: ситуация безвластия?

в) глобализация и «национальные концепции» истории...

Предлагаемые параметры условны. Требуется их критическое обсуждение, уточнение и расширение до оптимальности.

Хотя сама форма нашего общения – форум – диктует свободный обмен и даже, возможно, поляризацию мнений, это не снимает обязанностей с каждого участника качественно готовиться к сеансам. В этих целях предлагаем использовать подборку основной литературы по теме 5-го занятия, которую желательно пополнить по собственной инициативе.

Литература

Историография эпохи «модерна» и «объективности»

Губман, Б. Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций / Б. Л. Губман. М., 1991. 189 с.

Историческая наука в XX в.: Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: учеб. пособие для вузов / под ред. А. В. Адо [и др.]. М. : Простор, 1-е изд. 2000, 2-е изд. 2002. 431 с.

Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под. ред. Г. А. Бордюкова. М. : АИРО, 1996. 463 с.

Историография новейшего времени стран Европы и Америки
История и сталинизм / сост. А. Н. Мерцалов. М. : Политиздат, 1991. 446 с.
История исторической мысли XX в. Томск : Томский ун-т. Вып. 1. 2001; вып. 2.
2003.

Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина.
М. : ИВИ, 1998. 320 с.

Репина, Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории Ч. 1 / Л. П. Репина // Социальная история. Ежегодник, 1998. С. 11–52; Ч. 2 // Там же. 1999. С. 7–38.

Румянцева, М. Ф. Теория истории: учеб. пособие / М. Ф. Румянцева. М. : Аспект Пресс, 2002. 319 с.

Русакова, О. Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи / О. Ф. Русакова. Екатеринбург : УрО РАН, 2000. 354 с.

Сидорцов, В. Н. Актуальные методологические проблемы исследования истории / В. Н. Сидорцов // Гуманитарно-экономический вестник. 1998. № 1. С. 24–30.

Согрин, В. В. Современная историография Великобритании / В. В. Согрин, Г. И. Зверева, Л. П. Репина. М. : Наука, 1991. 225 с.

Уайт, Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт; под ред. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитонова. Екатеринбург : Урал. ун-т, 2002. 527 с.

Философия истории. Антология: учеб. пособие / под ред. Ю. А. Кимелева. М. : Аспект Пресс, 1995. 349 с.

Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX в.): учеб. пособие / СПб. : Санкт-Петербург. ун-т, 1997. 177 с.

Постмодерн и постнеклассическая философия в отношении истории

Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт; пер. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1994. 615 с.

Гурко, Е. Деконструкция: тексты и интерпретация: Деррида Ж. Оставь это имя (Постскрипtum). Как избежать разговора: денегации / Е. Гурко. Минск : Экономпресс, 2001. 319 с.

Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек. М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. 159 с.

Ильин, И. П. Постструктурализм и диалог культур / И. П. Ильин. М., 1989; *Его же.* Некоторые концепции искусства постмодернизма в современных зарубежных исследованиях. М., 1988; *Его же.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. 255 с. ; *Его же.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М. : Интрада, 1998. 255 с. ; *Его же.* Постмодернизм. Словарь терминов. М. : ИНИОН РАН (отдел литературоведения), INTRADA, 2001.

384 с. ; *Его же*. Теория знака Ж. Дерриды и ее воздействие на современную критику США и Западной Европы // Семиотика. Коммуникация: сб. обзоров. Стилль. М. : ПИК ВИНТИ, 1983. С. 108–125.

Копосов, Н. Е. Как думают историки / Н. Е. Копосов. М. : Новое литерат. обозрение, 2001. 325 с.

Лиотар, Ж. Ф. Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар; пер. с фр. Н. А. Шмыт-ко. М. : Ин-т экспер. социологии; СПб. : Алетейя, 1998. 159 с.

Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Сидорцов, В. Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка) / В. Н. Сидорцов. Минск : БГУ, 2000.

Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко; сост. С. Тыбычникова. М. : Касталь, 1996. 447 с.

Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. В. Наумова. М. : Marginem, 1999. 478 с.

Шутова, О. М. «Антропологический» и «лингвистический» повороты в историографии / О. М. Шутова // Архівы на шляху XXI стагоддзя: гісторыя, спадчына, сучаснасць. Матэрыялы другога беларуска-французскага архіўнага семінара. Мінск, 8–10 лют. 2000 г. Минск. : НАН Беларусі, 2003. С. 182–184.

Шутова, О. М. Историография. Диалектика вызовов в условиях постмодерна / О. М. Шутова // XXI век: актуальные проблемы исторической науки. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск : БГУ, 2004. С. 40–42.

Эко, У. Имя розы / У. Эко; пер. Е. Костюковича. СПб. : Симпозиум. 2006. 632 с.

Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко // Иностран. лит. 1988. № 10. С. 88–104.

Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник. СПб. : ТООТК «Петрополис», 1998. 430 с.

Эко, У. Миграции. Терпимость и нетерпимость / У. Эко; пер. с ат. Е. Костюковича // У. Эко Пять эссе на темы этики. СПб. : Симпозиум, 1998. 96 с.

Глобализация

Арсеенко, А. Глобализация: социальные изменения и последствия в преддверии XXI века / А. Арсеенко // Постмодерн: новая магическая эпоха; ред. Л. Г. Ионин. Харьков, 2000.

Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 301 с.

Гидденс, Э. Постмодерн / Э. Гидденс // Философия истории. Антология. М. : Аспект Пресс, 1995. С. 340–347.

Ионин, Л. Г. Новая магическая эпоха / Л. Г. Ионин // Постмодерн: новая магическая эпоха. Харьков : Харьковский ун-т, 2002. С. 5–9.

Неклесса, А. И. Эпилог истории, или Модернизация versus ориентализация / А. И. Неклесса // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Московский

Общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М. 1999. С. 21–58.

Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы / под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. Минск : БГУ, 2002. 289с.

«Культурная история» (3-й и 4-й вопросы)

Гирц, К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры / К. Гирц // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб. : Университетская кн., 1997. 726 с.

Гирц, К. Польза разнообразия / К. Гирц // THESIS: Теория и история экономических социальных институтов и систем. М., 1993. Т. I, вып. 3.

Гуревич, А. Я. Избиение кошек в Париже, или Некоторые проблемы символической антропологии / А. Я. Гуревич // Труды по знаковым системам. Т. 25. Семиотика и история. Тарту : Тартуский ун-т, 1992.

Дэвис, Н. З. Возвращение Маргена Герра / Н. З. Дэвис; пер. с англ. А. Л. Великанского. М. : Прогресс, 1990. 206 с.

Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. М. : Академ. проект, 2001, 2008. 554 с.

Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. М. : ИВИ, 1998. 320 с.

Репина, Л. П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия / Л. П. Репина. М. : РОССПЭН, 2002.

Теоретико-методологические проблемы исторического познания: материалы к Междунар. научн. конф. в 2 т. / РИВШ; под ред. В. Н. Сидорцова, В. С. Кошелева, Я. С. Яскевич. Минск, 2000.

Гендерная история, история повседневности, микроистория, историческая антропология, устная история

Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Ф. Арьес; пер. с фр. Л. Ю. Старцева. Екатеринбург : Уральский ун-т, 1999. 415 с.

Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес; пер. с фр. В. К. Ронины; под общ. ред. С. В. Оболенской. М., 1992 (фр. изд. – 1977). 527 с.

Берк, П. Антропология итальянского Возрождения / П. Берк // Одиссей. Человек в истории. 1993. С. 272–283.

Блок, М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / М. Блок. М. : Языки русской культуры, 1998 (1-е фр. изд. – 1924). 709 с.

Блок, М. Феодалное общество. Т. I. Ч. 1. Кн. 2 (Условия жизни и духовная атмосфера) / М. Блок; Е г о ж е. Апология истории, или Ремесло историка. Изд. 2-е, доп. М. : Наука, 1986. 254 с.

Гендерные истории Восточной Европы / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Минск : ЕГУ, 2002. 415 с.

Гинзбург, К. Образ шабаша ведьм и его истоки / К. Гинзбург // Одиссей. Человек в истории. 1990. М. : Наука. 1990. С. 132–146.

Гренди, Э. Еще раз о микроистории / Э. Гренди // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1996. С. 291–292.

Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. М. : Искусство, 1984. 350 с.

Гуревич, А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников / А. Я. Гуревич. М. : Искусство, 1989. 366 с.

Гуревич, А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. М. : Искусство, 1990. 366 с.

Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. М. : Индрик, 1993. 328 с.

Гуревич, А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С. 114–135.

XXI век: Актуальные проблемы исторической науки : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол. : В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2004. 342 с.

Дэвис, Н. З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века / Н. З. Дэвис; пер. с англ. Т. Доброницкой. М. : Нов. лит. обзор. 1999. 391 с.

Женщины на краю Европы / под ред. Е. Гаповой. Минск : ЕГУ, 2003. 426 с.

К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли / под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск : ТГУ, 1994. 225 с.

Культура и общество в средние века в зарубежных исследованиях. Реферативный сборник: К XVII Международному Конгрессу исторических наук (Мадрид, авг. 1990) / под ред. А. Л. Ястребицкого [и др.]. М.: ИНИОН, 1990.

Культура и общество в средние века – раннее Новое время. Методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований: Сб. аналит. и реф. обзоров / РАН. ИНИОН; редкол.: А. Л. Ястребицкая (отв. ред.) и др. – М. : ИНИОН, 1998. 315 с.

Леви, Дж. К вопросу о микроистории / Дж. Леви // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.

Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. послесл. А. Л. Гуревича. М. : 1992. 370 с.

Ле Гофф, Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? / Ж. Ле Гофф // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 177–192.

Людтке, А. «История повседневности» в Германии после 1989 года / А. Людтке // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999 (вып.2). М., 1999. С. 117–126 с.

Людтке, А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людтке // Социальная история. Ежегодник. М., 1999. С. 77–100.

Методология истории: учеб. пособие для студентов вузов. Минск / В. Н. Сидорцов [и др.]; под ред. А. Н. Алпеева [и др.]. Минск : ТетраСистемс, 1996. 240 с.

Медик, Х. Микростория / Х. Медик // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. II. Вып. 4. С.193–202.

Мосс, М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / М. Мосс. М. : Вост. лит., 1996. 360 с.

Оболенская, С. В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ / С. В. Оболенская // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 182–198.

Ревель, Ж. Микроанализ и конструирование социального / Ж. Ревель // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 110–117.

Репина, Л. П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия / Л. П. Репина. М. : РОССПЭН, 2002. 349 с.

Ее же. Гендерная история: проблемы и методы исследования / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 110–127.

Ее же. Город, общество, цивилизация: историческая урбанистика в поисках синтеза / редкол.: В. Л. Глазынев [и др.] // Город как социокультурное явление исторического процесса. М. : Наука, 1995. 351 с.

Сидорцов, В. Н. Введение. Методические указания. Модуль 1. Электронный учебный курс в системе УМК / В. Н. Сидорцов // Методология истории: количественные методы и информационные технологии: учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2003. С. 3–42.

Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / отв. ред. Ю. Л. Бессмертных. М. : Наука, 1993. 208 с.

Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия / под общ. ред. В. И. Успенской. Тверь, 1999.

Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю. Л. Бессмертного [и др.]. М. : РГГУ, 1996. 376 с.

Шартье Р. Мир как представление / Р. Шартье; редкол. Е. В. Горнов [и др.] // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М. : РГГУ, 1996. С. 74–78.

Шутова, О. М. Феминизм и постструктурализм: генеалогии, взаимодействия, противодействия / О. М. Шутова // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Вып. 3.; под ред. И. Р. Чикаловой. Минск : БГПУ им. Максима Танка, 2000. С. 23–49.

Шутова О. М. Устная и гендерная истории в свете антропологизации историографии / О. М. Шутова // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Вып. 1.; под ред. И. Р. Чикаловой. Минск : БГПУ им. Максима Танка, 2000. С. 55–74.

Журналы

Одиссей: Человек в истории. М. [Выпускается с 1989 г.]

THESIS: Теория и история экономических социальных институтов и систем.

Казус: Индивидуальное и уникальное в истории [Выпускается Институтом всеобщей истории РАН].

Весті Нац. акад. навук Беларусі. Сер. хім. навук. 2005. № 1. С. 74–81.

III

Каждый работает самостоятельно. Оппонирует, предлагает ответы, дискусирует с товарищами по группе.

Роль преподавателя сводится к регулированию ответов по времени, к тому, чтобы никто из Вас не уходил далеко за пределы темы, и к адресным замечаниям по существу.

IV

Учитываются все Ваши выходы на экран по теме занятия, причем каждый ответ оценивается по 10-балльной системе, а наиболее удачный ответ до 10 баллов каждый.

■ Итогам работы подсчитывается общее количество набранных баллов, которое учитывается при определении итоговой оценки (рейтинг) за работу в семестре.

■ Общая оценка по дисциплине определяется по формуле $0,3X + 0,7Y = Z$, где X – балл рейтинга; Y – экзаменационная оценка; Z – общая.

В этом форуме оригинальными были признаны ответы:

1. О. И. Ковалевской. Историографию начала века она охарактеризовала такими чертами, как: а) недоверие к метатеориям, представление мира в виде разнообразия, нестабильности, набора различных интерпретаций; б) возвращение к нарративу с использованием всего ценного, накопленного в методологии истории; в) растущее внимание к дискурсивным практикам как к средству распознавания духа той или иной исторической эпохи. Для современной белорусской исторической науки характерен модернистский подход.

**Сравнительная модульно-рейтинговая оценка работы студентов
по курсу «Методология истории» в 2009/10 учебном году**

№ п/п	ФИО	Курс	Группа	Лекции	Практич.	Форум 1	Форум 2	Всего	Рейтинг	Экзамен	Общая
		V	№	баллы	баллы	баллы	баллы	баллы	оценка	оценка	оценка
1	Абдуллаева Эльвира Габидуллаховна	5	4	28	10	0	24	62	8	10	9
2	Андреев Николай Анатольевич	5	4	24	6	0	25	55	7*	4	5
3	Варган Антонина Анатольевна	5	4	20	5	0	0	25	1	5	4
4	Войтехович Константин Геннадьевич	5	4	30	11	16	0	57	6	10	9
5	Вологович Юлия Александровна	5	4	26	9	0	0	35	2	8	6
6	Гасюк Виталий Владимирович	5	4	28	4	0	17	49	5	6	6
7	Грибовская Александра Владимировна	5	4	26	7	8	6	47	5	5	5
8	Гуринов Евгений Александрович	5	4	24	6	0	4	34	2	10	8
9	Демидович Ольга Владимировна	5	4	26	9	0	0	35	2	10	8
10	Дмитриев Ярослав Алексеевич	5	4	26	10	17	0	53	7*	9	9
11	Дубровская Елена Валерьевна	5	4	28	11	0	23	62	9*	9	9
12	Дырко Евгений Вячеславович	5	4	20	2	0	8	30	2	8	6
13	Жук Анастасия Владимировна	5	4	28	3	8	8	47	5	6	6
14	Ковалев Антон Владимирович	5	4	22	2	0	9	33	3*	10	8
15	Ковалевская Ольга Игоревна	5	4	28	10	36	15	89	10	10	10
16	Орешко Светлана Владимировна	5	4	20	7	10	8	45	5	8	7

* Плюс 1 балл за оригинальный ответ.

2. Е. В. Дубровской. Развитие истории, по ее мнению, пойдет в двух направлениях: 1) создание популярных работ как продукта массовой культуры, т. е. по пути описательности; 2) информатизация исторических исследований (информация – движущая сила современного общества), в частности совершенствование методологии через внедрение инновационных технологий.

3. Н. А. Андреева. Апология истории, заметил он, необходима, но не как средство оправдания, а как средство доказательства того, что история, используя междисциплинарный подход и многообразие методов, имеет право называться наукой и претендовать на научное познание прошлого.

4. А. В. Ковалева. Интерес у студентов вызвали его рассуждения о культуре, в рамках которой они измеряли историю начала века. Конкретные обществоведческие исследования, как утверждал А. В. Ковалев, выявляют более высокую роль культуры, общественного сознания, менталитета в историческом процессе, чем это можно было предположить, исходя лишь из формационной парадигмы развития общества. Повышается научный статус самого понятия культура. Чем дальше наше общество погружается в состояние постмодерна, тем яснее становится, насколько его успехи и неудачи зависят от нашей деятельности, причем не только от ее интенсивности, положительной либо отрицательной мотивации, но и от тех способов деятельности, которые предоставляет нам культура.

ЛИТЕРАТУРА

XXI век: Актуальные проблемы исторической науки : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол. : В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2004. 342 с.

Барг, М. Категории и методы исторической науки / М. Барг. М. : Наука, 1984.

Берков, В. Ф. Методология науки / В. Ф. Берков. Минск : РИВШ, 2009.

Буйко, Т. Н. Философия образования: старая традиция или новая дисциплина / Т. Н. Буйко. Минск : НИО, 2000. 209 с.

Гендерные истории Восточной Европы / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Минск : ЕГУ, 2002. 415 с.

Гирц, К. Насыщенное описание: в поисках интерпретативной теории культуры / К. Гирц // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб. : Унив. кн., 1997.

Гобозов, И. А. Введение в философию истории / И. А. Гобозов. М. : ТЕИС, 1999. 363 с.

Гуревич, А. Я. Исторический синтез и «школа Анналов» / А. Я. Гуревич. М. : Индрик, 1993. 327 с.

Дэвис, Н. З. Возвращение Мартена Герра / Н. З. Дэвис. М. : 1990.

Женщины в истории: Возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / Бел. гос. пед. ун-т им. Максима Танка: И. Р. Чикаловой (отв. ред.). Минск, 2004. Вып. 3.

Женщины на краю Европы: сб. / Европ. гуманитар. ун-т, Центр гендер. исслед. : Е. Гаповой (отв. ред.). Минск : ЕГУ, 2003. 426 с.

Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. М. : Наука, 1987. 438 с.

Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 1–5. Мінск : БДУ, 2002–2009.

Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Методология исследований истории Беларуси: проблемы, достижения, перспективы : материалы междунар. науч. конф., Минск, 22–23 окт. 2008 г. / Ин-т. Истории НАН Беларуси; под ред. А. А. Коваленя. Минск, 2009. 255 с.

Методология исследования политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. труд. / Вып. 5. Дискурс в современном гуманитарном знании. Минск : БГУ, 2008.

Методология истории: учеб. пособие для студентов вузов. Минск / В. Н. Сидорцов [и др.]; под ред. А. Н. Алпеева [и др.]. Минск : ТетраСистемс, 1996. 240 с.

Миницкий, Н. И. Методы построения научного и образовательного исторического знания / Н. И. Миницкий. Минск : БГПУ, 2006.

Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. Гродно : ГрГУ, 2003. 348 с.

Новая и новейшая история. М., 2005–2009 (статьи по методологии истории).

Русакова, О. Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи / О. Ф. Русакова. Екатеринбург : УрО РАН, 2000. 354 с.

Политология / А. С. Гречин [и др.]. 3-е изд. М. : ЮНИТИ–ДАНА, 2006. 591 с.

Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы / под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. Минск : БГУ, 2002. 289 с.

Постмодернизм. Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск : Интерпрессервис, Книжный дом, 2001.

Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 1–4. Мінск : БДУ, 2006–2009.

Проблемы исследования истории Беларуси: материалы междунар. науч. конф., Минск, 26–27 окт. 2006 г. / Ин-т истории НАН Беларуси. Минск: Белорусская наука, 2008.

Прядеин, В. С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания, методы исследования (исторический анализ) / В. С. Прядеин. Екатеринбург : УрО РАН, 1995.

Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. М. : ИВИ, 1998. 320 с.

Репина, Л. П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия / Л. П. Репина. М. : РОССПЭН, 2002. 349 с.

Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 1–4. Минск : БГУ, 2004–2009.

Румянцева, М. Ф. Теория истории: учеб. пособие / М. Ф. Румянцева. М. : Аспект Пресс, 2002. 319 с.

Сидорцов, В. Н. Методология истории: количественные методы и информационные технологии: учеб.-метод. пособие / В. Н. Сидорцов. Минск : БГУ, 2003. 143 с.

Сидорцов, В. Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка) / В. Н. Сидорцов. Минск : БГУ, 2000.

Историческая информатика (Информатика для исторических специальностей): учеб. пособие / В. Н. Сидорцов [и др.]; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Минск : БГУ, 1998.

Теоретико-методологические проблемы исторического познания: материалы к междунар. науч. конф. В 2 т. / РИВШ; под ред. В. Н. Сидорцова, В. С. Кошелева, Я. С. Яскевич. Минск, 2000.

Ходин, С. Н. История и теория источниковедения: учеб. пособие / С. Н. Ходин, В. П. Грицкевич, С. Б. Каун. Минск : БГУ, 2008. 253 с.

Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. М. : Прогресс, 1991. 736 с.

Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. М. : Весь мир, 2003. 368 с.

Философия истории : Антология : учеб. пособие / М. : Аспект Пресс, 1995. 349 с.

Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. М. : Республика, 1993. 590 с.

Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. М. : Прогресс, 1997. 406 с.

XX век: Методологические проблемы исторического познания. Сб. обзоров и рефератов: в 2 ч. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и заруб. истории; редкол.: А. Л. Ястребицкая (отв. ред.) и др. М. : Ин-т науч. информ. по общ. наукам РАН, 2001. (Сер: Социальные и гуманитарные науки в XX веке).

Шутова, О. М. На пути к Истории людей (Заметки по истории исторической мысли в конце XX века) / О. М. Шутова. Минск : ПолиБиг , 1999. 107 с.

Шутова, О. М. Психоистория: школа и методы / О. М. Шутова. Минск : ТетраСистемс, 1997. 160 с.

Яскевич, Я. С. Основы идеологии белорусского государства: мировоззренческие ценности и стратегические приоритеты: учеб.-метод. пособие / Я. С. Яскевич. Минск : РИВШ БГУ, 2003. 169 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ (Вводная лекция)	5
Методология как механизм познания истории	5
Значение понятийного аппарата.....	5
Методологическое звено в цепи «теория – практика».....	11
Методология – научная дисциплина.....	12
Методология – учебная дисциплина.....	13
Часть I. КОНЦЕПЦИЯ	17
Лекции 1–2. Методологизация исторического мышления	17
Лекция 1	17
Методология истории в системе наук о познании	17
Методологизация как научная рефлексия	24
Новый взгляд на историю	25
Особенности современной методологии. Синергетическое видение истории	26
Лекция 2. Синергетическое видение истории	32
Эффекты синергетического подхода	32
Опыт синергетического представления истории Беларуси XX в.	38
Лекция 3. Социальные функции исторической науки	44
Социальные функции как отправной момент в методологии истории	47
Социальные функции исторической науки (функция памяти)	48
Социальные функции исторической науки (научно-познавательная)	50
Социальные функции исторической науки (воспитательная)	51
Социальные функции исторической науки (идейно-политическая)	53
Лекция 4. Принципы исторического исследования	56
Потребность в основополагающих принципах научного исследовании	56
Принципы исторического исследования: объективность	58
Принципы исторического исследования: историзм	62
Принципы исторического исследования: системность	65
Принципы исторического исследования: ценности в истории	67
Лекция 5. Структура исторического исследования	69
Понимание структуры исследования	69
Исторический источник в свете методологии	71

Научный факт	73
Уровни исследования	75
Организация и представление исторического знания	77
Понятийно-категориальный аппарат исторической науки	78
Описание результатов исследования	81
Часть II. МЕТОДЫ	83
Лекция 6. Традиционные методы исторического познания	83
Классификация методов	83
Обращение к общелогическим методам	84
Использование общенаучных методов	85
Традиционные специально-исторические методы	88
Применение методов, их недостаточность	93
Лекция 7. Количественные методы в историческом исследовании	96
Общая характеристика. Место и роль количественных методов в историческом познании	96
Измерение количественных и качественных признаков исторических объектов	98
Моделирование исторических событий и явлений	102
Многомерный статистический анализ	102
Использование информационных технологий	106
Лекция 8. Психоисторические методы	109
Психоистория и ее особенности	109
Психологические методы, их значение в историографии	111
Использование методов в целях понимания исторических явлений	113
Лекция 9. Герменевтика и лингвистика: методы понимания текста	118
Язык – не только средство общения	118
Лингвистический поворот в мировой историографии	122
Герменевтика – искусство толкования текстов	124
Появление лингвистики дискурса на смену лингвистики текста	126
Анализ дискурса как реконструкция социального контекста	129
Лекция 10. Методы семиотики, искусствоведческий анализ в социальной истории	133
Назначение семиотики	133
Порядок семиотического анализа	136
Применение семиотического подхода	137
Искусствоведческий анализ в социальной истории	146

Лекция 11. Методология и социальные науки	151
Взаимодействие истории и социальных наук	151
Социологические методы в историографии	153
Использование методов экономической науки	157
Методы политологии на службе у истории.....	159
Часть III. ПРАКТИКУМ	165
Занятие 1. Традиционные специально-исторические методы научного познания	165
Занятие 2. Математико-статистические методы исторического исследования	167
Занятие 3. Лингвистические методы исторического исследования. Дискурс-анализ	177
Занятие 4. Междисциплинарность в историческом познании (форум-1)	184
Занятие 5. Социокультурные измерения истории (форум-2)	191
ЛИТЕРАТУРА	193

Учебное издание

Сидорцов Владимир Никифорович

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ
КУРС ЛЕКЦИЙ

В авторской редакции

Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *Г. М. Романчук*
Корректор *Н. П. Ракицкая*
Компьютерная верстка *Т. А. Малько*

Ответственный за выпуск *А. Г. Купцова*

Подписано в печать 10.09.2010. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 13,45. Тираж 100 экз. Зак.

Белорусский государственный университет.
ЛИ № 02330/0494425 от 08.04.2009.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика.
Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛП № 02330/0494178 от 03.04.2009.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.
